

Анатолий Апостолов

Исторические зарисовки. Очерки и заметки

Черный фрегат

“Огромная машина пущена на удачу; никто не думает о будущем; экипаж ждет, кажется, первого урагана, чтобы поделить между собой добычу после кораблекрушения ...”

Саксонский посланник Лефорт, “Письмо из России”, 1728 г.

Неотступно, яко тень, привязался к нему этот Черный фрегат в особо тяжкий и зело щедрый на болезни 1728 год.

А впервой узрел он сей фрегат воочию на голландской верфи в Зандаме во время заката, когда гонец московский вручил ему в руки со смущением великим страшную новость: опять взбунтовались стрельцы, подстрекаемые зловредной сестрицей Софьей. К посланию же были приложены расспросные речи доносителей, а также список с призывной грамоты сестрицы из девичьего монастыря с велением стрельцам: ... “послать ведомость на Дон у городского дела Таганрога донским казакам и с ними всем порубежным стрельцам идти к Москве и там Немецкую слободу разорить и немцев побить за то, что от них православие закоснело; государя в Москву не пустить и убить за то, что почал веровать в немцев, последуя брадобритию и табаку, чем совершенно ниспровергнул наше благочестие”.

И не успел он до конца прочитать эти бумаги Преображенской канцелярии, как стал весь в корчах дергаться, глаза закатывать и весь белым сделался от бешенства и ярости ... Вот тогда он и увидел этот шибко плывущий фрегат, закрывший своими черными парусами полнеба и раскаленный, словно чугунное ядро, солнечный шар. Как ангел смерти, как знак свыше, скользил он по красной воде и кровавому закатному небу. А на всех трех мачтах его подняты паруса и с ними остальные - кливер, второй кливер, форстаксель и бизань. Скажи кому-нибудь такое, не поверят, чтоб вот так: при всех парусах, близ берега, в гавани, близ верфи ...

Долго кривила его лихоманка, еле отошел и сразу же, не мешкая, стал собираться в Москву – рубить головы стрельцам ...

А второй раз “это” случилось с ним в Москве, когда в январе 1710 г. веселый и радостный, он праздновал триумфальным шествием Полтавскую победу. Было пьяно и шумно, часто били барабаны и гремели литавры; и вдруг он оставил свое царственное место в процессии и во весь опор проскакал мимо кареты канцлера и датского посланника Юма. Лицо его было чрезвычайно бледно, искажено и уродливо. Он делал страшные гримасы и движения головой, ртом, руками, плечами, кистями рук и ступнями. Подъехав к одному простому солдату, несшему шведское знамя, стал безжалостно рубить его обнаженным мечом и осыпать ударами – быть может, за то, что шел не так, как хотелось ... Убил солдата, остановил свою лошадь, но все продолжал делать гримасы, вертел головой, кривил рот, заводил глаза, подергивал руками и плечами и дрыгал взад и вперед ногами. Вот тогда и проплыл по московскому небу Черный фрегат под всеми парусами, и, никого не было на его борту, и никто не стоял у румпеля... Видно, команда его обреталась в этом время в “доме скорби” в “Матросской тишине”, с зарешеченными окнами под присмотром суровых инвалидов.

Болезнь его настигала всегда: в дни неги или пьянства, во время военных переходов или длительных путешествий, в те дни, когда он не был занят работой, а в последнее время – в дни болезней, мучительных хворей, когда много времени для размышлений, для дум об уже сделанном и о том, что предстоит делать. Он всегда боялся этих дум, бежал от них в кузню или в Преображенскую избу, к токарному станку, где работал до изнеможения, лишь бы избавиться от излишка сил... Ви сам Бог наградил его такой неумемной силою, а может, сама “натура” – природа человеческая! Ведь еще в юности, друг самый верный, Лефорт говаривал ему: “Друг мой любимый, Питер, не торопись, поспешай медленно!” А он все время торопился, как будто завтра умрет и задуманное или подсказанное другими не успеет совершать. И откуда то у него? Ведь от батюшки своего, блаженныя памяти, царя Алексея Михалыча, он ничего и не воспринял, кроме кровушки родной! Батюшка ведь был ко всему безразличен и не любил деятельного беспокойства: он никуда не шел и даже не стоял, а просто спокойно возлежал на груди обломков старого и нового, не разбирая, откуда что идет, и подобрав под себя все, что было помягче и удобнее. А ежели и случались бунты или другие “неприятства”, то он волновался, как дите малое, однако ж все устраивали другие; умелые люди, и тогда он успокаивался, утешая себя: ...”нельзя, чтобы не поскорбеть и не прослезиться, и прослезиться надобно, да в меру, чтобы Бога не прогневать”. Вот так, как сказывают, он и жил – тихо и смиренно, а когда надо было проявить волю самодержавную, он, робкий царь, чтоб слушались его, действовал хитростью, либо слезами, либо недалекоим от слез нервным криком и жалкими словами... И что он ему, Петруше, дал, кроме болезни? А ничего, кроме рода, а здоровьем обязан матушке Наталье Кирилловне, ибо молода и в соку она была в ту пору. А батюшке 43-й годок пошел – он уже от вина и мяса и от явств разных, которые по ночам, тайком от матушки под одеялом кушал, стал ножками скорбеть (подагрой болеть) и телом тучнеть... В ту пору матушка и забрюхатила им, Петрушей, и об этом запись есть у постельничьего дьяка...

И в кого же он такой, неумемный и вечно спешащий? Не в бабку, не в мамку, не в отца и не заезжего молодца! А сам по себе, от Бога! И “подлое” окружение его, корыстолюбивые рабы вообразили себе, что во всех поступках монарха российского скрывается сверхчеловеческая мудрость и стали скоро называть его “земным богом”... Хорош себе “бог”, когда у него рези невыносимые внизу живота и моча нейдет... А как скверно он чувствует себя, когда мысли голову заполняют. Раньше легче было, когда здоровьем Бог жаловал... Бывало, наскучит ему международный политес и речи иноземных послов или неурядицы какие – бросит все псу под хвост и спрячется от всего постылого у себя в Преображенской избе или в петербургском домике от всех государственных дел и точит на своем станке ножки для стульев в течение нескольких суток, да так усердно, как столяр, “как будто бы работает за деньги и находит себе этим трудом пропитание... и можно подумать, что никакого другого дела у него и нет; а ведь в это время во всей громадной России ждут его другие дела – гражданские, военные и церковные – и ими только он один ведает, без помощи других”. И так у него исстари повелось: все делать самому, никому не доверять, а проверяя работу других, самому сделанное переделывать, хоть и хуже, по по-своему... Начнет одно, а потом бросит, забудет и начинает новое дело. Сначала делает, а потом думает, а не наоборот. А бывало и того хуже: забросит все дела в государстве и попойку устроит на недели две, чтобы поговорить о важных делах, для которых не назначено определенных дней, где в винных парах Бахуса иностранные посланники под столами умирают. А бывало и заставляли его самолично сортирующим рекрутов, как будто он самый младший офицерский чин... Ну как же, он везде – сам, везде – один, он полный хозяин всех дел в России. Он все знает, все видит, все может, все делает. Он “лично одарен столь совершенным и

высоким умом и познаниями, что один может управлять всем...”

Правда, один иноземный посланник как-то заметил ему: “Ваше Величество, неужто нет людей, которые вместо монарха могли бы проверять работы полотняных и канатных мануфактур, солеварен и кузниц?” На что он простодушно и кратко ответил б “Нет!”

Ценя в людях прежде всего испытанную верность себе, он имел весьма ограниченный выбор и не мог посадить на важный пост человека-специалиста, а назначал фигурантов, ничтожества, не имевших понятия о деле, которое должны были делать... Ему нужны были преданные слепые исполнители его воли. Таким образом, Шереметев и Меншиков оказались фельдмаршалами, Головин и Апраксин – адмиралами, Головкин – министром иностранных дел. А чтоб справно дела делались, к Шереметеву был приставлен Огильви для армии, к Апраксину – Крюйс для флота, к Головкину для дипломатии – еврей Шафирка, весь из мудрости сшитый и хитростью простроченный, а потом не менее хитрый и мудрый немец Остерман. Однако ж это только усилило для него необходимость за ними всеми следить самому, ибо с первых лет его царствования, когда окружили его “люди случая”, тогда и... “началось неправоное правление от судей и издоимство великое и кража государственная...” А скоро, нажив на его деньги “неудобьсказаемые палаты” и припася на черный день неслыханные доселе богатства, они своим равнодушием к делам царя составили молчаливый пассивный заговор, который не ускользнул от его острых очей. В 1719 году его прорвало, и он высказал старым слугам своим Меншикову и Апраксину: “Умри я сегодня, и вы завтра бросите завоеванные земли и Питербурх, оставите на произвол судьбы флот, который стоил столько труда, крови и денег! Не славою российской живете, не ее могуществом, а животами своими свинскими!” Что они могли сказать ему в ответ? Не могли же они честно признаться в том, что они и другие его подданные утомились смертельно от необходимости постоянно быть в делах и беготне. быть вечно настороже – как бы им из роскошных палат не отправиться на эшафот или в ссылку... А он продолжал обращаться к своим нерадивым подданным с уверениями учиться у умных, умелых и грамотных иноземцев, заниматься самообразованием и самовоспитанием, говорил им, что хочет превратить “детей” во взрослых, а народ вывести из скотского состояния. “Русские не хуже других народов одарены природой. Если другие развили свой ум, то почему же нам не развить его: разве мы какие-нибудь выродки рода человеческого? Ум у нас такой же, и успевать мы будем так же, если только захотим. Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней может повернуться задницей...”

А чтоб только “захотелось” – в этом не было недостатка и воли у него было в избытке. Оставалось только “приневолить” своих рабов и слуг – научиться тому, чему он сам научился в Немецкой слободе. А многому ли он там научился и можно ли вообще было там научиться всему, что позже увидел он в западных землях? Сам он сидеть за книгами долго не любил, терпения не хватало, а на книгу смотрел как на руководство к практическому делу и терпеть не мог “лишних рассказов, которые время только тратят и у чтущих охоту отъемлют”. А посему обходился талантами, Богом данными, и учителями, Богом посланными... “Мастером голландского языка был дьяк Посольского приказа Андрей Винуус; для экзерциций на шпагах и лошадей – сын датского резидента Бутенанта; а для математики и фортификации, токарного мастерства и для огней артифициальных – один гамбурченин Франц Тиммерман; а для экзерциций солдатского строя еще в малых своих летах от одного стрельца Присвова Обросима, Белого полку, а по барабанам бить – от старосты барабанщиков Федора, Стрелянного полку, а танцевать по-польски – с одной практики в доме Лефорта”. Такова была его академия, пройденная и дополненная потом в Голландии уроками кораблестроения и зубодергания. Все эти курсы наук, или лучше – искусств, всю жизнь твердо держались в его памяти: искусно выбирал

барабанную дробь, махал топором на корабле, дергал зубы, приготавливал ловко фейерверки, говорил по-голландски с моряками – и делал все это с большой охоткою и увлечением, как будто очередное дело и было его главным и единственным занятием. Входить в суть каждого дела и отдаваться ему вполне – было основной его чертой, объясняющей секрет его успехов и достигнутых результатов. Но учителем и воспитателем он был грубым и неважным. Его учительство слишком затянулось и могло продолжаться вечно. И сына своего царевича Алексея упустил, стараясь стать “отцом отечества” и императором Всероссийским, отдавая все силы, чтобы вывести Россию “из тьмы неведения на феатр славы всего света”. Всем говорил знаменательные слова: “Надеясь на мир, не надлежит ослабевать, в воинском деле, чтобы не погибнуть, как погибла Византия, монархия греческая; но также надлежит трудиться о пользе и прибытке общем... и чтоб облегчен был народ”...

И сыну своему царевичу Алексею он не раз говорил: “Оставь свои легкие потехи и займись важными! Два необходимых дела к правлению – введение добрых порядков и оборона”, т.е. вначале внешняя безопасность, потом и внутренний порядок. Однако ж не внял отцовскому совету, заупрямился и окружил себе “умными людьми” – боярами. И стал опасен. Раньше писал ему: “Не дури – уйди в монастырь!” А потом он понял – нужно убить, ибо весьма скрытен и умен, и то, что отцом задумано, все будет сыном загублено. Т он его убил чужими руками, руками своих рабов... И это очень большой грех... А сколько еще грехов было им совершено, несть им числа! И это ладно уж, можно смириться во благо России, но когда земные, мерзкие дела, как яд, как отравы, вливаются в дела царские, тут уж нет мочи... Мерзкая история с красавчиком Монсом, соблазвившим супругу его, императрицу Всероссийскую, открыла глаза на то, как он страшно одинок и изолирован. Он колебался между желанием уничтожить все, нанести вокруг себя страшные удары и сознанием невозможности начинать так поздно все опять, сизнова, с пустого места. Единственным возможным исходом из этого трагического положения была смерть...

И он, незаметно для себя стал умирать. О болезнях его “они” все знали, особенно о последних... А о самой главной он только один раз сказал в пьяном кругу своим ближайшим помощникам: что видится ему накануне припадков Черный фрегат... И только один самый наглый из его рабов – Алексашка Меншиков, князь-кесарь, в шутку сказал, что неплохо бы было, ежели б и вправду выкрасить российскому фрегату паруса в черный цвет и “навести страх великий на татей морских, сиречь, пиратов, воров и всякую сволочь в морях-окиянах обретающихся...”

“Нам не надобно более никого пугать, нас и так все страны боятся”, – ответил и все замолчали. А потом “человек шесть гвардейских гренадер внесли на носилках большие ведра с самой простой сивухой, запах которой слышен был за сто шагов”, и самый главный полковник, точнее царь, стал подносить иностранцам большие кубки в честь своей гвардии, говоря, что между гвардейцами нет ни одного, которому бы он смело не решился поручить свою жизнь...”

Недомогания были и в юности, об этом все знают. В зрелые годы, когда зело доволен был Бахусовым даром или же после несчастных баталий с многомесячными переходами, ночевкой под открытым небом в окружении неприятеля в Прутском походе... А хворать, дай Бог припомнить, он стан десять лет назад, в 1711 году, в октябре, когда в Шлиссельбурге праздновал взятие оною Урина проклятая одолела. Катька была в то время брюхата царевичем Петром Петровичам. А какой год нелепой выдался! То праздник великий, то печаль. Там же в Шлиссельбурге узнал он о рождении внука своего Петра Алексеевича – праздновал сие событие весьма крепко, хоть и больной был; а на другой день нашем мать новорожденного на смертном одре. И опять же, больной, в карете приехал проститься с умирающей невесткой – скончалась, любезная, в девятый день по

своим родинам; в двадцать один год... Бедняжка! Прогневался зело на сына и написал ему укоризненное письмо: “Или исправься, или будь монах!” И еще пуще заболел. Но после погребения царевны через два дня радость подвалила: родился от Катьки сын Петр Петрович, который 7 ноября крещен был.

Хоть и нездоровилось, однако ж весело было: за праздничным обедом карлица вышла из пиро и выпила за здравие новорожденного. За дамским столом такой же пирог начинен был карликом. Визг, крики, смех – в ушах ломило, а вечером фейерверк, “иллюминация”, а на громадном щите надпись: “Надежда с терпением”. Все горело, и сверкало, и надеялось, что боль пройдет. Но “боль, унижительная, мерзкая, прошла, а за что, позвольте спросить, дохтур Арескин и лейб-медик Блументрост большое жалованье получают?

Да и не стар он еще – пять десятков и три года еще не прожил, а дел очень много впереди! Надо будет – у цесаря Австрийского еще более знатных дохтуров выпишет. А дела в тот год одолели учредил Морскую академию и, будучи болен, занялся воинским сухопутным уставом; учредил по всей России дома для приема незаконнорожденных, зазорных младенцев – много таких появилось баб без совести и страха Божия: младенца в печатную грамотку завернут и на помойку выбрасывают – ведь из своего брюха, а не жаль...

Запретил указом рубить на дрова строевой лес. Повелел сеять больше льна и из его семени делать больше масла. а также сажать земляной плод, сиречь – картофил, а тех, кто его сажать боится или не желает, – тех пороть нещадно... Издал новый Устав коллегиям, распорядился крон-принцессы выплачивать жалованье в 30750 рублей. Повелел петербургским жителям крыть избы не соломой, а черепицей и вбивать сваи (чтоб в болоте не утонуть) под угрозой изъятия их домов в казну. Завел в Петербурге хрустальную и стеклянную фабрики, а также занимался географическими картами Северной Европы и Азии. Вон сколько дел сделано! И все он один!

В Рогервике определил – быть военной гавани: шведы не одолели эту постройку, а он построил. На другой день издал указы: о неподбивании сапог гвоздями и скобами, ибо таковые портят полы, а купцам торговать оными под страхом ссылки; кожевникам приказал изготовлять юфти новым способом, а за ослушание угрожал кнутом и каторгой. Издал указ о делании широких полотен вместо узких, положив за ослушание конфискация полотна в пользу доносителя и по гривне штрафу за аршин... Еще сто? Всего он и не упомнит, сколько уже было издано им указов, изменено, объяснено, отменено и вновь издано! Многие указы не выполняются, а если и выполняются, то нерадиво...

А еще писал он в Англию к капитан-порутчику Синявину о закупке пушек, о найме людей, что колоколами в воду ходят – водолазов. Надо же порты строить, и еще много недостроенных...

К концу года скончалась царица Марфа Алексеевна, вдова Федора Алексеевича. При ее погребении он запретил выть над покойниками как ныне, так и впредь... После этого он все время был болен до самого Нового года и вознамерился отправиться в Пирмонт к водам. Но и на водах не было покоя: вершил международный политес, оттуда же вновь писал в Питербурх об укреплении берегов Невы сваями и землею, дабы всех недоумков наводнение не затопило! Негодовал капитана Сиверса, не исправившего поручения касательно канатов. “Лучше бы сам взял на себя сие дело, – жаловался он Екатерине, – никому нельзя поручить ничего! Что делать?” Негодовал касательно плутовства русских купцов, кладущих посреди кипы льна и пеньки гнилой товар и даж камни...

Спасением от болезни были воды, и с 1717 года он стал водами пользоваться довольно часто. Хорошо способствовала прохождению мочи водица близ французского города. Там он высмотрел и взял в Россию великана по имени Николь,

а по-нашему – Николай. Сей великан умер год назад, с него содрали шкуру и отдали ее голландцу Нахрихту, чтоб тот сделал чучело усопшего для Кунсткамеры, а сей голландец ее испортил и сейчас не отдаст и солдат, присланных за шкурой, к себе не пускает. собака!

Ныне уже на дворе 1725 год. А что сделано? А ничего – одно пустяшное... Мечтал, что студиозусов в Академии наук обучали экономии, науке, которая государству большую прибыль приносит. Надобно узнать... А пока прибыль дают налоги и фискалы. Запретил указам попа хоронить покойников в неуказанных гробах, а на могилах будок, склепов не ставить, учредил также на улицах фонари завести и ночью их исправно зажигать – без него эти скоты, ей богу, не догадались бы! Монастыри приказал превратить в военные госпитали, монахов – в лазаретных смотрителей, монашек – в швей и кружевниц, пусть молятся и работают, пользу государству приносят! Незаконно рожденных приказал записывать в художники. Библиотекаря Шумахера для угощения посетителей Кунсткамеры определил расходовать 400 рублей, а то мало народу ходит на монструзов разные диковины смотреть. При этом ругал Шумахера за жадность. проявленную при закупке инженера немецкого Орфиреуса “вечный махины” вечного двигателя – за сто тысяч червонцев. Сейчас бы, когда много людишек вымерло, она бы, сия вечная махина, дюже сгодилась бы в кузне меха качать и молотом бить, на фабриках станки крутить, а для гаваней и портов скалы на камень дробить... Кроме всего прочего, издал указ о коронации императрицы и засобирался для этого в Москву, но снова занемог своей главной болезнью – запором урины. А посему отправился в конце февраля к Олонецким водам и лечился там с 1 по 15 марта. Наши воды не хуже французской водички оказались, и, когда стало лучше, 7 мая выехал в Москву. Короновал Екатерину новгородский архиепископ Феодосий, а Феофан Прокопович произнес речь “высокого штиля”. Все прошло торжественно и пышно, и обед был великолепен, вот жаль, что ему нельзя пить много вина... Да еще заметил он, что во время обеда стоял за стулом императрицы камергер фон Монс – молоденький красавчик... Катька оборачивалась к нему, ласково на него смотрела, как будто съесть его хотела вместо сахару... Сердце его больно забилося, и гнев, как прежде бывало, захлестнул, но припадка не было. Все быстро прошло, гнев схлынул. Палили пушки, все кричали “виват”. Меншиков раздавал медали. Гуляли девять дней.

А после праздника – снова дела. Запретил башкирам рубить нижегородские леса – за каждый пень велел отсекаль голову! Однако пней становится все больше, и скоро все леса вырубят на дрова. Запретил попам ходить незваными по домам со святой водой – пустое это дело! Осмотрел ладожский канал и свое заключение по нему сделал: торговым судам из Балтики в Черное море и в Каспий плыть надобно, а для рытья каналов много людишек потребуетя. А где их взять? Сколько их в войнах погибло, померло на строительстве крепостей и гаваней, сколько убежало в глухие леса с староверами и к казакам на юг, в степи?! И бабы стали плохо рожать, и младенцев много помирает.

Заклучил выгодный для России трактат с турками, начал строить полковые дворы, перенес Владимира мощи святого князя Александра Невского в Невский монастырь. Недавно начал переговоры с Пруссией. Послал в Архангельск корабельному мастеру приказ строить 3 корабля груландских, 3 бота и 18 шлюпок. Назначил капитана Беринга для открытия пути в Восточную Индию через Ледовитый океан. Повелел воск, сало, юфть и другие кожи в чужие края сухим путем не возить. Издал два указа о продаже съестных припасов и о размещении солдат, где есть пустые строения. Объявил раскольников бесчестными и носить им всем медные знаки, а женам их опаши и шапки с рогами, старинные.

После первого августа болезнь опять усилилась, и английский хирург Горн делал операцию. Все прошло хорошо. И он, почувствовав облегчение, собрался

посмотреть на ладожские работы. Лейб-медик Блюментрост пытался безуспешно уговорить его: “Вы губите себя, государь император. Неужели в государстве нет человека, которому Вы могли бы поручить осмотр солеварен? Оттолкнув лейб-медика, не задерживаясь, поехал в Шлиссельбург, оттоле на олонекские железные заводы. Так в кузне вытянул железную полосу в 3 пуда. Знай наших! Есть еще силенки в этих ручищах и Мы еще поцарствуем!

Потом поехал осматривать солеварни в Старую Ладугу, в Новгород, в Старую Руссу... А в это время императрица, коронованная супруга, спала с красавчиком Монсом...

5 ноября он на яхте своей прибыл в Петербург и, не приставая к берегу, поехал на Лахт осмотреть заводы. Пристал он туда вечером, погода была дурная и бурная, смеркалось... Вдруг в версте от Лахты он увидет бот с матросами и солдатами. Бот крепко сел на мель, и он послал на помощь шлюпку, но люди не смогли стащить судно на глубокую воду. Его это рассердило, он не вытерпел и поехал сам. Из-за отмели шлюпка не могла пристать к боту, и тогда он выскочил из нее и шел по пояс в ледяной воде, своими руками помогал тащить судно. Потом возвратился в Лахту переночевать и согреться, но ночь была бессонной; болезнь возобновилась и, возвратясь в Петербург, он слег в постель. Врачи опять суетились вокруг него, делая все возможное... А он продолжал работать. Учредил полкам иметь свой герб; знатных дворянских детей записывать в гвардию, а незнатных – в Славяно-латинскую академию в Москве или в губернские секретари. Велен казнить камергера Монса и его сестру. Монсу отрубили голову, сестра его была высечена кнутом, чтоб не сводничала, а два ее сына – камергер и паж – разжалованы и отданы в солдаты; нечего при дворе околачиваться и фрейлинам юбки задирать! Императрица, будучи любовницей Монсика, не смела просить за сего несчастного, она просила за его сестру, но царственный супруг был неумолим – ревность и обида терзали его на какого же ничтожного лакея, раба и фигуранта променяла Катька своего Питера-Императора, “Петера дем Гроссен”, сиречь – Петра Великого, как недавно обозвали его в дрезденском журнале “Куранты”... Дюже он тогда был зол, корчи стали корезить больное тело и пригрезился Черный фрегал. Неверную свою супругу он повез около эшафота, где стоял кол, а на нем торчала красивая голова ее любовника. Она не грохнулась в обморок – с юности увидев ужась войны и познав нравы обозной военной жизни, ее не пугали ужасы бытовой суеты. А он перестал о ней говорить, доступ к нему ей был запрещен. По его приказу голову Монса, дабы она не протухла опустили в стеклянную банку с крепким вином и поставили в спальне императрицы в изголовьи – пусть теперь любитесь еженошно своим пудельком Монсиком! А чтоб подобного не было и чтоб шальных карьер и через мздоимство и любовные посулы и потехи больше не делалось, издал он еще один указ о тех, “которые стараются выгоды искать у приближенных к государю, покупают покровительство – дают посылы и мзду, и таковым отсенкать головы”. Подписал сей указ с тяжелым сердцем и тоской, ибо в душе знал, что никому по этому указу никогда не отрубят голову. Он почувствовал себя одиноким, брошенным и несчастным. Вокруг него суетились мелкие услужливые люди, и вокруг него была пустота, пустыня.

16 января император Всероссийский, Отец Отечества, Петр Великий начал испытывать невыносимые муки. Жгло огнем низ живота и от боли не было спасения. Царапал на стене ковры, сжимал судорожно в побелевших от напряжения пальцах сырую от пота простынь, ворочался с боку на бок, поднимался и опять обессилено падал на постель. Как будто сама судьба решила на сей раз испытать этой адской болью его – самого властного, великого и непобедимого. Он кричал все шесть суток и днем и ночью, кричал до тех пор пока были силы, пока не охрип... Он лез на стены, сдирая ногти, плакал, просил у врачей облегчения; не приказывал, впервые в жизни

просил... А Феофану Прокоповичу жаловался: “О Господи! Как слаб и ничтожен человек! И неужели это я?! Жалкий червь!”

Он презирал сейчас себя за слабость, как некогда презирал своих врагов, когда их “с пристрастием” пытали, а они от адских мук плакали и просили милосердия, унижались... За все, и за дела, за грехи, в этой жизни надобно платить, и как ему казалось, он нес сейчас вполне великую расплату. И верно говорится в народе: чужая боль – не боль и чужая кровь – водица... Надеюсь на облегчение велел поставить близ своей спальни походную церковь. Но и после этого, всю ночь кричал, но крик уже был глухим и хриплым... Их продолжала слышать Екатерина. Нарушив запрет, не выдержав эти непрерывных криков за стеной, она пришла к нему облегчить его муки. Но на этот раз она была бессильна, и никто во всем не мог избавить его от этой боли...

На седьмой день своих мук он исповедался и причастился. Утром все петербургские врачи собрались у его постели. Они беспомощно молчали, все видели отчаянное состояние императора. Он уже не имел силы кричать и только стонал, непрерывно испуская кровавую мочу... Воздух был пропитан кислых запахом больного пота, запахом страха и умирания.

На девятый день его мук во дворец сошлись весь Сенат, Генералитет, члены всех коллегий, все гвардейские и морские офицеры, весь Синод и знатное духовенство... Церкви были отворены и полны народом, в них молились за здоровье государя, народ толпился также и перед дворцом. Екатерина не отходила от постели своего грозного когда-то супруга, а сейчас жалкого, иссохшего и несчастного. Она не шла спать до тех пор, пока он не приказывал ей жестом, а уходя, твердила со слезами на глазах: “Питер, прости! Питер прости!” А ему все “это” стало безразлично, все, что было с ней связано раньше, казалось мелким, глупым, пустым и ненужным... И царевен он не пустил к себе, покачав головой: “Не надо!” И вправду, зачем? Бабы! Не нужно им это зрелище, не нужно им видеть его боль и слабость, как гаснут последние искры надежды, как гасли они когда-то десять лет назад на огненной надписи на щите во время крещения сына Петра Петровича...

На десятый день, утром 27 января, он повелел освободить всех преступников, сосланных на каторгу, кроме убийц. Издал указ о прощении неявившимся на войсковой смотр дворянам. Осужденных на смерть по Артикулу по делам Военной коллегии велел простить, дабы молили они Господа нашего Иисуса Христа о здравии государевом... И, о чудо! К обеду немного полегчало, и он после обеда дал указ о рыбе, клее и казенных товарах, число коих сократил, облагая оставшиеся особыми сборами. Указал не считать казенными воск, конопляное масло, льняное семя, ремень, клей, смолу и икру черную... Пусть все это идет в отпускную торговлю во благо России...

Позвал к себе Прокоповича, чтобы послушать его и утешиться. К вечеру стало хуже. Его миропомазали... Стал жаловаться, что многое не успел сделать и особенно жалеет о том, что не отомстил Хиве за гибель Бековича и турецкому султану за неудачный Прутский поход. Сетовал также на то, что дела по “умножению народного богатства” всегда откладывал напоследок, но видит Бог, от всего сердца желал, чтоб “торжествовала довольность народная, как раньше бывало при батюшке Алексее Михалыче, когда праздничный день в лете, то все места кругом Москвы и за городом, в Марьиных рощах и на Девичьем поле, наполнены были народом, который в великих забавах и избах бывал, из чего можно было видеть довольность жития народного...” И не потому ль, из-за его нерадения о людях своих, случались в государстве Российском бунты и возмущения, а из кабаков московских и из застенков от смутьянов и староверов до сих пор хула на него несется: “Да какой он царь?!” Наш царь пошел в Стекольную (Стокгольм), и там его посадили в заточенье, а это не наш царь! Это – антихрист, и на нем антихристова

печать. В угоду немцам и лютернам заставляет носить платье немецкое, бороду стричь до самой плоти, дым дьявольский из ноздрей пушать, а вместо репы, дьявольский плод, картофиллом называемый в русскую землю сажать! И немцы разныя и лифляндцы у нас чуть ли не на головах наших пляшут и живут в свое удовольствие, а нам остается только одна честь – защищать свою кровью и охранять за свой счет чужие и иные народы! И умирает нас больше, чем рождается!”

Вот что он слышит, когда пускает свои уши в народ. Вот что, оказывается, у всех в сердцах! И тяжело ему от этого, и больно: ведь все силы положил, чтобы вывести дикий народ и Россию “из тьмы” неведения на феатр славы всего света; трудился на пользу и на общий прибыток, для облегчения народа через введение добрых порядков...”

О как он страшно устал! Жар нестерпимый, душно, язык стал сухим, непослушным, еле ворочается, и руки немеют, а ноги ледяные... Чувствуя приближение конца, стал думать о наследнике – кому оставить державу? Из тех, кто жив, нет зрелых и достойных... Чередой прошли перед его глазами младенцы, которых рожала ему Катька и которых он хоронил. В живых одни дочери и ни одного сына. Маленькие бабы, большие бабы. Сыночек Петр Петрович помер четырех лет от роду, а Павел Петрович жил всего один день.

Дочка Маргарита Петровна жила меньше года. Другой же – Наталье Петровне семь лет от роду, хворает, и медики говорят, тяжело ей, вот-вот помрет. Внуку Петру Алексеевичу нет еще и десяти лет; сирота от рождения и тоже хворый и квелый – в мамках еще нуждается и дурак дураком! Ясное дело, что за него управлять державой будет регент или баба. Цесаревна Анна? Умна, послушна, но слаба здоровьем. Шустрая баловница Елизавета Петровна? Девке шестнадцать лет – игрунья, румяная невеста, в голове ветер, гулянки и кавалеры: управлять империей будут ее жеребцы! Анна Иоановна? “Окурляндилась” с помощью супруга своего герцога Фридриха-Вильгельма. Ленива, глупа, плакса и обжора, вся в отца своего, слабоумного и безвольного, и управлять Россией будут жадные мужики немецкие! Супруге своей неверной Катьке все отдать? Не бывать тому! Облапошит ее лукавый казнокрад Алехашка Меншиков или капризный юный красавчик, мот и вертопрах!

Кому доверить славное государство Российское? Кругом бабы, бабы, одни глупые бабы! И это ли не кара Божья за все его грехи и за вечную, необдуманную заранее спешку во всех делах, больших и малых?! И что ж теперь будет с детищем всей его жизни, с его реформами, сиречь, нововведениями? Любая персона, случайная, без роду, без племени, без ума и прилежания, может после него сесть на трон и править, не радея о пользе державы, пятная его славное имя своими жалкими делишками или преступным бездействием? Ах, какая беда! Нужно спешить... скорей... скорей! Как же раньше он об этом не думал?!

Архиерей Псковский и Тверский и архимандрит Чудова монастыря стали его увещевать. Он оживился – показал рукой, чтоб они его приподняли и попытался повторять за ними трудные слова: “... сие едино жажду мою утоляет, сие едино услаждает меня...” А у него из горящего сухого рта вылетало: “сие дно жду... меня утомляют... сие... дно жаждет мя...” Он понял, что надежды на спасение нет и никто здесь уже не спасет его – перед этим “дном” и бездной все бессильны...

Напрягая последние силы, знаками и словами потребовал бумагу и перо. Попытался начертать несколько важных, самых насущных слов: “Отдайте все...”, и перо выпало из его немеющей слабой руки. Велел позвать цесаревну Анну. Она вошла, но язык отказывал... Только мозг продолжал лихорадочно работать и кричал, кричал, а с языка слетело чуть слышное дуновение:... “внуку...”. Но даже если бы кто-то и услышал это слово, то все равно бы не понял его. Какие же они все глупые и бестолковые, и как ему было сложно с ними делать дела! У него не было сил даже гневаться на них! Упал на подушку, чтобы набраться сил, отдохнуть. Увещающий

стал говорить о милосердии Божьем, о беспредельной любви и о жизни бесконечной. Он слышал явственно над ухом причастную молитву: “Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси...” Это было прощание с жизнью, его передавали из рук земных в руки небесные. Пятнадцать часов он уплывал от берегов жизни, мучился, стонал, беспрестанно дергал правую руку – левая была уже в параличе. Увещающий не отходил от него, и несколько раз он, слушая его, силился перекреститься, но все было тщетно. Троицкий архимандрит предложил ему еще раз причаститься, и он в знак согласия чуть приподнял руку. Его причастили опять. Присутствующие стали с ним прощаться. Он приветствовал всех тихим взором... Он хотел всем им сказать, что смерть не страшна, а страшно умирание и муки, связанные с ними. Всем живым об этом надо знать и об этом не забывать. Об этом он им скажет после... “После...” – дал он им знак, и все вышли в последний раз, подчиняясь его воле. А может, он и не хотел, чтобы они выходили? Кто знает? Они часто не понимали его.

Было четыре утра. Тверской архиерей продолжал ему читать на ухо молитву об отходящих. Рядом сидела Екатерина. Но он уже ее не видел. Охладевая и не показывая признаков жизни, он видел уже другое... Он видел себя молодым и здоровым, полным сил и новых замыслов. Был жаркий, солнечный, несказанно ослепительный день, и дул легкий ветером, наполняя все паруса Черного фрегата, на котором его уже ждали молодые русские матросы и все его друзья. Оказалось, что все они живы и никогда не умирали, и не сходили с ума в богадельне “Матросская тишина”. Здесь были все, кого он ранее имел глупость оплакивать, и самое главное – на борту фрегата были его наставники – Лефорт и Гордон... С ними весело и интересно! С ними легко плыть в открытое море, не боясь никаких напастей, обмана и измены. А сколько много дел его ждет впереди, больших и важных, ведь, что скрывать, самого главного он так и не успел сделать с оставшимися на пристани неумежами, бездельниками, лентяями и дураками...

Фрегат с андреевским флагом быстро удалялся от берега. Исчезла вконец за горизонтом суша. Вокруг искрящаяся водная стихия и ослепительное небо. Смолкли все звуки, и последняя мысль об оставшихся на берегу была простой: “Ушли, слава Богу! Опостылили! Потом...”

А потом чья-то властная и сильная рука бережно взяла его с палубы и, приподняв высоко вверх, так что захватывало дух от этой страшной высоты, нежно опустила, как ему показалось, во что-то похожее на громадную табакерку, на мягкую подстилку из табачных листьев, пахнущих почему-то голландским ромом. И крышка захлопнулась!

Великий реформатор России, Отец Отечества, император Всероссийский Петр Алексеевич умер на руках Екатерины в 6 часов утра 28 января 1725 года от Рождества Христова... Умер в грязном нижнем белье и в чулках, заштопанных, в целях экономии, самой императрицей Всероссийской...

За окном было темно. Продолжали коптить свечи, пахло ладаном и мочой. Коронованная вдова Марта плакала... Ах, Питер, Питер, о майн Герц!

Рождение мастера

Великие мастера нашего прошлого... Чувство восхищения и благоговейного трепета овладевает нами, когда мы смотрим на их творения. Бытовые, ювелирные изделия, оружие, механизмы и орудия мирного труда, дворцы, жилые дома, храмы из резного камня и кирпича, из дерева без единого гвоздя... И все сработано добротнo, изящно, крепко, с любовью, прилежанием и на века! Многие из мастеров вошли в нашу историю, но и многие имена забыты. Уж так несовершенно устроена

человеческая натура, что общество чтит и помнит в первую очередь великих разрушителей, и в последнюю – Созидателей. Больно и стыдно видеть сейчас, что многие наши архитектурные памятники реставрируют не русские мастера, а иноземные – финны, поляки, югославы, французы и даже... турки! В краткой сжатой статье мы, используя документы приказных дел старых лет Московской Руси (1635-1695 гг.), сделали попытку рассказать, где, как, у кого учились наши предки высокому ремеслу созидания и даже постарались проследить судьбы некоторых из них.

В лето 1692-е от сотворения мира, а по-нашему, в 1684 году от Рождества Христова марта в 17 день, решил житель Новомещанской слободы г. Москвы Тимофей Афонасьев отдать своего сына Куземку в “научение серебряному и золотых дел мастеру, посадскому человеку” Фаддею Кастьянову.

Конечно, отроку можно было бы еще погулять малость, еще годок, как говорится, покрутить собакам хвосты... Ан – нет, ибо с нового года, после первого сентября, задурил Куземка: стал часто бегать под Большой Каменный мост на Москва-реку, где “воровские люди, волочаи-бродяги и всякая сволочь обретаются. И стал Куземка у этой сволочи учиться всяким непотребным делам – “играть в зернь и кости, воровством промышлять”...

Ша, Куземка! Погулял – и довольно, пора за ум браться! Взял его отец и повел к Фаддею Кастьянову. Ювелиру шустрый и смысленый Куземка понравился, и все трое, как положено по закону, двинулись на Красную площадь к площадному подьячему Тимошке Татаринцеву жилую ученическую запись составлять, по-нашему, договор-контракт на индивидуальное обучение. А по пути Тимофей Афонасьев захватил знакомых своих, уважаемых в слободе людей – сына боярского Гаврилу Проселкова и полкового казака Афонасия Зимникова, чтобы они были при ученической записи “послухами” – свидетелями.

Подьячий Тимошка в один момент составил учебную запись. Указал имена и социальное положение сторон (контрагентов), обязательство мастера обучить ученика своему мастерству: “чему сам горазд и что сам умею”; указал срок обучения – 8 лет должен учиться Куземка ювелирному делу! Внес обязательство мастера поить, кормить и одевать ученика: “платье верхнее и исподнее и обувь носить его, Фадеево (мастера), а рубашки и портки мое, Куземкино”. Ученику указано было слушаться во всем не только учителя, но и членов его семьи и выполнять всякую работу не только по профессии, но и по дому. Внесено было в договор право мастера применять розги за нерадивость и лень и обязательство Куземки беречь хозяйский двор и “животы” – жизнь домочадцев. Был указан размер неустойки со стороны мастера: “ежели я его, Куземку, ремеслу, чему сам умею, учить не стану и со двора сгоню, то взять с меня неустойку десять рублей с полтиною; и размер неустойки со стороны родителя и “послухов” ученика – тоже десять рублей с полтиною. Указаны были имена свидетелей и совершено было “рукоприкладство” – их подписи на документе. Но это еще не все. Для придания ученической записи силы закона зарегистрировали ее в книгу Приказа холопьяго суда, в записные книги Новомещанской съезжей избы, и наконец, в книгу Казенного приказа, в военное ведомство на случай войны, где занесли также и особые приметы ученика: “а в рожу и по осмотру Куземко плосколиц, нос прям, на конец островат, глаза серы, брови и ресницы и на голове светлорусы, голова паршива, оказался 16 лет”. Вот и все! Не убежишь, Куземка, быстро тебя, голубчика паршивого, найдут!

Ну а если все-таки убежит шалун Куземка? Да еще прихватит с собой добро мастера, серебро и золотишко и инструмент и “рухлядь” всякую – меха и шубы, парчу и шелк заморский? Что тогда будет? Великое горе будет для его родителей, разорятся они на выплате неустойки, по миру пойдут Христовым именем кормиться! Уж лучше бы не рождаться их сыну, уж легче убить его! Неустойки такого рода были громадными – 15, 20, 30 и даже 50 рублей серебром! На 30 серебряных, “ефимков”,

можно было купить в то время 60 двухгодовалых бычков, или 30 дойных коров – целое стадо. По нашим временам, когда дойная 4-летняя корова стоит от полутора до двух миллионов рублей, – это почти новый “Мерседес”...

Обучение высокому ремеслу стоило очень дорого. Например, гравер, поляк А.Скрыплевский брал с боярина Б.П.Шереметева за обучение двух дворовых мальчиков в течение шести лет 30 рублей и еще взял “наперед” 10 “Нефимков” – серебряных дукатов. Ювелир Фаддей Кастьянов взял с отца Куземки 20 талеров. А знаменитый иконописец и художник Оружейной палаты Симон Ушаков и литейщик пушек и колокольных дел мастер Дмитрий Моторин брали за обучение по 40 рублей ежегодно!

По данным переписной книги 1638 года, в Москве было 2158 ремесленников. К концу века число их утроилось, но только две трети занимались обучением и обычно брали к себе двух, трех и более учеников. У Дмитрия Моторина было более 20 человек, у Симона Ушакова – 10, у мастера ствольных и замочных дел Ивана Странка – 5 человек, у медника Фабиана Креклера – 6 учеников.

Обучение мастерству было выгодным делом и весьма большим довеском к основному жалованью. Ведь за обучение платили родители ученика, государство и сам ученик своим трудом. Больше всего было ремесленников по металлообработке, литью и оружейному производству. Это были очень богатые люди и Мастерства своего дела. Эти настоящие педагоги отпускали своих питомцев одетыми, обутыми, снабженными необходимым инструментом – “снастями”, и даже трудоустраивали их... Этого требовал обычай того времени, это оговаривалось и в ученическом договоре, например, кузнец обещает, “обув, одев, по силе, отпустить от себя, как в людях ведется, и дать ему, выпускнику, кузнечную снасть: мехи да наковальни, да два молотка, один боевой, а другой одноручной, да тиски, а не будет снасти, дать ему, Анисимке, за ту снасть 5 рублей”. Но это еще не все. Кроме основного ремесла, мастера учили своих воспитанников грамоте, чтению, скорописи, “буквенной цифири” – счету, арифметике, а иногда и “землемерию” – геометрии. Обычно ученики приходили к мастеру уже умея считать и писать, но бывали и неграмотные недоросли... А если мастер сам неграмотный? – спросит дотошный читатель. Во-первых, такое было редкостью, а во-вторых, экая печаль! “На Большой улице от Земляного города по левой стороне у церкви св. мучеников Андриана и Натальи, построена на церковные деньги школа да богадельня”, а учителем там Андрей Гиря, мужик непьющий и шибко мудрый. Но за учебу весьма дорого берет, аж 3 рубля! Лучше отдать неграмотных отроков Ивашке Федорову, “родиною он, Ивашко, из Нежин-города, учился в Киевской академии и все хитрые науки знает и даже землемерие и алхимию! А за учебу мало берет – 2 рубля с души, а тягла платит за школу по пяти алтын”. Чудак какой-то, был бы похитрей, мог бы деньги лопатой загребать. Одним словом, церковных и частных школ в Москве было не очень много, но для тех лет вполне достаточно; были они и в других городах...

В Москве тогда насчитывалось более шестидесяти специальностей, приобрести которые можно было индивидуальным путем у мастером-учителей. Среди них были “интеллигентные” профессии: можно было научиться лекарской науке, аптекарской, скорописи и делопроизводству, торговле в лавке мануфактурой, “пушному торговому делу”. Были ученики у ветеринаров-коновалов... И, наконец, можно было обучиться инженерной науке у военного инженера Романа Трузина. В 1698 году у него учился и жил во дворе 4 года иностранец Христофор Иоганн Лейд.

Итак, юноша закончил обучение, сдал “экзамен”, изготовив на “показ” и “испытание” свое изделие и получил высокую оценку лучших мастеров России... Он открыл свое дело или его взяли на работу в казенное производство, в ту же самую Оружейную палату. Сколько же получал в то время новоиспеченный молодой мастер? На этот вопрос убедительно отвечает экзаменационный “испытательный”

лист Оружейной палаты за 1680 год: “Андрюшка Семенов тому ствольному и замочному мастерству научен совершенно. Стволы ствольные и пищальные узорчатые и замки всякие делает и на стволах и на замках золотом и серебром наводит, и золотит, и серебрит и сделает мастерством своим лучше ствольного мастера Василия Федотова. А посему положить оклад Андрею Семенову в 11 рублей и поденного корма по 3 деньги на день, хлебного жалованья – 8 частей ржи и 8 частей с осьминою овса”.

Много это или мало? Для начала жизненного и трудового пути молодого мастера вполне достаточно. Если брать за эквивалент крупный и мелкий рогатый скот и цены на него в XVII веке (корова стельная – 50 коп. серебром; бычок двухгодовалый – 25 коп., а овца – 10 коп.), то заработок мастера Андрея Семенова в пересчете на сегодняшние цены составлял 17 тыс. долларов США да плюс еще 1100 кг ржи и 1200 кг овса! Возникает вопрос: а зачем мастеру овес? Овес нужен не мастеру, а его лошади. На работу мастер ездил на коне, а пешком ходили подмастерья и разнорабочие. В случае войны мастер уходил воевать и работать в армии вместе со своим конем и со “снастью”. Успешно закончил обучение и знакомый наш Куземка (извините!), Кузьма Тимофеевич Афонасьев, он стал не ювелиром, а “грыдыровальщиком”, т.е. гравером, и притом неплохим, жалованье и поденного корму и хлебных припасов ему было назначено как и Андрею Семенову. При Петре Великом Кузьма работал вместе с голландским гравером А.Шхонебеком и русскими братьями А.И.Зубовыми, делал “карты генеральные Российской империи, перспективы городов и чертежи инженерные” на меди и на серебре. Вот тебе и Куземко, вот тебе и Андрейко...

Московское правительство высоко оценило труд отечественных мастеров, всячески защищало учеников от корыстных посягательств учителей-ремесленников. Государству было необходимо постоянное пополнение грамотными и умелыми кадрами казенных предприятий. Притом западные государи неохотно отпускали в Россию своих специалистов, и это понятно, а если и отпускали, то вместе с настоящими мастерами и учениками, “под шум телеги”, в Москву на легкие заработки и дешевую жизнь толпами наезжали разного рода авантюристы и мошенники... Готовить свои кадры на родине было выгоднее и надежнее.

Сохранилось много судебных дел о попытках некоторых русских мастеров закабалить своих учеников навечно. Например, вдова Варвара Макарьева “вышедши замуж за Михаила Мешкова написала ученика покойного своего мужа – Ивашку за собою ему, Михайлу, в свое приданое”. Но так как это было сделано незаконно, “без крепостей”, то Ивана, согласно ученической записи, Посольский приказ освободил на волю. Ничего не вышло у хитрой и деловой вдовы Варвары!

Но были и нерадивые ученики. Таким был Ванька Каин – одиозная личность в русской истории. Сын крестьянина Ростовского уезда, он с 13 лет был отдан в научение серебряному и золотому сусальному дел мастеру Гавриле Ивашневу, от которого сбежал после двух недель обучения, прихватив с собою 50 рублей денег и на 20 рублей “равной рухляди”, а именно: “ожерелье жемчужное большое (цена – 9 рублей с полтиною), да ложку, да чарку серебряные, да два стакана серебряных (7 рублей), да шапку мужскую соболиную, цвет крапивный, и прочая...”

У этого юного прохвоста было свое жизненное кредо: “Пей воду, как гусь, ешь хлеб, как свинья, работай – черт, а не я!” С награбленным добром Ванька убежал под Большой Каменный мост и влился в московскую воровскую шайку Петра Камчатки. С этой шайкой грабил в течение десяти лет армянских и персидских купцов в Москве и Нижнем Новгороде, на Макарьевской ярмарке. Устав от воровских дел, а скорее – желая власти, втерся в доверие “хозяина Москвы” князя Кропоткина и был поставлен им во главе команды сыщиков Сысного приказа. Отдал под суд всех своих сообщников, в том числе и друга своего – Петра Камчатку. Вместе со

своей командой неоднократно поджигал купеческие районы Замоскворечья, ремесленную Таганку и Котельники, жителей которых грабил в открытую средь бела дня, пользуясь пожаром и паникой людей.

Суд над Ванькой Каином и его командой длился три года, и только 27 февраля 1756 года по указу Сената и императрицы Елизаветы Петровны “вор Ванька Каин и товарищ его Алексей Шинкарка наказаны кнутом, вырезаны им ноздри и со знаками на лбу и щеках “В.О.Р.” сосланы в тяжелую работу”, в порт Рогервик.

В Рогервике Ваньку посетила муза: он написал сборник своих песен (которые были изданы дважды в конце XVIII века). Среди них знаменитая, “народная”:

Не шуми ты, мати, зеленая дубравушка,
Не мешай мне, молодцу, думу думати...

Он долго думал свои “думы”, оказался долгожителем: пережил царствование Петра I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и умер в царствование Екатерины Великой...

Вот и все, что можно было вкратце рассказать о ремесленном ученичестве “по найму” и за деньги. Но было еще ремесленное ученичество и “ремесленные училища” казенных производств... Об этом в следующий раз.

А пока... А пока давайте, дорогие читатели, выйдем из школьной избы, где наши предки – Куземки и Анисимки – решают трудные для них арифметические задачи: “А что получится ежели а Азу да прибавити Глаголь? Сколько действий совершити надобно, и что прибавить и как отнять, чтобы получить Добро?” А и правда, читатель, сколько “действ” надо совершить, чтобы получить Добро? Ведь арабских цифр на Руси еще не было, а была “буквенная цифирь”... Быстрее решайте, видите к нам подходит строгий учитель Иван Федоров, а в руках у него розги, и этим розгам, как и самому учителю – 350 лет!

Джонъ Эльмстон – “первый русский дохтуръ”

Дал ему Бог разум и всякую хитрость к наукам, дал увидеть многие страны; обычаи и нравы людей, населяющих их. Свыше десяти лет отдано труду познания. А теперь он свободен!

Идет он. Джон Эльмстон, – выпускник Кембриджского университета, вольный слушатель Сорбонны и Падуанского университета и доктор медицины, – по узкой Никольской улице на Красную площадь, гордо вскинув голову. Идет мимо торговых шалашей и уличных очагов-жаровень, на коих жарится для прохожих рыба всякая, мимо бочек с квасом, мимо пряного, калашного, орешного, суконного, холщевоего, кисейного, свечного, иконного рядов, мимо шибко вонючего живого рыбного ряда, мимо харчевен, питейных погребов и кружал, с которых вино продается на вынос... Шумно, весело, пьяно и грязно в Москве царя Михаила Федоровича.

Идет Джон Эльмстон мимо этой тленной суеты, брезгливо закрывая ноздри вышитым батистовым платочком, крепко вдавливая в уличную жижу своими английскими башмаками рыбы кости и потроха. Спешит, спешит на службу государеву в Аптекарский приказ. И только у книжной лавки Московского печатного двора остановил он свой скорый шаг. Щерится, рот до ушей, выбрал из груды новеньких учебных псалтырей и миней маленькую книжицу в красном кожаном переплете на двух бронзовых замках-застежках. А это букварь Василия Бурцова, изданный в прошлом 1634 году, августа 20-го дня, – “Букварь языка словенска, сиречь начало учения детем, хотящим учатися чтению божественных писаний...” – цена 1 рубль за штуку. Напечатано букварей много, а берут их мало: очень дорого – два двухгодовалых бычка отдать нужно за сию книжицу! Однако ж нужная и полезительная вещь, и мудрая словеса на странице двенадесятой: “Аз есмь всему

миру свет. Вижу всю тайну человеческую. Добро есть верящим по имя мое”. Н-да! Не скоро поймут русские отроки сию мудрость. А чтобы увидеть всю тайну человеческую и тем более тайны божественные, одного букваря маловато, здесь и всех книг мира не хватит! Это он, Джон Эльмстон, уже давно понял... “Букварь – наука, для отроков – бука!”

– Ивашко Алманзенов! Ты ли это, друг любезной?! А я уж думал, сгинул ты в странах иноземных! – раздался сбоку зычный хмельной голос и... вздрогнул Джон Эльмстон. Он отвык от такого унижительного обращения. Скоро, завтра, он начнет писать свои челобитные в московском духе: “Бьет челом тебе, раб твой и холопишко Ивашко Алманзенов...” Он вернулся в Московию...

Иван Алманзенов, сын главного толмача (переводчика-полиглота) Посольского приказа, был не первым русским, которого отправили учиться в западные университеты.

До него, по словам пастора М.Бера, попытку обучения русских за рубежом предпринял Борис Годунов в 1602 году. Он отправил 18 молодых дворян учиться разным наукам: 6 – в Любек, 6 – во Францию и 6 – в Англию... Об этом любопытном факте имеются сведения и в “Ганзейской хронике” Виллебранда.

Однако ни один из посланных в эти страны юношей на родину не вернулся. Это были первые “невозвращенцы” России. Двое из них достигли в английском обществе значительного для иностранцев положения – Федор Костомаров стал королевским секретарем в Ирландии, Никифор Григорьев – англиканским пастором, а трое, по сведениям Петрея, служили при дворе шведского короля Карла IX. Судьба остальных неизвестна. Бытует мнение, что русские юноши “болезненно увлекались хорошим и дурным, что они находили на Западе”. Может быть. Но и не стоит забывать, что после их отъезда из Москвы на учебу, в Московском государстве началось “нестроение” и Великая Смута, продлившаяся свыше девяти лет. Государство, охваченное восстаниями и дворцовыми переворотами, напрочь забыло своих подданных, оставило их на длительное время без денежного жалованья (“корма”), и юношам надо было выживать любым путем...

Иван Алманзенов был послан в Англию через десять лет после Смуты, после преобразования Аптекарской палаты в Аптекарский приказ, заботившийся, между прочим, о пополнении медицинского персонала, который с тех пор состоял исключительно из иностранных врачей. С самых первых лет обучения в Кембридже Алманзенов был под особым покровительством короля Карла I. Об этом мы можем узнать из письма английского короля царю Михаилу Федоровичу от 23 апреля 1629 года. “Мы узнали, – пишет король, – что этот самый Джон Эльмстон (так называли в Англии Ивана Алманзенова. – А.А.) со времени прибытия в наши владения сделал большие успехи в английском, латинском и греческом языках и в свободных искусствах, а теперь для продолжения образования отправился во Францию и Италию...”

О ходе и условиях обучения Алманзенова в Англии говорится в другом письме Карла I, полученном в Москве 20 мая 1631 года. В ответ на просьбу Михаила Федоровича обучить Алманзенова, когда тот вернется из Франции и Италии, “дохтурству лечебному и иных добрых мудростей” и определить ему жалованье (“корм”), английский король писал: “Согласно с просьбой Вашего Величества, мы отдали приказ канцлеру Кембриджского университета, чтобы Джон Эльмстон, сын Вашего главного переводчика, посланный сюда для изучения физики, пользовался здесь, по позвращении средствами. Мы также повелели коллегии наших докторов в Лондоне даровать ему доступ ко всем их занятиям и лекциям и помогать ему во всем по мере возможности”.

И, наконец, в письме русскому царю от 14 января 1636 года Карл I, сообщая о своем нежелании прислать в Москву “служить дохтурством” при царской особе

“своего верного и любительного подданного Петра Чемберлена”, напоминает Михаилу Федоровичу: “Нам объявлено, что дохтур Алманзенов, прирожденной Вашего Величества москвитин, несколько времени в нашем государстве учился дохтурству лечебному, и недавно поехал к Москве и по его службе там знатной ясно, что у Вашего Кесарского Величества довольна дохтуры есть...”

Первый русский доктор медицины Иван Алманзенов служил преподавателем и научным переводчиком при библиотеке Аптекарского приказа. Практикующих врачей в Москве было достаточно, а вот высокообразованных – очень мало. И не случаен тот факт, что в созданной при приказе в 1654 году медицинской школе 30 лекарских учеников учились только по переводным рукописным медицинским учебникам. Не хватало переводчиков медицинской литературы того времени был Епифаний Славинецкий, которым была переведена анатомия А.Везалия. А теперь в полку ученых-медиков прибыло...

К этому времени Аптекарский приказ стал солидным учреждением. Подъячий Посольского приказа Григорий Котошин в своей книге “О России в царствование Алексея Михайловича”, написанной им по заданию шведского короля, сообщал “Аптекарский приказ, а в нем сидит боярин, да дьяк. А в том приказе Аптека, и доктора, и лекари, да для наученья русских людей 70 человек, а будет тех докторов и лекарей 25 человек и жалованье им годовое и месячное, поочередно по сговору”. В штате приказа в 1629-1645 гг. находились доктора, лекари, алхимики, механики и “инвенторы” – инженеры для изготовления “дохтурской снасти” – медицинского инструмента и даже часовых дел мастера.

И тот факт, что первым дипломированным доктором медицины в нашей стране был Иван Иванович Алманзенов, а не Петр Васильевич Постников (1694 г.), как это утверждает официальная историческая наука, дает пищу для некоторых размышлений.

И что интересно: и в XVII веке, и даже в первой половине XVIII века высококвалифицированный и всесторонне развитый специалист зачастую не использовался Российским государством в прямом назначении. Как и Алманзенов, так и упомянутый уже нами выпускник Падуанского университета Петр Постников по приезду в Москву, уделив малое время переводам медицинских книг на русский язык, посвятил себя политической деятельности: сопровождал “великое посольство” Петра I, участвовал в Карловицком конгрессе 1698-1699 гг. и до конца своей жизни работал в Посольском приказе...

Надобность в высшей школе в России, как мы видим, возникла давно, на пороге семнадцатого столетия. Нужны были лекари, но нужны были и учителя-энциклопедисты, и учебники... Был учитель, а ученик всегда найдется!

1635 год. Московия. Уже умер Шекспир, но еще не родился Исаак Ньютон. В Европе продолжается Тридцатилетняя война, умирают люди, рушатся города. В Голландии великий Рембранд написал “Даная”, в Испании Веласкес завершил свою “Венеру у зеркала”, а его соотечественник и современник Лопе де Вега написал комедию “Собака на сене”. Еще не родился Петр I, а Богдан Хмельницкий только собирался бросить вызов дерзкой Польше...

В Московском государстве с запозданием в сто лет наступала эпоха Возрождения... А “рабы и холопишки государевы” Ивашки Алманзеновы, Куземки Пантелеевы и епифашки Славинецкие тихо делали нужное и светлое дело – готовили себе на смену новое поколение просвещенных людей, создавали благоприятную почву для реформ будущего осмнадцатого века.

360 лет назад москвич Иван Алманзенов получил диплом доктора медицины Кембриджского университета, и в этом же 1635 году выехал в Москву.

Постскриптум: В ходе английской буржуазной революции XVII века король Карл I был низложен и казнен в 1649 году “как тиран, изменник, убийца и враг государства”.

После этого беспошлинная торговля английских купцов в Московском государстве была упразднена. И вплоть до XVIII века ни один русский юноша на учебу в Англию не посылался.

"ПАРУСА ЛЕБЕДИ СВЕТОВИДНОЙ"

К 850-летию Москвы

В 1644 году царевне Ирине Михайловне Романовой Стукнул семнадцатый годок. В таком возрасте с замужеством медлить было преступно, а посему Московское правительство, царствующий "батюшка со бояры да думными дьяками", после долгих дотошных поисков жениха остановили свой выбор на принце Владимире, сыне датского короля Христиана IV.

Для свершения сего, весьма деликатного и щекотливого свойства дела, были посланы знатные царские сваты в далекий город Капенхавен (Копенгаген), а точнее - в Фредериксхавен, что на севере Ютландского полуострова, где была в ту пору резиденция короля и где принц датский обретался. Сваты имели на руках грамоту царя Михаила Федоровича к "любезнейшему своему брату и светлости" королю Христиану, а для показа принцу с большим бережением везли "парсуну" - портрет лебедушки ясной, несравненной царевны Ирины, выполненный "с живством, искусно и хитро" лучшими живописцами того времени.

Королевича не пришлось долго увещевать. Взглянув на портрет невесты, он ахнул и не мешкая засобирался в путь, в суровую и студеную Московию.

А отец его, король Христиан, опечалился. Он вспомнил, как двадцать два года назад, овдовев, царь Михаил засылал ему своих сватов, дабы жениться на племяннице его, датской принцессе, да ничего из этого не вышло, ибо "схизматики"-москвиты предложили принцессе из "латинской" веры в православную... Вот и сейчас пришла пора подумать королю весьма крепко, прежде чем отпускать на край света своего наследника... Но уговоры отца-короля на сына не подействовали. Воздействие искусства оказалось сильнее доводов здравого разума, и принц Вальдемар со свитою в этом же году примчался в Москву, чтобы лично узреть живой оригинал и предложить ему свое сердце. Ожидания не обманули принца Вальдемара, да и он сам приглянулся царевне - пришелся по нраву. Но, увы, этот редкий династический брак по любви не состоялся. Вместо свадебных приготовлений московские книжники затеяли с пастором Фельгабером, сопровождающим королевича, догматические прения о том, что "православная вера чище и лучше во сто крат, нежели вера еретическая, латинская"... Принцу было предложено отречься от "лютеранская ереси", принять православную веру, а потом чинно играть свадьбу. Целых два года русское правительство не отпускало принца Вальдемара, надеясь уговорить его принять православие. Главным руководителем этих прений выступил ключарь Успенского собора Иван Наседка, сопровождавший еще первых царских сватов в Данию (1622) и на месте ознакомившихся с практикой лютеранского богослужения. Но уговорить не удалось, Вальдемар, не выдержав русского образа жизни, сурового климата и убийственного для здоровья сверхобильного русского хлебосольства, выехал в Данию. Вскоре умер и царь Михаил Федорович, который любил нежной отцовской любовью датского принца... А бедняжке невесте Ирине оставалось только горько плакать: "Кому оставить свою русую косу и девью красу? Осталось ее в церкви Божьей за престолом Богородицы! И будет ей место и местечко и житье и красованьице!"

Как все красиво начиналось и как печально закончилось! Все надежды несчастной невесты были вложены в ее прекрасный портрет. Кто его написал? Кто смог уговорить царевну Ирину позировать художнику без румян и густо намазанных

белил, в двух легких платьях вместо семи, положенных обычаем того времени? Написать портрет царевны-невесты в духе западноевропейского понятия о женской красоте было весьма сложно. По мнению русских мужчин того времени, красота женщины состояла из дородности. Кроме того, в женской одежде не было талии, домашние портные (считалось за стыд отдавать шить платье на сторону) заботились прежде всего о том, чтобы одежда была крепко сшита.

За год до отправки сватов Данию московским правительством был вызван в столицу голландский художник Ян Деттерсон. Он стал первым официальным придворным живописцем, который написал портреты царя, царицы, наследников престола и некоторых русских сановников. Ему дано было в обучение несколько русских юношей для освоения "фряжского пошиба" в портретной живописи. Место этого художника, умершего в 1656 году, занял при дворе Алексея Михайловича шляхтич Станислав Лопуцкий, плохой художник, выдававший себя за гения и не желавший учить основам рисунка, композиции и перспективе своих учеников-иконописцев. По увольнении его от царской службы на нее был принят замечательный голландский живописец Даниэль Воутерс, к которому перешли все десять учеников Лопуцкого, в том числе самые талантливые - Дорофей Ермолин и Иван Безмин. Пройдя у голландца школу непосредственного изучения натуры, они стали первоклассными художниками, пользовались благорасположением двора и знати, не имели нужды в заказах и, будучи мастерами высокого класса, открыли свои школы живописи... Именно благодаря ютим школам нам известны их имена. В 60-70-е годы XVII столетия Москва была уже богата живописцами. Кроме Ермолина и Безмина, в ней трудились Симеон Ушаков, К.Умбрановский, В.Позианский, Л.Смолянинов, С.Лисицкий, М.Чоглоков, А.Филиппов, М.Селиверстов, Л.Чулков, П.Топоров и др. Но первые русские портретисты не подписывали свои произведения - "холопы и рабы государевы" ивашки, куземки и дорофейки не могли осквернять своими закорючками "светлые лики" Божьих образов и вельможных бояр...

Заметим, что нередко портреты духовенства и богатых людей всех сословий были в то время выполнены в иконописной манере. В таком духе был выполнен и портрет царевны Ирины Михайловны.

Но было бы ошибкой утверждать, что два голландских художника смогли обучить новой живописи такое количество русских юношей. Основная их часть вышла их иконописных и гравировальных мастерских Оружейного приказа, где наравне с русскими мастерами трудились "из немецких и иных земель люди, хитрым художествам обученные", - гравер Андриан Шхонебек, живописец Иоганн Детерс, художник Питер Энгелес...

В Оружейной палате у живописца Ивана Безмина было много учеников, ставших впоследствии известными мастерами. Цех живописцев, который возглавлял Иван Безмин, с полным правом должен войти в историко-педагогическую литературу как школа живописи Ивана Безмина. Срок обучения за 1671-85 гг., длился от четырех до пяти лет, а если это так, то у этого художника педагога, обучалось, как минимум, до тринадцати человек!

В эти же годы в Москве существовала еще одна художественная школа живописи и иконного дела - знаменитого иконописца-художника Симеона Ушакова. В своей челобитной от 1668 года он просит правительство выделить ему для обучения учащихся отдельное помещение-мастерскую, так как, пишет С.С.Ушаков, "по твоему великого государя указу даютца мне, холопу твоему, государевы иконные дела и ученики, а дворишко у меня, холопа твоего, малое и грязное, в Китай-городе, и хорошее построить для иконного письма и для учеников негде... милосердный государь, пожалуй меня, холопа своего, тем двором умершего художника Федора Воробья по оценке". Двор Федора Воробья, у которого не оказалось наследников,

был передан в Оружейную палату, а оттуда был отдан С.Ушакову. На средства Симеона Ушакова во дворе кружевника был возведен ряд построек, в том числе и помещение для учеников с жилыми комнатами, о возмещении стоимости которых Ушаков просит в своей челобитной. Нужно добавить, что свою знаменитую икону "Нерукотворный Спас" (1678 год) Симеон Ушаков написал именно в стенах этой художественной школы.

Конечно, в период церковного раскола большим художникам И.Безмину и С.Ушакову было сложно, а поэтому они работали, опираясь на вкус своих заказчиков. Соответственно, у этих мастеров были и ученики двух направлений - византийского, "древлего" письма и живописцы "иноземного пошиба".

"Иисусе сладчайший, помилуй мя, грешного!" - твердил молитву отрок-иконописец, выписывая с великим тщанием и робостью громадные и печальные очи Спасителя. "О Венера, богиня златокудрая, яко облаце световидная, в пене рожденная, из моря-окияна выходящая, узри мя, нещасного! Купидон, вор проклятый, вельми радуется: пробил стрелою сердце; лежу без памяти..." - пел в душе своей юный живописец, вчерашний ученик, а ныне масрет, корня над портретом хорошенькой боярыни...

У учеников не было натурщиков и натурщиц, а основы рисунка они постигали путем копирования гравюр. Было и такое: ученик И.Безмина Гавришко Волон, войдя в сговор с дворцовым мальчиком боярина Матвеева Мишуткой Николаевым, за одну копейку имел возможность в нежилой подклети-кладовой боярского дома рисовать хранившуюся там тайно от глаз людских, под покрывалом, "идолицу каменную, голую бабу Венеру". Вскоре юный рисовальщик был застигнут на месте "преступления" домоуправом и (на удивление всем) отпущен с миром, но с одним условием, что он "о сем ником сказывать не будет и сию каменную мраморную бабу никогда не видывал и слыхом о ней не слыхивал, а начертанный образ ея греховный здесь же на месте надобно сжечь и не вводить в соблазн честных людей...". Пособник же юного художника, делец от искусства холоп боярский Мишутко был выпорот на конюшне...

"Где сказано, чтоб лица святых писать смугло и тепловидно? Разве весь род человеческий создан Богом, в одно обличье? Разве все святые смуглы и тощи? И неужто следует предпочитать светозарным персоналом святых темноту и мрак? Не таков обычай премудрого художника. Что он видит, то и начертывает в образах или лицах и согласно увиденному уподобляет", - писал в защиту "световидного" образа Марии Магдалины, написанного Симеоном Ушаковым, его собрат по западному направлению в живописи изограф Иосиф Владимиров. Эта энергичная отповедь в форме

письма была направлена в адрес сербского архимандрита Иоанна Плешковича, которому "зело не понравилась" вызывающая "соблазн" евангельская грешница.

Светская живопись и поэзия все более входили в жизнь русских людей. Новая живопись воспитывала вкус к утонченным душевным движениям, о которых не имели понятия деда

и отцы. В Славяно-греко-латинской академии читали лекции по политике и силлаботоническому стихосложению брата Лихуды. Пройдет еще полвека - и Михайло Ломоносов напишет прекрасные стихи, а художник Федор Рокотов и Владимир Боровиковский создадут тонкие по живописи, глубоко поэтичные портреты наших русских женщин, пронинутые осознанием духовной и физической красоты человека... Эту красоту сотворят внуки живописцев XVII века.

Кроме обучения и живописи и иконописанию, мастер был обязан обучить ученика грамоте в полном объеме. Время, уделяемое мастерами на обучение учеников ,

подлежало оплате. Обучение живописи, граверному делу ценилось дорого, в некоторых случаях оно равнялось годовому окладу мастера (в среднем оно составляло 10 рублей 31 алтын 4 деньги). Но поскольку годовые оклады таких мастеров, как Иоанн Безмин, Симеон Ушаков и Андриан Шхонобек, составляли 50 рублей золотом, да столько же к нему был положен хлебный оклад и еще поденный корм на сумму 8 алтын и 2 деньги в день (а всего будет 60 тысяч современных американских долларов!), то каждый мастер стремился взять к себе и выучить как многочисленных, сохранившиеся до наших дней челобитные, мастеров Оружейного приказа того времени.

В процессе обучения у мастера ученикам Оружейной палаты, за которой числились их мастера, получали жалованье в размере 35 алтын в месяц, или 92,5 медных копейки, или 1200 современных американских долларов. Много этот или мало? Видимо, достаточно, если учитывать дешевизну продуктов в Москве того времени, так удивлявшую иностранцев...

Рядом с Оружейной палатой находилась Царицына мастерская палата, где в 1642 году числилось 11 учеников "золотого дела" а в 1659-м 24 ученицы "вышей статьи" и 14 учениц "меньшей статьи, а получал за свою работу прекрасный пол жалованье в два раза меньше, чем игроки-живописцы, золотых и серебряных дел ученики. Но и этих медных 45 копеек в месяц с лихвой хватало юным девам на корм, и не только на медовые пряники, но и на бусы, серьги, румяна и белила...

Влияние иноземной культуры на русских людей, в частности изобразительного искусства, в первой половине XVII века носило больше материальный и бытовой, чем "идейный", характер. Рядом с простыми, гладкими, дубового дерева столами возникли "на польский образец" или "немецкой работы" столы "эбенового" или "индейского дерева" с изогнутыми или точеными ножками. Рядом со скамьями вдоль стены стояли кресла с замысловатой обивкой и стулья "золотые немецкие", которые в конце века можно было купить в Москве, в овощном ряду, целыми дюжинами, по рублю за штуку.

Во внутренних жилых покоях, на женской половине, на стенах появились зеркала. Их, однако, завешивали тафтой или закрывали, на манер киота, затворами-ставнями, чтобы подчеркнуть их утилитарную, а не эстетическую роль. Эстетическое значение имели картины, вытеснившие к концу века стенную роспись. Содержание картин было церковно-историческим, сугубо историческим или аллегорическим. Иноземные полотна с обнаженной натурой стыдливо завешивались тканью и показывались в особых случаях гостям-иноземцам или узкому кругу доверенных лиц. Новостью было изображение "персон с живства" - портретной живописи. Работы талантливых портретистов считались чудом и колдовством, и особо суеверные бояре полагали, что "живство парсу за счет покражи души достигается".

Для более широкой русской публики картины заменялись дешевыми гравюрами - "фряжскими листами" заграничной работы" или же их русскими воспроизведениями, благо что печатание гравюр успело сделаться в Москве предметом индустрии и граверные мастерские Шхонебека, отца и сына Зубовых снабжали своими изделиями торговцев московского овощного ряда и Спасских ворот. Дешевизна (от полукопейки до двух копеек) и разнообразие содержания - очень серьезного, чаще морального и религиозного, нередко смехотворного - и привлекали людей. В богатых эти гравюры насчитывались сотнями, в в царском дворце ими заменяли иногда ...обои! Можно представить себе такие "обои", сплошь состоящие из гравюр на библейские сюжеты самого великого Рембранта... или же немецких мастеров - иллюстраторов научных книг!

Так, например, "светлое дитя царевиц Петр Алексеевич", будущий Петр Великий, изучал по таким гравюрам всемирную географию, внимательно рассматривая на них панорамы европейских городов, выполненные в манере

сочетания приемов линейной перспективы и аксанометрического изображения, и вместе со своим "дядькой" учителем Никитой Зотовым повторял вслух непривычные русскому слуху странные названия: "Стеколна" (Стокгольм), "Капенхавен" (Копенгаген), "Парисий" (Париж), "Хаха" (Гаага), "Мадрисий" (Мадрид) - "град Гишпанский и славный град неметчины - Лепсих (Лейпциг)...

Большое впечатление на русскую знать произвела декорация, выполненная художниками Оружейного приказа для спектакля "Темир-Аксаково действо", поставленного в первом русском придворном театре по велению второй жены царя Алексея Михайловича, Натальи Кирилловны, в 1672 году. Громадная для того времени декорация была написана художниками с учетом законов линейной "перспективы" и создавала иллюзию "оконца в нездешной мир". Актерами стали бывшие ученики "немчина" Ивана Семенова, который, заведя потешной палатой во времена царствования Михаила Федоровича, оставил после себя целую школу акробатов, фокусников и клоунов: "...выучил по канатам ходить и танцевать и всяким потехам, чему сам умеет, 5 человек, да по барабанам выучил бить 24 человека..."

Скульптуры в Московской Руси, по существу, не было. Православная церковь не допускала в число священных предметов статуи и рельефные лицевые изображения - и это постановление соблюдалось у нас в старину весьма строго. Не только в церкви, в качестве предмета поклонения, но и в частном доме, как предмет украшения, скульптурное произведение вызывало "большой соблазн" и строгое осуждение. Известно, какой переполох произвела среди москвичей поставленная самозванцем перед его дворцом статуя "Ада", олицетворявшая в глазах тогдашней русской публики начало ереси, "великого нестроения и смуты" в государстве. Неудивительно, что она сразу же была уничтожена после убийства москвичами Лжедмитрия I. "Над воротами домов, - говорится в святцах первой половины XVII века, - у православных христиан воображаемых (фантастических) зверей и змиев и никаких неверных (языческих и мифических. - А.А.) храбрых мужей устанавливать не подобает. Ставили бы лучше над воротами у своих домов святые иконы или честные кресты..."

Задача древнерусского ваения ограничивалась декоративными работами: изготовлением из камня архитектурных орнаментов, выбиванием из металла окладов для образов, литьем тельников и складней, резьбой по дереву (иконостасы). В дошедших до нас произведениях подобного рода видна тщательность и ювелирность работы, значительная ремесленная ловкость и умение своеобразно комбинировать орнаментальные мотивы. И все же при внимательном изучении этого вопроса можно сделать вывод: в старину у нас были весьма искусные скульпторы и литейщики объемных, трехмерных художественных форм. Здесь особого внимания заслуживает имевшее чисто прикладной характер художественное литье при изготовлении... пушек и колоколов.

В конце XVI века непревзойденным мастером, гением литейного искусства был Андрей Чохов, а во второй половине XVII столетия - Мартьян Осипов, его брат Яков Дубина и семейная династия колокольщиков Моториных.

Известная всем Царь-пушка (а точнее бомбарда, крупное осадное орудие в XV веке) в течение ста лет лежала на Красной площади, напротив Спасских ворот, и являлась своеобразным "заменителем" неизвестной в России городской "круглой" скульптуры. Это морально устаревшее для войн того времени, грандиозное орудие обращало внимание иностранцев прежде всего размерами, необычным декором и лишь потом - своими боевыми качествами.

В Московском Кремле стоит еще одно "стенобитное" орудие Андрея Чохова - "Аспид". На верхней части ствола, ближе к дульному срезу, изображение

мифического животного, согласно преданиям, способного разрушать стены... Почтительный ужас вызывали оскаленная пасть Аспида, свившийся кольцами сильный хвост и когтистые лапы, сжимающие оторванные человеческие головы.

А рядом еще одна пушка этого мастера - "Троил", на тарели которой рельефное изображение царя Траяна с саблей в одной руке и копьем в другой. Пушки Чохова орнаментированы строго и изящно: повторяющиеся прямые стебли гвоздик с выющимися вокруг них листьями, нижние пары которых неожиданно превращаются в фигуры дельфинов...

Современник Андрея, выдающийся мастер художественного литья Первой Кузьмин в 1581 году отлил со своими учениками проломную пушку "Онгар" весом в 4300 кг, на стволе которой было помещено изображение животного, давшее название орудию, - дикого осла онагра. Это была самая первая попытка русского мастера сделать в бронзе литую фигуру истинно трехмерной, приблизить ее к объемной, "круглой" скульптуре.

Старые мастера часто копировали лучшие работы своих предшественников, творчески их перерабатывая. Удивительно изящны "выпрыгивающие из воды" дельфины на пушке "Гамаюн" пушечных дел мастера XVII века Мартьяна Осипова, который повторил дизайн и конструкцию своего неизвестного предшественника в рельефном изображении медведей на тарели пушки "Единорог". Совсем иное более "современное" и совершенное изображение "Трояна" - на пушке "Новый Троил" брата Мартьяна Осипова - Якова Дубины...

Необычайно тонкие, удивительные рельефы можно найти на колоколах, которые отливала при пушечном дворе семейная династия колокольных дел мастера "Дмитрия Моторина с братом своим Иваном да с учеником умелым Василием...". В 1735 году Иван Моторин и его сын Михаил "со ученики" отольют знаменитый Царь-колокол. Самый талантливы из семи учеников Дмитрия Моторина Василий в 1688 году, используя вынужденный творческий простор своего мастера, "сделал в то время колокольное дело про себя на "образец" (самостоятельно. - А.А.) и на сторону (для колокольной на заказ. - А.А.) - отлил малый колокол "Лебедь" для праздничного звону в три пуда весом из меди с добавкой серебра", в три пуда весом. Колокол был украшен затейливым растительным орнаментом и тремя рельефами прекрасных ангелов с золотыми волосами, с улыбкой на устах... Колокол имел удивительное звучание: "пел девичьим голосом". Ровно полвека он услаждал своим голосом москвичей. 2 августа 1738 года ранним утром беглый рекрут Василий Норка и крестьянин Дмитровского уезда Василий Иванов снимут его с колокольной церкви Елисея-пророка на Успенском вражке... Воровство церковной утвари, и тем более колоколов считалось тяжким преступлением, которое наказывалось смертной казнью. В Сыскном приказе с трех пыток "с пристрастием" воры повинились и рассказали о том, что прибыли в Москву для поисков работы, ночевали в Тверской-Ямской слободе под овином, а, "идя в Белый город, Тверских воротх попался им в то время незнаема какво чину человек и сказал им, чтоб они сняли с колокольной Елисея-пророка медной с ангелами, в коотрой для благовесту к заутрене звонит, а украдучи, принести сей колокол в мешке до Точильного ряду, где за сей колокол отдаст он им награду в три рубля...". Это заказное воровство закончилось печально: во время поимки воров колокол был разбит и разбитым был возвращен полицейместерской канцелярией священнику церкви Елисея-пророка Матвею Семенову. Кто был заказчиком этого воровства и как звали этого "меломана и эстета" - нам неизвестно, так как данное уголовное дело дошло до нас в отдельных фрагментах.

Столицу допетровской Руси можно с полным правом назвать городом мастеров и ремесленного ученичества. Было уже в городе и много ценителей прекрасного ,

образованных людей своего времени: это знаменитые и именитые "западники" XVII столетия Ордин-Нащокин, Матвеев, боярин Федор Головин и его брат, любимец царевны Софьи В.В.Голицын и многие пытливые, любознательные русские умы. Нужно было осваивать новый художественный метод в искусстве, овладевать "правильным" научным знанием, чтобы в грядущем XVIII веке потомки могли поставить во "весь рост" вопрос о национальных особенностях русской культуры. Западная культура и наука и наука входила в жилища передовых русских с черного хода и постепенно завоевывала свое место в их умах и сердцах. В хоромы Головиных латынь, немецкий и французский языки проникали тайно, в виде переодетых в русское платье иноземных учителей; прекрасная мраморная "идолица" после пожара в Немецкой слободе, укрывшись холщевинной, нашла свой безопасный приют в кладовке боярина Матвеева... И в то время, когда весьма активный царевич Петр учился в Немецкой слободе курить голландскую трубку, проходя одновременно краткий курс "галантных" любовных манер с помощью кокетливой Аннушки Монс, князь Голицын окружал себя книгами, географическими картами, атласами, глобусами, картинами и статуями и ездил в Немецкую слободу для серьезных бесед с солидным Гордоном. В то время, когда "голубь ясный Петрушка" под руководством "дебошана французского" Лефорта сочетал балы и попойки с потешными военными играми, "сиволапые бородачи" Ордин-Нащокины и Куракины без шума и суеты собирали свои библиотеки из "мудрых и пользительных латинских книг", свои домашние картинные галереи... В одной из них, среди картин голландцев князя Куракина, был прекрасный протрет синьоры Франчески Ротта, которую князь полюбил в бытность свою в Италии. По этому поводу в своих воспоминаниях "Житие сердца моего" он писал: "С Франческою я расстался с великою печалью, аж до сих из сердца моего тот амор не может выйти и, чаю не выйдет. И взял я на память ее персону (портрет. А.А.) и обещал к ней опять возвратится... в Венецию жить". Не вернулся князь Куракин у своей Франческе, а посему и звучат из дальнего прошлого печальные вирши:

*Не могу я очнуться и очами плакати,
Тоска великая, сердце кровавое
Рудою запеклося - все пробитое!*

Хочется верить, что пройдет еще немного времени - и неутомимые наши исследователи культуры, историки-искусствоведы достанут из запасников музеев портреты русских красавиц XVII столетия и будет открыта в Москве выставка известных и неизвестных, забытых наших живописцев-"богомазов": Симеона Ушакова, Ивана Безмина и более ста их учеников, среди которых - Василий Познанский, Купрян Убрановский, Епифей Федотов, Юрий Васильев, Лев Попов, Антон Антипин, Борис Шпенюк, Гаврила Волков, Леонтий Карташов, Иван Чубаров, Михаил Яковлев, Григорий Второй, Артем Евсефьев... Все они - мастера Московской Руси.

ВИНО СЕДЫХ ВРЕМЕН

Исторические зарисовки

"Уста твои, как отличное вино, а груди похожи на виноградные кисти", - страстно шептал на ухо возлюбленной своей Суламифь мудрый царь Соломон четыре тысячи лет назад.

"Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви.

Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды его, - пела Суламифь в винограднике Соломона в Ваал-Гамоне, - я поила бы тебя ароматным вином, соком гранатовых яблок моих!"

Пьяной горечью фалерна

Чашу мне наполни, мальчик!

- мечтал о солнечной Италии в своем заснеженном Михайловском жизнелюб

Пушкин.

Где это сладчайшее вино библейских времен? На дне морском. У берегов Египта, на дне Персидского залива... Где этот Итальянский фалерн? На дне морском. У берегов Синопа. В старых винных подвалах стран Европы. Считанные замшелые на винных аукционах Лондона.

Где нет вина, там гибнет любовь и все прочие улады. Кто не любит вина, женщин и песен, тот проживет всю жизнь дураком. Вино - это поэзия в бутылке, это бокал разума, текучая память человечества. Вино высвечивает тайны души. Кто это сказал? Лучшие умы человечества - Мартин Лютер, Эврипид, Эразм Роттердамский, Стивенсон, Гораций...

Известный всему миру микробиолог и спаситель марочных французских вин Луи Пастер сказал 130 лет назад: "Есть все основания считать вино самым полезным и гигиеническим напитком". Конечно же он имел ввиду настоящее натуральное вино, высочайшее творение рук человеческих, как если бы речь шла не просто о золоте, а о настоящем скифском золоте, золоте клада Приама или о золотой маске Тутанхамона.

Что мы знаем о древнем вине? Много, и в то же время мало. Не знаем самого главного: его вкуса, запаха, аромата, цвета. А запах - это лицо вина. Хватит пальцев на одной руке, чтобы назвать поименно тех счастливых, которые выпили бокал двухтысячелетнего вина...

Вижу, ясно вижу сквозь туман прошлого, как неумолимо и чудовищно накатываются на греческие и римские парусники штормовые волны, подминая их под себя, и ломают пополам. Вижу, как древние моряки надеясь на милость морских богов, бросают им за борт закупоренные известью амфоры с вином. Натяните, пейте, но будьте милостивы! Но тщетно! Уходят ко дну хрупкие суда, бьются друг о дружку амфоры, и вода окрест становится красной от мальвазии. Но некоторые сосуды целыми и невредимыми достигают дна, мягко опрокидываются вниз горлышком, зарываются в морской песок... Вино так и должно храниться, в темноте, в прохладе, на боку. Занесенные морским песком амфоры находят свою надежное убежище от времени, вино в них замирает на столетия и тысячелетия.

Будут гибнуть города, государства, исчезать народы, но вино древних будет под морским илом ждать своего часа. Только бы не подвела известковая пробка! На ней мы увидим клеймо, а по нему узнаем место изготовления, имя винодельца и пункт назначения драгоценного груза. Если это клеймо острова Крит, значит, вино плыло в Египет в обмен на рис или золото. У египтян было свое вино "Мареотис" по названию местности, в почве которой не было ила. Риса в долине Нила было много, а вина мало. А египтянки пили наравне с мужчинами, были страстными и стройными, вино "сушило" их, вызывало еще большую жажду. Зато в странах Средиземноморья было много этого волшебного напитка: молодого и древнего, выдержанного. Сколько было виноградников, столько было и разных вин. Для аристократов и рабов, для солдат и ремесленников.

Греческий раб в IV веке до Рождества Христова получал ежедневно шестьсот граммов деревенского вина вторичной выжимки. Кельты отдавали римлянам раба за амфору "древнего", двадцатилетней выдержки вина. Галльскому монаху в IX веке полагалось больше двух литров вина в день.

Вина было столь много, что в некоторых засушливых районах современной

Испании виноградари использовали его в засуху вместо воды - поливали молодым вином гибнущие растения! Но несмотря на такое изобилие волшебный напиток Диониса греки и римляне разбавляли теплой водой, а в лечебных целях кипятком. Тогда вино легко утоляло жажду, снимало усталость и стрессы...

Плутарх рекомендует следующие пропорции смешения вина с водой: два кубка вина плюс три кубка воды; один кубок вина плюс два кубка воды. Осуждается им один кубок вина плюс четыре кубка воды.

Перед переливанием отцеженного вина в амфоры дно амфоры смолили. Поэтому древнее вино должно пахнуть смолой, а чтобы вино не портилось и хорошо переносило дорогу, в амфору добавляли мраморную пыль, морскую воду. В лесбийском вине морская вода составляла два процента, а посему оно пахнет морем и йодом. Амфору плотно закупоривали и заливали известкой. Иногда вино кипятили и таким образом доводили его до состояния сиропа, так что волей неволей его приходилось солдатам разводить водой. А в Спарте вино не разводили, спартанцам незачем было снимать стрессы.

Римское вино было мутным и плотным, с "изюминкой", терпким и пахло орехом, виноградной костью, перед употреблением его отцеживали, а затем фильтровали с помощью холста.

Винной дубовой бочке свыше двух тысяч лет. Римский поэт Тибулл за сто лет до Рождества Христова восклицал: "Дайте бочонок теперь продымленный с древним фалернским, выбейте пробку скорей из кадок с хиосской струей..."

Странно, но когда варвары завоевали Римскую империю, они с почтением отнеслись к виноградникам юга Европы и даже способствовали их распространению. Визиготы беспощадно рубили головы тем недоумкам, которые выкорчевывали виноградники. А когда мавры, народ, не пивший вино по религиозным соображениям, завоевали Андалусию с городом Херес-де-ла Фронтера, то стали бороться с виноделием и для процветания родины знаменитого хереса позволили "неверным" заниматься своим любимым грешным делом.

"Вино на смерть и радость нам дано!" - гласит древнеславянская мудрость. На радость - всем понятно, а почему на смерть оно нам дано? Но вспомним Сократа, принявшего цикуту в чаше вина, чтобы спокойно и достойно уснуть последним сном. Вспомним галлов и готов. Вино с добавкой отвара мухомора делало диких германцев равнодушными к смерти, и они с дубинками, ножами и стрелами шли на римские легионы, падали грудью на мечи римлян, чтобы умереть, но не быть рабами. Вспомним герцога Кларенса, приговоренного к смертной казни братом, английским королем Эдуардом IV. Король по-братски позволил герцогу самому выбрать себе вид казни, и тот выбрал: пожелала утонуть в бочке любимого красного вина - мальвазин. Разделся, сел в бочку и стал медленно пить вино до тех пор, пока его душа не отлетела в горние вершины... Какие были люди, какое же было вино!

Зрелое культурное общество пахнет вином, молодое потом и кровью. Какими ценителями могли быть рейнские варвары, которые вынуждены были замерзшее вино "раскалывать топорами и мотыгами"? А что ждать от народов, у которых замерзает водка, а с ней умирает отморозенная душа? Каждый народ пьет вино, которое он заслуживает. Например, жители германских селений каждую осень, после заготовки снеди впрок, отводили стариков, старух, больных и увечных на дно оврагов, сбивали их в кучи и, обнажив мечи, освобождались от отягчающего род или племя балласта. Крепкие, сильные, ловкие молодые сородичи верили в святость того, что творили. А после содеянного они много пили хмельных напитков, пили по-черному...

Протославяне времен Готской империи Германариха, славяне времен Тацита, не ведали подобного бессердечия. Престарелых родителей они не лишали жизни, как поступали германцы и литовцы, а, наоборот, окружали старых, больных, увечных и

убогих соплеменников вниманием и заботой. И если к этим несчастным приходила смерть и была невыносимо тяжела, то для облегчения последних часов им давали "синее" - страшное "божественное" вино, настоянное на труте. Сок некоторых трутовых грибов обладал одурманивающими, наркотическими свойствами. Такое вино давали князю Святославу, герою поэмы "Слово о полку Игореве". Вспомним: "В Киеве на Горах, той ночью с вечера покрывали меня черным саваном на кровати тисовой, черпали мне вино с трутом... сыпали скатый жемчуг на лоно и ласкали меня..."

У древлян и полян умерших погребали в земле вместе с предметами вооружения, с едой и питьем. В Итиле, на Волге, после предварительных церемоний умершего сжигали в его лодке, в богатой обстановке, с женою. Долгими песнями прощается жена-русинка в описанном ибн-Фадланом (IX в н.э.) погребении русского купца. Этот обычай уходить вместе с мужем в мир иной повлиял на репутацию необыкновенной верности славянских жен. Уйти их жизни молодой вдове помогало "божественное" вино. Оно принималось ею три раза. и после третьего кубка вдова не боялась сойти в могилу мужа, ибо воочию видела его: "Вижу, вижу господина своего на светлом престоле, здравствуй, господин мой, муж любимый, иду к тебе и поспешаю, чтобы лечь у ног твоих белоснежных..."

Характер наших далеких предков, протославян, еще не испорченных гуннами и монголами, был мягкий, веселый, окрашенный поэзией - "обычай имяху тих и кроток". Все их языческие церемонии не обходились без бражничанья. "Через год после смерти покойника, - рассказывает ибн-Фадлан, - берут они кувшинов двадцать меду, несут на могилу, там собираются родственники. едят и пьют".

Мед и мартовское пиво любили и мужчины и женщины. Но мед пили только по важному случаю: "Коли праздник, или свадьба, или родины, или крестины, или по родителю память, или случится гость важный, либо званный или неожиданный человек".

Рецепт этого меда, питейного, сброженного, оставил нам протопоп Сильвестр, духовник и соратник молодого царя Ивана Грозного, автор книги "Домострой". книги о духовном, мирском и домовном строении". В ней есть пивоваренный наказ: "Как пиво варить и како мед сытити и вино курити", ино нужно курить самому, и на погреб и на ледник самому ходити никому не доверять, самому хозяину-господину за бочками смотреть, чтоб вино и мед не вытекали, чтоб ничего не было испорчено, дабы перед гостем стыд великий не имети". Дан совет, как стол накрыть "одновременно для гостя важного - шесть медов хмельных и горячих в печи нагрет, гвоздики и муската и благовонных зелий добавив, подать гостю пять оловянных чаш из одной бочки да две чаши вина из другой, да вишневого морсу и два пива мартовского и закуски всякия, у порядливой жены...всего дома много!"

Вино с горячей водой смешать - "есть вещь зело полезная для здравия, потому что оно сырость водяную отнимает, жажду утоляет, лишнее питие возбраняет, нездоровье души и кручину великую изгоняет".

"И не говорю вам - не пейте! - не будет того, - продолжает поучать Сильвестр, - но прошу не упиваться в пьянство злое. пейте мало вина ради желудка и против недуга; малое питие вина - веселия ради, с не ради пьянства. А ежели не хотите упиваться, выпейте накануне пиршества сок полынный с медом".

Никогда не испробовать нам, смертным, сброженного меда времен Рюрика. Гостомысла и князя Игоря. Не обмочить уста юному археологу вином времен Ивана Грозного, не выпить ему романей - сладкой настойки на фряжском вине, не испробовать древнего лафита, малага и tenerифа? Не умели наши далекие предки хранить столетиями хмельной мед, да и незачем им это было: то, что заготовят на зиму, то и выпьют до следующего медосбора. А торговля такого рода напитками с заморскими странами у них тогда не бытовала. Не найдешь славянского меда ни в

земле, ни под землей. А если чудом и осталось в русской земле несколько бочек заморского вина, то сгнили их клепки и проржавели обручи, и вытекла солнечная влага. Хлебное же вино, кабацкое, запойное, горелка, полугар и сивуха нам и даром не нужны, этого "добра" у нас хватает, как импортного, так и своего. Русский народ такое "зеленое вино" уже четыреста лет не пьет. Правда, плохие "запойные" вина стали делать во время реформ и войн Петра Великого, когда винокурение и винопитие приобрели невиданный доселе размах и приносили в казну большой доход. Жертвой русского сивушного вина стал даже... слон персидского шаха. Это несчастное животное было подарено шахом Петру I после Полтавской баталии. До Астрахани слон добрался благополучно. Здесь персы-поводыри провели тщательное обучение русских по уходу за зверем. Слону было положено комовое жалованье на каждый день: Три ведра романей и меду боярского с мускатом, да три ведра напитков ягодных и квасных простых, с изюмом, да с пшеном, 20 калачей крупных подовых с маком и вареньем, яблоки и груши и редька в патоке и мазуни с имбирем, 20 пирогов подовых с вареньем и пастилой, чтоб в здравии и приятстве был". Чем дальше на север уходил слон, тем с каждым днем крепче становились напитки, щедрее и разнообразнее еда. Животное не возгордилось от изобилия русского гостеприимства и восторженного внимания, ело и пило, что давали: в ход пошло крепкое двойное вино, водка, а благородную романю и боярский мед пили за счет слона ошалевшие от гордыни поводыри-бразники. В Санкт-Петербург бедное животное вошло законченным алкоголиком с расстроеным желудком...

Если в XXI веке человечество не вырождается от наркотиков, гидролизного спирта и зараженных продуктов, если осуществится мечта капитана Кусто и человек будет жить и работать на дне морей, если не будет войн, а подводная археология будет процветать, то вино седых времен дождется своего часа и перельется из черной амфоры времен Перикла в бокал дегустатора из Института вина г. Порту.

Подводные археологи дюйм за дюймом обследуют дно Средиземного моря между Критом и Египтом, у берегов Крыма, Испании и Португалии. Тысячи и тысячи целых и невредимых амфор с вином лежат под мертвой толщей песка. Команда Кусто находила и поднимала на борт "Калипсо" амфоры с медом, маслом, орехами и рыбой, но это так прозаично! Находил ли Кусто амфоры с вином - неизвестно. Но их поиск - тайная страсть командора. В одной из серий своего документального фильма он подробно показал распитие его командой бутылочного английского пива 1920 года, поднятого со дна моря. Бутылки имели настоящие винные пробки, пиво оказалось превосходным, а омары - великолепными! Сколько стоит сейчас это пиво, сколько стоит сейчас амфора вина времен императора Тиберия, если бутылка мальвазии 1716 года на аукционе "Кристи" стоит две тысячи долларов? Такому вину нет цены сегодня и никогда не будет завтра. Древнее вино давно уже изменило свою материальную и практическую сущность и перешло в духовно-историческую категорию, а волшебный ручей, текущий из прошлого в неопределенное будущее...

В своей последней трапезе с учениками Иисус Христос соединил себя через вино и хлеб с материальной плотью друзей, которые остаются и продолжают жить после него. Преломляя хлеб, он говорит им: Ешьте в Мое воспоминанье, сие есть Тело Мое!" А протягивая им чашу с вином, говорит: пейте из нее все, сие есть кровь Моя." "И пили из нее (чаши) все", - говорит евангелист Марк. Божественный мудрый Сын Человеческий в тот последний вечер на Земле знал, что память людей недолговечна, что разлука все обращает в прах. Но хлеб и вино уже две тысячи лет ежедневно и ежеминутно заставляют нас вспоминать Христа и его завет: любите друг друга, делитесь друг с другом вином и хлебом! И не будьте злыми и гневными" "Гневающийся человек вред приносит и себе, и своему ближнему. От того страдает все тело его, и желудок, и печень. Мозг его страдает от постоянного гнева, сохнет, скудеет... Такой человек если и примет какое из лекарств, или вино, или пищу какую

- вряд ли поможет себе, лишь навредит", - советует нам Николай Бюлев из Любека, лечащий врач великого князя Московского Василия III.

В тяжелые годы нашего века, когда теряешь близких людей, когда невыносимо тяжело на душе и не хочется жить, возьми, дорогой читатель, в минуту тяжелого стресса одну меру доброго, трехлетней выдержки "Кагора" (150 г) и добавь в него две меры крутого кипятка, укутай потеплее голову и ноги, ляг в теплую постель, закрой глаза и пей медленно эту смесь... И тебе скоро станет хорошо, тебя охватит светлая печаль, а потом тихая радость. И в блаженном забытии, может, услышишь ты шепот царя Соломона из виноградника близ Ваал-Гамона: "Напои меня отличным ароматным вином и соком гранатовых яблок твоих..." И жизнь твоя покажется тебе не такой ужасной и безнадежной!

"ПОЧЕМУ МОЛЧАЛ МЛАДЕНЕЦ"

Всякая земля прекрасна по своему, даже если это пустынные выжженные солнцем холмы с пересохшими от жары речушками и редкими захудалыми селениями, окруженными пыльными оливковыми рощами. Именно в таких, на первый взгляд, неприметных захолустных местах происходит больше, чем где либо, необыкновенных чудес, когда с неба тихо падают ароматные лепестки роз, сыплется га грешные головы манна небесная, а за колючим кустарником вдруг вспыхивает ослепительный свет и слышится рокочущий голос самого Бога.

Шесть тысяч лет назад земля эта была совершенно пустынной и весьма неприветливой для отринутого Богом одинокого слабого человека. Здесь, в этих местах, внук Адама и Евы, несчастный Енос (что означает - "человек") метался среди горных круч, тщетно вызывая к палящему небу: "Господи, где Ты, где Ты? Возьми меня к Себе, не оставляй меня, не оставляй меня, Господи!" Падал, вставал и снова бежал козьими тропами, раздирая о терновник голое тело, оставляя кровавые следы, которые прорастали красными горными тюльпанами.

А вот долина Кедрова. Здесь могучий силач Самсон разодрал руками пасть огромному льву, не пожелавшему уступить дорогу спешащему по своим делам человеку... В один миг испустило дух это грозное животное и жалко лежало на горячем песке, словно брошенное кем-то рваное одеяло, а над ним жадно кружили чуждые всякому милосердию смрадные стервятники.

Здесь все живет божьим дыханием, и на каждом шагу оставлены Им вечные следы чудесных явлений, знамений и знаков Судьбы.

Посмотрите на известную всему христианскому миру невзрачную речушку Иавок. Около четырех тысяч лет назад у ее каменистого брода праотец израильтян, сын Исаака и Ревекки, столетний Иаков всю ночь один на один боролся с Высшей силой. Некто в кромешной тьме сжал его железными объятиями и стал крушить ребра, но, увидев, что не может одолеть крепкого соперника, ударил Иакова по бедру, да так сильно, то вывихнул его, а потом шепнул устало: "Отпусти Меня, ибо взошла заря". Но упорный Иаков, задыхаясь ответил: "Не отпущу Тебя, пока не благословишь!" И усталый Господь благословил Иакова, дал ему новое имя Израиль и сказал напоследок: Ты боролся с Богом и человек одолевать будешь!" С тех пор Иаков стал вождем израильтян, названных так по его новому имени и до конца своей жизни не переставал удивляться: Я видел Бога лицом к лицу, сохранилась душа моя!" Это он, Иаков, впервые, как опытный меняла и процентщик, заключил с Богом договор-делку по широко распространенной формуле: "Я - тебе, ты - мне". Окропил оливковым маслом камень под названием Вефиль, что значит: "Дом Божий" и сказал Всевышнему: "Из всего, что Ты, Боже, даруешь мне, я дам тебе десятую часть! Так и сказал! И не считал это со своей стороны великой наглостью. И не с этого ли дня,

получили свое начало лукавые хитрые иглы двуногих тварей со своим Создателем? Но не все, не все продается и покупается и не все подлежит обмену... Вон, видите у дороги, ведущей к великому городу Иерусалиму, ушедший в землю и наполовину слизанный временем надгробный камень? Так, вот здесь, близ селения Вифлием, умерла от трудных родов и похоронена Рахиль, любимая жена Иакова, из-за которой он, бедняга, двадцать лет батрачил на своего тестя Лавана. Здесь, у журчащего до сих пор ручья, стоял он крепкий и богоборец, перенасыщенный жизнью, стотридцатилетний отец, держал на руках новорожденного сына своего Вениамина и тихо плакал беспомощными старческими слезами...

А в десяти стадиях, в двух километрах от ручья, за оливковой рощей до сих пор сохранилось поле богатого в то время землевладельца Вооза, который женился на бедной собирательнице колосьев, молоденькой вдовице Руфи, и стал предком великого собирателя Иудейской земли, гуслера и псалмопевца, лучезарного царя Давида.

- Кто ты? Откуда ты и почему не видел я тебя среди служанок своих? - спросил Вооз худенькую большеглазую Руфь.

- Я вдова и пришла по своей воле к народу на землю мужа своего с полей Моавитских собирать колосья за жнецами твоими, о господи! Для своего пропитания и пропитания свекрови моей...

И взял Вооз Руфь, и она сделалась его женой. И вошел он к ней, и Господь дал ей беременность, и она родила сына, который стал дедом царя Давида. Вот там, где паркуются сейчас автомобили, у маленьких сувенирных магазинчиков три тысячелетия назад, у овина, под стогом соломы маленькая худенькая Руфь положила начало царской династии еврейского государства, а селение Бетхелем, или Вифлеем, с той звездной ночи будет называться "городом Давидовым"... С той ночи пройдет еще тысяча лет, будут разрушены войнами и засыпаны песком, порастут чертополохом великие города, и исчезнут с лица земли многочисленные народы, падут великий Египет и "город крепкий" Вавилон, будет построен и вскоре разрушен Первый храм мудрого Соломона, падет Израильское, а за ним Иудейское царство, будет построен Второй храм, и Гней Помпей присоединит раздробленную междуусобицами Иудею к Римской империи, и Ирод Великий, по милости Рима, станет царьком этого автономного царства, а маленький городишко Вифлеем сохраниться в своем первоизданном библейском виде, будет жить и жить своей жизнью вопреки неумолимому времени, словно навечно заговоренный мировой Волей от всяческих бед и разрушений. Именно здесь, в пещере, в загоне для скота, суждено было волею Неба произойти чуду из чудес - рождению долгожданного младенца-мессии чье явление в этот мир стало прологом новой жизни, в которой грубая сила вынуждена была признать духовный и нравственный авторитет, идеалы справедливости и свободы, веру в конечную победу добра и ценность человеческой личности - словом, все то, чего не знали все пятьдесят тысяч лет существования человека!

Но как все относительно в этом мире. Относительно и время - то оно несется над равнинами, сметая все на своем пути, то вдруг замедлит свой ход, остановится, и наступит полный штиль, этот верный предвестник новых бурь... Для Бога столетие как час, а иногда как минута и даже секунда. И если бы мы, двуногие Его творения, смогли бы чудом узреть громадные, бесконечно длинные четки, которые медленно перебирают длани Господа, то разве повернулся бы у нас язык докучать Ему своими мелкими сетованиями, шкурными просьбами, льстивыми хвалами, подношениями и жалкими благодарственными гимнами?! В каждой черной бусинке Божественных Четок содержится по Вселенной, где время остановилось, ожидая взрыва, где прах ждет момента, чтобы превратиться в энергию, где необъятное пространство, сжатое и скомканное в маленький шарик, может только по Его воле разжаться до размеров

новой Вселенной с миллиардами галактик, с триллионами звезд и планет... Казалось бы, что наши вопли среди этого бесконечного круговорота творения жизни и смерти?! Но нет же! Нет! Пришло время. Остановилось Время, и наступила Тишина... Наконец-таки услышаны Небом заблудшие, слабые, несчастные грешные люди, и зажглась Вифлеемская звезда, как Знак согласия Всевышнего Творца к общению с двуногими тварями через своего Первородного Сына! Сияющий в небе Вифлеема Божий Знак как бы говорил этому миру, что в него пришел не просто царь Иудейский, потомок царя Давида, а еще и Сын Человеческий по духу Небесного Отца Своего!

Пришедший к людям Младенец-Спаситель не нарушил отчаянным криком обступивший Его благодатный покой: было хорошо и сладко в этом затихшем в ожидании спасения мире. Ярко горел над пещерой Знак Неба, и Сын Божий молчал. Известно, что боги не плачу. Они любят, утешают, скорбят, гnevаются. Бог во плоти молчал, наслаждаясь своим новым качеством, будто набирался сил для грядущих переустройств мира Зла в мир Любви и Добра. Его дух изначально стал гармоничным и просветленным, и в нем постепенно вызревало мощным ростком божественное Слово... Скоро, очень скоро оно прозвучит на весь подлунный мир, и тогда всколыхнутся земли, страны, народы, умы, сердца и души людей!

В Младенце не было ничего ущербного и греховного. Он был светозарным, божественно прекрасным, а Его лик, словно лик Аполлона, был строго симметричным... В наспех сколоченной плотником Иосифом колыбели лежало самое прекрасное дитя, неповторимый шедевр небесного Создателя! Никогда и никто из современников не увидит на этом прекрасном лице злобной и презрительной ухмылки, его никогда не исказит гримаса темных инстинктов, не обезобразит порочная мимика пошлого человека.

Над Иисусом не будут иметь власти демонические стихи, самодовольство, самоуверенность, тщеславие и мания величия - главные болезни земных царьков и их наместников. Ему всегда будут чужды грубые шалости и игры сверстников, их беспричинное веселье и глупые мелочные обиды. Никто и никогда не увидит его громко хохочущим, неистово пляшущим, праздо болтающим, пьяным и агрессивным. Никто не увидит его слез, обильных горьких человеческих слез - ни одна не скатится по ланитам из громадных, как небо, полных любви, мудрости и библейской тоски, очей...

Зачем плакать и кричать, громко заявляя о себе всему миру? С воплем в мир войдешь, с воплем и выйдешь! В озаренной светом Рождества пещере радостно, тесно, тепло и уютно, зачарованно уставились на колыбельку неморгающими печальными глазами старая овца, восторженно крутит хвостом сторожевой пес, глухо вздыхают о цветущих зеленых лугах коровы, задумался о завтрашнем дне трудяга-ослик и, затаив дыхание, склонились над Младенцем и счастливой Матерью опаленные солнцем суровые пастухи ...

Путь в пять тысячелетий протопало дикими тропами человечество в мучительных поисках, находках и утратах вожденной тайны жизни и ее смысла, прежде чем узреть над захолустным Вифлеемом Рождественскую звезду. Путь с бесконечными и вечными вопросами, на которые никогда не было ясных ответов: "Судьба! Кто ты и что ты? София-желанная мудрость! Где ты? Боже, Создатель мира сего! Ты есть, отзовись!" Но темно и сыро в низких пещерах, в скальных расщелинах свистит ветер, бросая колючий снег на ложе из хвойных лап, и во мгле обреченно воют шкалы...

Когда по воле Неба вспыхнул в двуногих существах свет разума, когда в их темных норах задымил первый очаг, а в неуклюжие лапы самим Провидением, в порядке "первотворчества", был вложен древесный угольный карандаш для начертания на стенах своих первых впечатлений, тогда и появился первый человек

по имени Енос, смутно ощутивший реальность некоей высшей Силы, объемлющей мироздание. Чудовищно мучительным было выживание этой первобытной разумной твари в необузданном животном мире, и давалось оно страшной ценой - грубым нарушением заповедного правила природы, не допускающего особям одного вида сжирать друг друга...

Река утоляла жажду и давала рыбу, а значит, была божеством, лес давал ягоды, мед и дичь и тоже был богом, могучий дуб давал тень и желуди и был и был божественным, огонь согревал и защищал, а значит, был священным. Но все то, что давало, требовало жертв. И стало считаться вполне закономерным, что с помощью жертвоприношений, даров и магических обрядов можно задобрить суровых богов, влиять на демонов и духов, тем самым обеспечив себе относительно сытую и спокойную жизнь. В самых изощренных формах разумные двуногие стремились навсегда "купить" расположение разных богов и боженят, одновременно пытались заполнить пропасть между небесами и землей. Но пролетели десятки тысяч лет, а Небо молчало, молчали и боги. А так хотелось скорого наступления "золотого века", хоть чем-то напоминающего утраченный прародителями заветный Эдем! Казалось - все! Конец! Тупик! Все средства исчерпаны - надежда нет. И здесь изощренный человеческий ум озарился новым открытием: "Этот мир создан Единосущным создателем, один Богом! Кроме Него никого нет и быть не может, а раз так, то с одним Богом договориться легче, чем с сотней божеств. да и не так накладно!" И немедленно был заключен договор с Богом Сущим и Единым, и начало сему положил хитрый Иаков, клятвенно обещая жертвовать Божьему дому десятую часть от дарованного ему Вседержителем богатства и прибýtка! Но проходили века, а Единодушный молчал, приходил лишь в кошмарных снах потерявшим честь и совесть царькам, изредка и косвенно напоминая о Себе страшными бедами и катастрофами. Так продолжалось до тех пор, когда на горе Синай среди дыма и огня великому пророку и законодателю израильтян Моисею был вручен начертанный на двух каменных плитах-скрижалях новый закон, содержащий знаменитые десять заповедей Божьих-Декалог. Но и здесь оказалось, что легко давать клятву, но очень трудно быть ей верным. С большим трудом вчерашние рабы фараона воспринимали Завет своего наставника, бунтовали против него, и сильна была еще над ним власть привычных суеверий. Религия Завета была суровой требовательной, а языческие боги были непритязательными и понятными. Обрядовое служение им сопровождалось чувственным весельем и оргиями, всем тем, что часто скрашивало полную забот и тягот короткую бессмысленную жизнь.

Как минуты проходили столетия, и как пух одуванчика сдувались с лица земли людские поколения. Вскоре избранный богом народ ужаснулся своему быстрому падению: Сыны Израиля уклонялись от Яхве, бога своего, и Бог отвернулся от них". Тщетно взывали к своему народу библейские пророки Илия, Осия и Амос, уверяя его, что еще можно сохранить покровительство бога, выполняя условия союза с Ним, основой которых должна быть любовь к Всевышнему. Эта любовь, по их мнению, требовала не столько церковных дарений, сколько человеческого добра и правды. Устами этих пророков вещал сам Бог: "К чему Мне подношения Ваши! Милосердия хочу, а не жертвы! Довольно топтать двory Мои, и не приносит больше ненужных даров. Удалите от очей Моих злодеяния ваши, перестаньте делать зло, научитесь делать добро!" Но увy! Если голосу пророка люди внимали как голосу Неба, то голова пророка отсекалась секирой сатрапов-палачей, для которых любая идея социальной справедливости была хуже чумы и черной оспы. Вампиры не желали переходить на растительную диету! Услышав голос истины, зверь зла звенел железом, опуская забрало, и заливал кровью горло пророка. Видя все это, видя распад и тлен мира, двуногий прах тосковал о божественном бессмертии души. Всякий ждал знака прихода мессии. И знак был дан. Над Вифлеемом засияла звезда

Вседержителя: "Я здесь! Я с вами, и Сын Мой спасет вас любовью Моею!"

Из года в год, каждое Рождество приходит к нам и вселяется в усталые сердца эта несказанная радость от великой встречи с Богом, и новая надежда наполняет души - мир завтра обязательно изменится к лучшему, а вместе с ним и мы станем лучше, добрее и милосерднее, мы проснемся от духовной спячки, сбросим равнодушие, апатию и цинизм.

Об Иисусе известно многое, и сегодня мы все знаем, что произойдет с ним завтра, послезавтра и через тридцать три года! Но в эту чудесную ночь не хочется печалиться о Его тернистом предстоящем земном пути. Не к месту и не ко времени этот жалкий лепет запоздалых раскаяний, перечень нелепых самооправданий, поиск виновных. Не по своей воле Он пришел в этот мир, Он был послан! Не как Бог, скрывающийся под маской человека, а как Сын Божий, подчинивши Себя условиям земной жизни, ради нас, заблудших и потерянных человеков. И потому, склоняясь в эту божественную светлую ночь над долбленным корытом-колыбелькой Младенца-молчуна, мы мысленно говорим: "Мир Тебе, Иисусе Сладчайший! Будь с нами навсегда и никогда не покидай нас!" И вслед вспыхивает в сердцах наших подспудная надежда на то, что никогда-никогда на этой земле не будет прокуратора Понтия Пилата, царя Ирода и корыстного завистника Иуды, и не будет больше метаться по пустыне одинокий человек в поисках Бога или себе подобного... В эту звездную ночь, щедро сулящую всем и каждому начало новой бесконечной жизни, так хочется верить в продолжение сказочных чудес, без которых наша жизнь не жизнь! Хочется увидеть, как дюжий молодец играючи сразит кулаком огромного Зверя-шатуна и его шкурой укроет зябнущую сиротку, так за тем вон темным ельником вспыхнет ослепительный свет и послышится рокочущий голос самого Бога, а с неба, вместо крупных снежных хлопьев, будут тихо падать душистые лепестки роз... Всякая земля прекрасна, когда над нею витает в лазури Бог!

ГВОЗДЬ ХРИСТОВЪ, или Странный сон в день Торжества Православия

"Jbis ad crucem!"

"Ты будешь распят!"

Слова приговора, обращенные к Иисусу Назарянину

Это самый большой в мире гвоздь. Встарину он назывался шпиль. Сейчас его называют брусковой костыль или "двухсотка" (200 мм).

В кузницах Римской империи мускулистые, потные, закопченные черноволосые и светлокудрые рабы на гвоздильне (наковальне с дырой для тыковки гвоздевых шляпок) делали из железа эти костыли для распятия людей.

Гвозди были четырехугольными, с широкими шляпками, чтобы жертва не могла сорваться с креста. А чтобы поперечина не трескалась и не расщеплялась, гвозди предусмотрительно делали притупленными. Дерево в Риме было дорогим, гвозди тоже стоили недешево. Дешевыми были только вино и хлеб, свезенный в Великий город из отдаленных провинций. Одну амфору греческого вина емкостью в 24 литра можно было обменять на молодого крепкого раба.

Казнь была дорогим удовольствием. Можно представить радость членов Синедриона: как хорошо, что римляне, эти богомерзкие язычники, лиши их права осуждения на смертную казнь! И, препроводив после своего допроса Иисуса Христа к римскому наместнику Понтию Пилату, первосвященники, фарисеи и саддукеи удовлетворительно потирали руки - казнь над этим богохульником и самозванцем

будет совершена за счет казны кесаря!

Согласно Евангелиям, Христос был не привязан, а прибит ко кресту, Некоторые критики ставили этот факт под сомнение, но археологическая находка близ Иерусалима доказала, что такой вид "расточительной" казни был известен в Иудее.

Все три креста на Лысой горе были положены наземь, самый большой, трехметровый крест Иисуса, был помещен для большего издевательства в середине. Только теперь к вершине большого креста мелкими гвоздями прибили доску с надписью на трех языках "Иисус Назарянин царь Иудейский". После этого двумя гвоздями прибили перекладину и положили Его на орудие казни, руки растянули вдоль перекладины и посередине открытых ладоней наставлено было по огромному гвоздю, которые ударами тяжелого вогнали в дерево. Затем, ради "экономии", в ноги, положенные одна на другую, через обе сразу был вбит еще один, самый огромный гвоздь - костыль. Экономика и тогда, в те далекие времена, должна была быть экономной! А двух разбойников-убийц нагими привязали к столбам с верхней перекладиной в форме буквы Т. Так дешевле - зачем лишние гвозди изводить! С тех пор бухгалтерия смерти не изменилась. Убийцы и палачи всех времен и народов всегда экономили на истреблении людей... Например, в той же самой Хатыни ставили людей в затылок друг к другу и стреляли.

У самых опытных стрелков иногда одна пуля пробивала сразу три головы! За экономию пуль ударникам смертоносного труда платили водкой и жирной едой.

Сколько гвоздей ушло на распятие Иисуса? Три, четыре? Скорей всего семь, но три из них - самые страшные Гвозди. И когда самый большой и страшный пронзил ступни Христа и вошел в дерево, он сразу же стал Гвоздем Судьбы мира, он "как копьем, пронзил душу Марии". Именно в этот момент невообразимого ужаса раздался голос Сына Божия - не воплем естественной муки при этой страшной позорной казни, а со спокойной мольбой к Божественному милосердию за своих безжалостных убийц: "Отче! Прости им, ибо не знают, что делают!"

Поистине, ни плачи, ни правоверные иерархи, добившиеся осуждения Христа, не понимали, что свершается в этот час. Для одних казнь была перерывом в скучных казарменных буднях, а другие были уверены, что оградили народ от опасного соблазителя-инакомыслящего. Никто не знал, что слова Мученика зарядили кованые гвозди чудовищной энергией злой Власти, Рока и неминуемого предопределения...

Кресты с осужденными на смерть были водружены, их завалили у подножия камнями. Разбойники умирали, как простые смертные. Он же покидал свою земную юдоль как Сын Божий. Они с жадностью выпили вино с крепким дурманом, притупляющим боль. Он отказался. Один из разбойников стал укорять его в бессилии спастись и спасти их, другой стал защищать Невинного. И Он, самый щедрый и милосердный из всех людей на земле, твердо пообещал грешнику "сегодня же быть в раю". Казнь продолжалась. Все это так страшно и буднично, невыносимо тоскливо и безысходно. Не от мук физических Он возопил, а от тоски одиночества и ненужности этому миру и этим людям. Над Иерусалимом скопились тучи, воздух потемнел - так бывает, когда поднимается ветер хамсин. Земля задрожала, и Он ушел из этого мира, обыденного и равнодушного, с преображенным ликом. На смертном челе Его отобразилась божественная суть. Это заметил раскаявшийся на кресте разбойник. Это заметил центурион, начальник сотни. Он долго всматривался в лицо Распятого и воскликнул: "Поистине, этот Человек - сын Богов!" Это заметил и другой язычник - легионер Гай Кассиус, вошедший в историю как Лонгин-копейщик. Что-то таинственное открылось грубому римлянину в последние минуты казни. Сомнения в том, что Иисус мертв, не было, но Гай Кассиус для проверки пронзил Ему грудь своим копьем. В ране показались "кровь и вода" - бесспорный признак наступившего конца. Он не стал умершему ломать голени, как

того требовал обычай, - Сыну Бога ноги не ломают!

Теперь осталось только, выдернув гвозди, снять мертвеца. Он выдернет их позднее, возьмет себе гвоздь из левой ладони казненного и прикажет лучшему оружейнику Иерусалима заделать этот гвоздь в наконечник своего копья. В какой-то момент вся судьба человечества будет сосредоточена в этом копье. Оно пробило сердце Иисуса, а гвоздь, пробивший левую ладонь, заставлял болеть Его сердце, полное любви и милосердия.

Этим копьем владели свыше сорока монархов, в том числе византийские, немецкие, римские. Цезари-язычники и императоры-христиане! И не случайно, что копье и гвозди - эти страшные орудия казни - стали для тиранов святыне и вожделенной мечтой.

Сколько же гвоздей было выдернуто из креста Иисуса? Великое множество. Их оказалось больше, чем слов, произнесенных Сыном Человеческим за всю его земную жизнь. Только одних копий Лонгина было несколько. Одно хранится в Ватикане, другое в Кракове, третье в Париже (оно было доставлено в XIII веке святым Людовиком), а самое-самое настоящее, которому две тысячи лет, хранится в Вене. На него некогда жадно смотрели и желали иметь в личном пользовании Петр I, Наполеон, Фридрих Великий, Муссолини. А двадцатилетний Адольф Шикльгрубер, позднее Гитлер, приходил в зал венского музея бесчисленное множество раз. Он чувствовал исходящую от этого копья странную силу. "Я медленно ощущал какое-то магическое присутствие, - вспоминал потом он. - Такое ощущение я испытывал в тех редких случаях, когда осознавал ту великую судьбу, которая мне предназначена"...

Все верно. Все они, эти "великие" мира сего, как вампиры, "заряжались" на многие годы страшной энергией этих священных орудий убийства... и миллионами убивали своих подданных. Они, как скряги-старьевщики, собирали в свои кованые сундуки тлен и прах земной жизни Иисуса. Начало этому неумемному собирательству положили византийские императоры. Конечно же, кроме благоговения перед святынями, ими руководили прежде всего большое тщеславие и подспудное стремление обожествить, освятить, именем великого Мученика свою грубую власть и жалкую суетную жизнь. Как мы знаем, святыни не помогли Византийской империи устоять перед натиском мусульман, как не помогли они и крестоносцам, их королям и князьям избавиться от чумы, грязной жизни и междуусобных войн. Этими святынями неплохо кормились, ими спекулировали самые худшие представители человечества.

А самую главную святыню Христа - звучащее божественное Слово, Его Благоую весть, никто не думал воплощать в жизнь. Он этим Словом делал чудеса - за три дня разрушил храм и возвел новый, крещал мертвых, лечил бесноватых и порождал у злых любовь друг к другу. Своим волшебным Словом Он в людях пробуждал совесть - это постоянное напоминание о высоком предназначении человека, о его Богосыновеи сущности! Вот это и есть Его основная святыня, за которую Он и был распят!

Ах эти раритеты и "святые реликвии"! Сколько их лежит в музеях, монастырях, соборах, костелах и церквях! И люди, как и прежде, играют с Богом в свои лукавые, опасные и страшные игры, но остаются такими же, какими были две тысячи лет назад. Знал, знал Иисус, что так оно и будет до второго пришествия "и ничего не возродится ни под серпом, ни под орлом!" Вот отчего возопил Он накануне ухода в Царствие Небесное! Страшно одиноко было Ему, как одиноко и многим из нас на этой земле.

В день Торжества Православия, 12 марта 1995 года в семь часов утра приснился мне вещий сон. Как будто стою я в Кремле, в Грановитой палате, а передо мной на царском троне сидит высохший старик, больной, лысый, с громадными сумасшедшими глазами на зеленоватом лице, в монашеской рясе. Смотрю я на

него, а это сам... Иван Грозный, "помазанники Божий". Жалкий какой-то, и руки у него трясутся от пьянства, крови и блуда. И хочет царь всея Руси Иван Васильевич, чтобы я ему отдал имеющийся у меня при себе большой Гвоздь Христов, который в свое время пронзил тупым острием стопы Господа нашего Иисуса Христа. А нужен царю этот Гвоздь для спасения святой Руси, Церкви и всего православного народа русского. И хочет он, великий государь, от своего имени положить сей святой гвоздь в ризницу Троице-Сергиевого монастыря. И отдать этот гвоздь я должен сейчас же, ибо, как холоп презренный не имею я права владеть такой святыней, а ежели не отдам ему, великому царю, то он именем Бога велит меня лишиться живота моего. Но я не боюсь грозного царя, потому что знаю то, чего он не знает и уже никогда не узнает. Потому что я знаю, что после его смерти, отдай я ему этот гвоздь, ничего не изменится, а будет еще хуже. Потому что я знаю, что после его смерти будет великий глад и мор, будет на Руси велика Смута и беды народные. Я знаю, что он врет нагло и бессовестно, как все цари и политики. Я знаю о нем все и знаю, что будет после него через двести лет, а Гвоздь Христов нужен ему, чтобы примазаться к Светлому Христову имени. Я знаю о нем почти все, а он обо мне ничего не знает. А знаю я еще и то, что этот трусливый, но тщеславный царь-"монах" выдавал себя за потомка самого божественного великого язычника Августа, "цесаря римского", и для обмана современников, как мелкий шулер, велел подсчитать пергаментную грамоту константинопольского патриарха! А теперь этот "потомок" Августа-язычника пожелал заделаться сводным братом самого Христа!

"Ишь, чего захотел, пес смердящий, шакал венценосный! Шиш тебе без масла, а не Гвоздь Христов!" - кричу я на всю Грановитую палату и бросаю свою страшную реликвию с высохшей кровью великого Страдальца через правое плечо. И летит Гвоздь Христов далеко-далеко, за десятки верст, и там, за Троице-Сергиевой лаврой, плюхается в черную воду, в полынью одной из многочисленных родниковых речек. Плюхается в воду и тяжело идет ко дну самый длинный Гвоздь в мире, а на свинцовом древнем футляре, в котором хранился сей раритет, латынью отлита едва различимая надпись: "In situ... In spe..." (место нахождения... в будущем...).

Увидел я, что надежно утонул Гвоздь, вздохнул облегченно и проснулся. И радостно мне от этого стало - хорошее дело я сделал! Видит Бог, не нужно никогда подвергать соблазну императоров и вождей, царей всея Руси, покорителей всего мира и повелителей Вселенной. Пусть себе умирают, как умирали разбойники на крестах вдоль Аппиевой дороги, и пусть над ними поют вечную славу воронье и стервятники.

А мы с вами будем радоваться и ждать Благую весть. Скоро светлый праздник Великой Пасхи! "Христос воскрес!" - "Воистину воскрес!"

Братья Лихуды – деятели русского Просвещения

Давно ли стали известными нашему, до сих пор еще атеистическому, обществу святые Кирилл и Мефодий? Тысяча сто лет прошло, и совсем недавно эти два грека, два ученых брата, создатели славянской азбуки, великие просветители и проповедники христианства сошли со страниц житий и церковных святцев на русскую землю и застыли навечно в бронзе в самом центре Москвы.

А кто знает о двух ученых греках, тоже двух братьях, уроженцах Кефалонии, потомках византийского княжеского рода царской крови – братьях Иоанникии и Софронии Лихудах? Специалисты по истории русского просвещения, любители истории, да сами... греки, живущие в Москве.

Восемь веков понадобилось самому Провидению, чтобы святые Кирилл и Мефодий пришли на славянскую землю учить наших предков божественным

письменам и заветам Иисуса Христа. Столько же веков понадобилось Богу, чтобы после них пришли на московскую землю братья Лихуды. Это случилось 310 лет назад, в 1685 году.

А на следующий год была открыта в Москве Славяно-греко-латинская академия. Она была открыта братьями на базе существовавших уже “законоспасских школ”, т.е. помещавшихся в Законоспасском монастыре. У этих школ был недостаточный для того времени образовательный уровень, и когда русское правительство задумало завести в Москве высшую школу, то царь Федор в 1682 году просил восточных и искусных учителей, “ибо невежество русского народа есть мать его благочестия”.

Выбор пал на самых лучших в Греции учителей и проповедников – братьев Лихудов, получивших образование в Греции, потом в Венеции и в Падуанском университете.

Вероятно, братья считали свою миссию в Москве временной, но судьбе было угодно, чтобы они остались в России до конца своих дней.

Восемь лет преподавали братья грамматику, пиитику, риторику, логику, математику и физику, встречая большие препятствия со стороны бывших в то время ученых-западников.

В 1694 году оба брата были устранены от преподавания в академии и определены для занятий в московской типографии. Здесь, кроме преподавания основных дисциплин, исправления книг и переводов с латинского на русский специальных трудов по горному делу и военному искусству, указом Петра I им было поручено обучать 55 человек итальянскому языку.

Но их противники не унимались. Людей, исполненных зависти и корысти, раздражали эти “не от мира сего” братья-просветители. Огульно обвиненные в ересь и каких-то давних политических интригах в Греции, братья Лихуды были сосланы в Ипатьевский монастырь.

Железной волей молодого царя Россия нехотя и со скрипом стала поворачиваться лицом к Западу. Кроме талантливых специалистов и военных, в нашу страну на дешевые хлеба, роскошную жизнь, высокие чины и жалованье хлынуло большим потоком много людей случайных, авантюристов и мошенников... Потребность государства в классически образованных преподавателях продолжала оставаться.

В 1706 году новгородскому митрополиту Иову позволено было поручить братьям Лихудам устроить в Новгороде славяно-греко-латинскую школу на манер московской. А через десять лет волей царя они были вызваны в Москву для занятий в академии и для участия в исправлении Библии.

В 1717 году Иоанникий умер, и Софроний стал продолжать один благородную просветительскую деятельность. Юноша Ломоносов не застал, к сожалению, этого великого сподвижника. Он переступил порог Славяно-греко-латинского высшего учебного заведения России через год после смерти Софрония, в 1731 году. Но уже к этому времени из учеников братьев Лихудов образовалось целое поколение первых русских ученых, таких, как Поликарпов, Головкин, Палладий Роговский, Крашенинников и другие отчасти бывшие профессорами и ее руководителями.

Труды Лихудов на пользу русского образования до сих пор еще не оценены по-настоящему. Еще не рассмотрены их словари, учебники с методическими указаниями по грамматике, риторике, логике, физике, математике, богословию и даже... психологии, по которым происходило преподавание в академии. Многие из них находятся в рукописях в разных библиотеках. Многие пропали, потому что ими пользовались вплоть до середины XVIII века. Крупнейший поэт того времени Михайло Ломоносов использовал лекции Лихудов по пиитике при разработке силлабо-тонического стихосложения. Их учебники по математике и физике легли в

основу преподавания С.Магницким в школе математических и навигацких наук, а позднее другими математиками в адмиралтейской, артиллерийской и в двух горных школах. Из их учебников по физике видно, что они не рабски следовали Аристотелю, а имели свое суждение, исходя из практических научных опытов и основываясь на достижениях ученых эпохи Возрождения. Любопытно также было узнать, что в своем учебнике по риторике братья Лихуды ввели свое деление красноречия на божественное, героическое и человеческое.

Братьев Лихудов можно назвать родоначальниками общего образования в России. Именно здесь, в Славяно-греко-латинской академии, нужно искать истоки просвещенного абсолютизма “веселой императрикс Елизавет” и образовательную систему Екатерины Великой.

Из скупых биографических сведений, сквозь пелену времени вырисовывается прекрасный облик этих двух ученых греков, братьев по крови и по духу. Они не были стяжателями. Софроний, например, всячески препятствовал расхищению монастырского имущества, когда был настоятелем Солотчинского монастыря в 1720 году. Они не были завистниками и никогда не кичились своим древним княжеским родом. Тот же Софроний в бытность своего вторичного заведования академией в Москве не получал за эту службы ни копейки жалования, “довольствуясь вознаграждением, какое получал за труды по исправлению Библии, всего 50 рублей в год, в то время когда его ученики получали вчетверо, впятеро больше”...

И самое главное для нас с вами, людей конца XX века, – братья Лихуды были людьми глубоко нравственными. В отличие от всякого рода циничных прагматиков они никогда не считали славян и тем более русских “удобрением истории и нацией второго сорта”. Они не считали славян одной из рас, “которые имеют одно право: право быть ассимилированными великими культурными нациями”. То, что сделали эти братья, продолжатели великого дела святых Кирилла и Мефодия, чрезвычайно обогатило русское общество.

Весной этого года стало известно, что Российско-греческое общество по инициативе греческой колонии в Москве решило увековечить в будущем 1996 году братьев Лихудов, установив им памятник в столице в честь 310-летия основания ими Славяно-греко-латинской академии.

Последние дни Председателя Земного шара

*“И когда знамена оптом
Понесет толпа, ликуя,
Я восстану, в землю втоптан,
Пыльным черепам тоскуя...”
Велимир Хлебников*

Так оно и случилось! Ведь он был Пророком! И это случилось в то время, когда мы с вами, дорогие читатели стали носить красные знамена “оптом”, а бумажные цветы охапками... Именно тогда появились воспоминания о нем, статьи и монографии, и оказалось, что у него, человека одинокого, странного и чудаковатого, уж слишком много друзей. Общество, прочно забывшее его, узнало, что он был не только гениальный поэт-футурист, но еще и математик-цифроман и Пророк. В 1914 году он вычислил математическим путем, научно, Октябрьскую революцию 1917 года и опубликовал свое предсказание. Широкая публика его не заметила... Друзья же – Осип и Лиля Брики, Маяковский, Каменский, Бурлюки, Рюрик Ивнев, Елена Гуро, Шкловский, Ховин, Эльза Триоле – были под большим впечатлением, когда переворот совершился с очень и очень большой точностью.

Василий Каменский вспоминал, как однажды Осип Брик созвал к себе ученых математиков, и Хлебников прочитал им доклад “О колебательных волнах 317-ти”. По Хлебникову число 317 было законом колебательного движения государств и народов, событий и войн, толп и даже отдельных душ... Хлебников доказывал математикам связь между скоростью света и скоростями Земли. По уравнению Хлебникова выходило, что площадь прямоугольника, одна сторона которого равна радиусу Земли, а другая – пути проходимого светом в течение года, равна площади, описываемой прямой, соединяющей Солнце и Землю, в течение 317 дней. Переходя затем к математическим уравнениям отдельных душ, поэт-математик доказывал, что жизнь Пушкина дает примеры колебательных волн через 317 дней (одна из них – свадьба Пушкина состоялась на 317-й день после помолвки с Гончаровой, вторая – дуэль и т.д.). Еще он говорил им о времени и пространстве, об энергии времени, о своей формуле под названием “бумеранг в Ньютона”... За редким исключением никто не понимал его...

Осипу Брику пригласить бы на этот доклад К.Э.Циолковского; уж он бы красиво, понятно и убедительно дополнил бы Велимира. Недаром, оба считались современниками, чудаками, безумцами и фантазерами. Лекция вышла неубедительной – ведь Велимир, “композитор и живописец слова” на бумаге, в устной речи был робким, несвязным, стеснительным, косноязычным...

– Миром должны управлять будетляне, – не уставал говорить он, – люди будущего, – философы, ученые-изобретатели, физики, поэты, художники и музыканты. “Будетляне” – мое слово, оно – от слова “будет”! Они должны быть добрыми, как мы! Правительство Земного шара будет на острове. Это будет Город-Сад, это будет Остров-сад, Эдем! “Сад! Сад, где взгляд зверя больше значит, чем груда прочитанных книг, где орлы падают с высоких насестов, как кумиры во время землетрясения с храмов и крыш зданий!”. Мы будем соединяться с материком посредством аэропланов, а с Космосом с помощью ракет Циолковского! Станем прилетать весной и выводить разные идеи, а осенью улетать к себе к Хвалынскому морю, в край, где цветут лотосы! И еще... Мы должны изобрести такие машины, чтобы... ну как сказать... быть за счет них богатыми, добрыми и щедрыми,.. чтобы никого не грабить, не обижать... И вообще...”

Он был романтиком и мечтателем, большим наивным ребенком. Но наивность – не порок, а свидетельство чистоты души... Его нереальные и прекрасные фантазии с треском разбивались о грубую реальность. Но тогда, в 10-е годы, это еще было не так страшно. Страшное было впереди. А пока он был молод и здоров. Выходили в свет его стихи, математические пророчества, а вместе со стихами, хоть скандальная, но широкая известность, а с нею – деньги, друзья и даже ученики (таким считал себя Маяковский). Шла война, но он не сидел в окопе, не ждал смерти, не голодал, а даже наоборот: было относительно сытно, было творчество, концерты, дружеские пирушки... Будущая юность рвалась в будущее, хотелось перемен и “светлой революции”.

И она пришла. Но не в белых одеждах, не в “белом венчике из роз”, а вся в крови; окопная, тифозная, каторжно-тюремная, полная дьявольской зависти и ненависти к ближнему своему, исполненная разрушения и гибели. С ее приходом изменился окружающий мир, изменились люди. На время ими овладело психологическое оцепенение, когда человек мыслящий и живой оказывается не в состоянии мыслить.

Каким бы Велимир ни был беспомощно-наивным и мечтательным, он видел и понимал, что “новая и светлая” революционная власть не спешила “делать жизнь” справедливой и счастливой и не звала в свои ряды будетлян-творцов будущего. И она пока не нуждалась в лъстивых бахарях, в “речистых былинниках”. Пока она укрепляла свою силу на штыках и крови и пела гимны и песни революционеров прошлого века. Ей не нужны были и были даже опасны философы-пророки, поэты-

математики, историки и художники, наставники и Учителя, а тем более – “композиторы слова и живописцы звука”... Первый пароход с таким ненужным интеллектуальным мусором был отправлен Лениным еще в 1918 году в идеологическую “буржуазную помойку” в Берлин. После этого рейса были еще “пароходы философов и всяких там инженеров”, а кого не успели выдворить, расстреляли или сгноили в “домах трудового воспитания”, то есть в лагерях смерти, до революции не известных русскому народу...

И певцы революции, ее романтические соловьи, сделали вывод: новая власть сама не позовет их к столу и не попросит первой воспитать и облагородить высоким искусством ее кровавый приход. Наоборот, нужно самим приползти на брюхе и самим воспеть ее в меру своего таланта за ободряюще-снисходительный взгляд вождя, за две сухих воблы, горсть морковного чая и кусок хлеба, отнятого вчера продотрядовцами у многодетной крестьянской семьи... И они приползли, нет, не все, но словно всю свою жизнь до революции ничего не ели – все эти Семены Голодные, Саши Безыменные и Бесфамильные, Иваны Сирые и Бездомные во главе с Демьяном Бедным и Максимом Горьким – орава озлобленных и голодных, прикинувшаяся убогими и обиженными прежней властью... Но многие предпочли умереть голодной смертью и не продаваться дьяволу. Как, например, Блок или он, Хлебников, – Председатель Земного Шара. Правда, что греха таить, он пытался сам польстить новой власти – написал несколько “революционных вещей”, но все они оказались ремесленными подделками, унылыми, однообразными, декларативными и непонятными. А чтобы получить чечевичную похлебку с блестками жира, надо льстить без зауми, без живописи звука, а грубо, внятно и понятно. Как в агитках поэта Придворова – Демьяна Бедного. Придворов обласкан самим Ильичам, живет во дворце и ходит в барской шубе, завсегдатай московских ресторанов. А вот Володя Маяковский бедствует: “Я, Маяковский – ем кусок конский!” Бедняга! Что только не напишешь с голодухи. А вооруженные продотряды продолжают изымать “излишки хлеба” разоренных деревень, и голод продолжается уже второй год. Газеты страшно читать, еще страшнее слушать рассказы голодных беженцев. За Волгой людоедство приняло почти будничной характер: матери убивают своих детей, расчлениают и съедают их украдкой. Их ловят с поличными и судят... И это там, где в годы его юности топки пароходов за неимением дров топили когда-то сушеной воблой! На первой странице “Рабочей газеты” крупный заголовок: “Голод в Поволжье! В Самарской губернии пойманы милицией людоеды и продавцы человеческого мяса! Мужчины охотятся за молодыми девушками – их мясо вкуснее!” А на четвертой странице, как в жутком сне: “Ресторан “Яр” работает до 4-х утра! Хор цыган, закуски, горячие блюда, хорошие вина!” А Маяковский в окна РОСТА рисует главного виновника этого безумия – пузатого кулака и пишет жалкие стишки к своим примитивным плакатам... Вот тебе, Володя, и “медь проповеди в голосе футуризма”, вот тебе и построили “стройный дворец, где будут раскинута палатки из девичьих ласк для нас, пролетариев!”. Долго, долго еще будет мчаться безумный “паровоз ленинского напора к намеченной цели, где все мы – вкопанные шпалы – держим рельсы на груди” (Василий Каменский).

Как-то незаметно, словно во сне, за последние два года этой жуткой фантазмагии Велимир стал для многих нежеланным гостем, обузой... Он стал никому в этом мире не нужен. Вот когда и стала проверяться на крепость старая дружба, любовь и привязанность! Стало невыносимо жить, и тогда добрый ангел, добрейшая душа – художник Петр Митурич чуть ли не силком потащил его к себе в глухомань, на дачу, спасти от голодной смерти.

В письме к врачу А.П.Давыдову, незадолго до смерти, он писал: “Я попал на дачу в Новгородскую губернию, ст.Боровенка, с.Санталово, здесь шел пешком, спал на земле и лишился ног. Расстройство транспортной службы...” Понимал ли он, что за

ним неотступно стала следовать смерть? Каковы были его последние месяцы и дни? Писал ли он стихи? На эти вопросы могли ответить только те, кто тогда окружил его, ухаживал за ним и провожал в последний путь.

И вот через много лет после смерти Велимира Хлебникова мы решили пройти пешком последнюю дорогу поэта: от станции Боровенка, где он сошел с поезда, до деревни Санталово, где он умер, и до деревни Ручьи, где на погосте был похоронен.

Вот и станция Боровенка, на которой он сошел, чтобы больше никуда до конца жизни не ездить. Глухие леса Валдайской возвышенности, множество озер и речек, быстрых, холодных, с валунами на дне. Деревня Лякова, Иыза, от нее в трех верстах глухой лесной дорогой и деревня Санталово: из десяти оставшихся дворов обитало только три. Всего пять жителей, из них один мужчина – лесник – и три пожилые женщины, да еще одна молодая – учительница закрытой школы, которая думала уезжать в районный центр Крестцы. Деревня умирала. По словам жителей Санталово, в 1922 году в школе Петра Митурича училось около сорока детишек. Отец учительницы был хорошим приятелем В.Хлебникова, у него были книги поэта и хранились до 1946 года. Во время ремонта избы книги и рукописи пропали.

Вот изба Романовой Марфы Лукиничны. Жила одна, всю жизнь держала овец и коров и сейчас держит – у нее холеная, царственная умница корова Майка...

– Мне было двадцать лет, когда строился дом Митуричей. Я черепицу, для них возила из Крестцов. Давно это было. Хлебникова помню. Мы его не Хлебниковым, а Хлебником звали. Чудной был человек, блаженный какой-то... И стихи чудные писал...

У колодца

Расколотся

Так хотелось бы воде!

– Сначала мы все боялись его. Ходил-хромал около речки, все в воду смотрел и шептал что-то, – продолжает она, – а потом привыкли. Приносили ему молоко и ржаные лепешки. Глаза у него были голубые, добрые, как у ребеночка глупенького, маленького. И ел мало, непривередливый был. Когда я в последний раз принесла Хлебнику молоко, он уже не ходил, ноги отказали.

Лежал на лавке, весь черный, страшный, царапал пальцем стену, стонал... Я поставила молоко на скамейку, перекрестилась и убежала.

Мне мало надо:

Краюшку хлеба,

Кружку молока,

Это небо

Да эти облака!

Вот на взгорке дом Петра Митурича, в котором размещалась школа. На стене одной из комнат сохранилась надпись: “Здесь жил и умер Председатель Земного шара Велимир Хлебников 28 июня 1922 года в 3 часа дня”.

А вот погост деревни Ручьи. Могила Хлебникова. На деревянной широкой доске Маем Митуричем (сыном художника) вырезан текст: “Велимир Хлебников 1885-1922”. За погостом высится курган, поросший вековыми соснами. Местные жители говорят, что здесь похоронены литовские воины со своими лошадьми и это было давным-давно, “когда на нас Литва шла”.

– Когда Хлебник умер, мы обмыли его и переодели во все чистое, а у изголовья положили луговые цветы. Батюшка не хотел хоронить его без отпевания, сказал, что нужно отпеть, хоть и бродяга он, и нищий, а христианская душа... У нас с собой денег не было, еда была. Мы ее отдали батюшке, он тоже голодал, иссох весь. Отпел... Страшной жизнь была, прости, Господи... Охо-хо, охонюшки, тяжело Афонюшке на чужой сторонюшке...

Бабушка Марфа выходит проводить нас за околицу, стоит и плачет – ей не

хочется снова оставаться одной. Мы фотографируем ее на память и еще не знаем, что больше никогда-никогда ее не увидим...

Горячий ветер над хазарским Ашторхонь, над его родной Астраханью. Сухой ветер из дикой казахской степи вспенил волны Хвалынского моря... Дивный канал соединяет великую реку Итиль с батюшкой Доном, и по нему плывут, словно лебеди, белые пароходы. Из-за моря, из далекой пустыни, слышится грозный гул. Это устремляются в Космос ракеты Циолковского. Они несут к звездам послание Председателя Земного шара... Только не видно Города-Сада, что на острове Эдем... Трудно шевельнуться, трудно повернуть голову – она горячая, а от ног к сердцу идет ледяной холод... Но все равно хорошо, светло и радостно на душе и легкость необыкновенная оттого, что твое пророчество сбывается хотя бы наполовину...

Велимир улыбается и открывает глаза. Над ним склоняется Митурич:

– Виктор! Ф, Виктор! Тебе лучше? Скажи что-нибудь! Тебе хорошо?

Поэт хочет ему рассказать свой чудный сон, но у него нет сил говорить.

– Виктор, тебе полегчало?

– Да!

Это было последнее слово Председателя Земного шара Виктора Владимировича Хлебникова.

В саду Иосифа Аримафейского

*И смерти нет, и не умрет
Ни малый атом, ни комета!
Где Ты - все дышит и живет
В лучах Божественного света!
Э.БРОНТЕ.*

Много непостижимого и неразгаданного хранят страницы истории, но самое великое чудо, без которого не было бы самого христианства. Это событие до сих пор продолжает волновать лучшие умы человечества, заставляет нас вновь и вновь перечитывать Евангелие.

Нас, современных православных, еще в большей мере, чем первых христиан, продолжает мучить вопрос бессмертия души и воскрешения из мертвых. И это вполне объяснимо... В век массовых кремаций, печей Майданека и Освенцима, Хиросимы и Нагасаки, а также частных случаев распыления на атомы и молекулы живой человеческой плоти во время чудовищных взрывов и авиакатастроф, все чаще возникает вопрос: обязательно ли при воскрешении из мертвых необходимо наличие в целостности и сохранности тела умершего?

В эпоху раннего христианства люди не задавались таким вопросом - факт воскрешения Лазаря Иисусом и само воскресение Сына человеческого исключали такой вопрос как неуместный. И в последующие века авторы многочисленных апокрифов внушали людям и пророчествовали: "И разверзнется земля, спадут крышки гробов и восстанут мертвые!" А если нет гробов и даже могил, если прах миллионов загубленных и сожженных развеян по нивам, то воскреснут из них хотя бы трое праведников для жизни вечной? Блюстители традиционного благочестия и догматической обрядовости уклончивы в ответах, а между тем "вечный вопрос" продолжает в умах овец с мятущейся душой тысячи разных гипотез. Каждый раз, перечитывая вдумчиво Евангелие, убеждаешься, что воскрешение смертных праведников находится за пределами земного времени и человеческого понимания, и только Богочеловек неподвластен законам нашего материального мира и может "умереть" на три дня, а потом воскреснуть навсегда. Эта двойная суть Сына

человеческого четко выражена самими текстами Евангелия, ярко и впечатляюще отразилась в самом пасхальном богослужении, которое является величайшей трагической оперой всего человечества, прелюдией которой стали мрак, зло и смерть, а финалом - Свет, Любовь и Жизнь вечная.

В свете нового дня перечитывают Евангелие и наши ученые, специалисты по истории Древнего мира, религии и культуры, археологи и либеральные теологи. Затихли бесплотные споры о том, существовали ли Христос и Дева Мария, успокоились под надгробиями с пятиконечными звездами вульгарные воинствующие безбожники. В XX веке было найдено много вещественных памятников эпохи Христа: в 1947 году в пещерах близ Мертвого моря и в Иудейской пустыне были обнаружены кумранские рукописи; 1961 году среди развалин Кесарии нашли надпись I века: "Понтий Пилат, префект Иудеи", а три года назад был найден склеп гражданского первосвященника, главы Синедриона, главного "юридического" убийцы Иисуса - Кайафы и его тестя Ханана. Эпоха Христа стала ближе к нам и осязаемее. Досужие умы не теряют надежды найти мумию, мощи Иисуса, задаются вопросом: кто выкрал тело невинно казненного из гробницы Иосифа Аримафейского и куда оно было спрятано?

Чего больше в этих вопросах: мелкого любопытства, пытливого любознательности или неустанного поиска истины? Ведь ясно, что все четыре Евангелия не могут являться сугубо историческими документами, биографиями, так сказать, конкретного исторического лица, прежде всего они - это Благая Весть Богочеловека, земная жизнь которого была predetermined свыше... Так же были подчинены высшей силе и поступки Его современников, которым повезло видеть Богочеловека, слышать Его Божественное Слово. Одним из ярких таких современников был Понтий Пилат - язычник-прагматик, гражданин великого Рима, стоявший высоко над шумными религиозными распрями иудеев, личность, ставшая нарицательной.

Понтий Пилат - римский наместник Иудеи в 26-36 гг., согласно историческим источникам, был самым жестоким правителем этой римской провинции времен императора Тиберия. Он решительно поддерживал интересы Рима, действуя вопреки настроениям иудеев, и провоцировал среди них частные восстания. Вот что писал о нем современник Иисуса философ Филон Александрийский: "Пилат боялся, что в Риме раскроются все его преступления, его продажность и хищничество, разорение целых фамилий, все низости, виновником которых он был, казнив множество людей, не подвергнутых даже никакому суду, и другие ужасы, переходившие всякие пределы" Жестоким самодуром и тираном, лютым иудоненавистником запечатлен он в анналах истории.

Однако жестокое поведение Пилата в Евангелиях значительно смягчено: хотя Пилат, в соответствии с римским законодательством, распорядился привести в исполнение смертный приговор Иисусу, он все же изображается человеком, знавшим о Его невинности. Жена его предупреждала: "Не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него". Он же велел принести воды "и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы". Тем самым подлинная вина за смерть Христа перекладывается на иудеев, требовавших отпустить разбойника и убийцу Варавву и распять Иисуса.

Казалось бы, "умыл руки" и забыл этого "несчастливого варвара проповедника"... Вереницей проходил через жестокие судилища прокуратора разные "бродячие философы" но ни разу не дрогнуло его сердце, а здесь вдруг проникся сочувствием к Обвиняемому и стал спасать Его от смерти. Мало того, "был удивлен и опечален", узнав о быстрой кончине Иисуса на кресте, но при этом продолжал интересоваться дальнейшим развитием событий. Милостиво выдал тело казненного для бальзамирования и захоронения в частном владении Иосифа Аримафейского. С

легкостью, не вредничая, выделил иудейским иерархам стражников для охраны тела Христова, не скрывая при этом своего презрения к этим хитрым "жрецам", которые продолжают бояться мертвого "Царя Иудейского", бояться, что их Учитель воскрес и взял на небеса как Сын Божий...

Эти реальные факты, на уровне бытовых мелочей, упомянуты евангелистами не случайно и логически предполагают главный поступок римского наместника - перезахоронение в глубочайшей тайне тела Иисус во избежание в Иерусалиме дальнейших религиозных смут. Это - одна, официальная сторона поступка Пилата, другая же - число личная, но имевшая непоправимые последствия для иудейской веры, - месть прокуратора своим врагам, архиереям из Синедриона за те унижения власти римского наместника, которые он испытал, решая "дело Христа". Надо еще не забывать и того, что после казни Иисуса Пилат правил Иудеей шесть лет, в течение которых по его воле не пострадал за веру ни один из последователей Христа, но зато продолжалось разжигание религиозных распрей между иудеями-догматиками и культово "нечистыми" племенами. После того, как Пилат схватил и велел казнить самаритян, собравшихся по обычаю на горе Гаризм, он был смещен и отозван в Рим, однако, предпочел покончить с собой.

Безусловно, беседа с Христом произвела на него большое впечатление; в измученном и униженном Иисусе прокуратор увидел Личность, которая на фоне местных царьков и архиереев олицетворяла образ Совершенного Человека.

Но не надо преувеличивать роль Пилата в судьбе Иудейского царства и народов, его населяющих. Все было predeterminedено свыше, и высшая сила определяла судьбу и поступки людей той поры. Пилат - одна из песчинок, вовлеченных в водоворот событий. Христос и Пилат, Власть Добра и Любви и власть кровавого насилия идут по дороге Вечности, ведут бесконечный диалог и по сей день не могут ни о чем договориться.

В саду Иосифа Аримафейского произошла единственная в своем роде победа Духа, которая не уничтожив плоти, дала ей новую, высшую форму существования. Пройдя, как простой смертный, через агонию и физическую смерть, Сын человеческий непостижимым для нас образом приобрел иную духовную телестность. Он перестал подчиняться законам земного мира, стал проходить через закрытые двери, внезапно исчезать, а лицо Его менялось столь сильно, что многие не узнавали Учителя и принимали Его за призрак. Он перешел в другое измерение и оттуда давал людям последние наставления. "Не прикасайтесь ко Мне, ибо я еще не взшел к Отцу Моему..." Перед народом Он являлся теперь не только как "оживший" Христос и Учитель, а как Господь, как воплощение Бога Живого...

Со дня Христова Воскресения не умолкает над землей благовест свободы и спасения. "Пусть никто не рыдает о своем ничтожестве, - говорит св. Иоанн Златоуст, - пусть никто не боится смерти. - освободила от нее нас смерть Спасителя. Пленный смертью, Он погасил смерть. Смерть, где твое жало, ад, где твоя победа?"

И если когда-нибудь дотошные археологи найдут в обвалившихся подземельях бывшего дворца Ирода Великого завернутое в лохмотья Христово тело, то это ни в коей мере не должно подорвать нашу веру в воскресение Сына человеческого, как не была она подорвана у первых Его учеников, когда они нашли пустой гробницу Иосифа Аримафейского.

Накануне светлого дня Пасхи мы не должны об этой великой победе Христа над смертью и ни в коем случае и никогда не сомневаться в ожидающей нас новой ступени бытия, в нашем будущем преображении, которое обязательно свершится независимо от обстоятельств нашей физической смерти и состояния нашей умершей плоти.

Но в тоже время не будем впадать в пассивную эйфорию, а будем настороже,

или, как сказал Христос, "будем бодрствовать", ибо грядет Зверь и Хам, чтобы взять реванш, чтобы окончательно погубить наши души, обрекая на тлен и смерть.

ЦВЕТЫ ЗЛА И ЛЮБВИ

Когда это велико чувство приходит к человеку, то само небо нисходит на землю, и в человеческом сердце раскрываются лучшие его черты. Тогда возникает зрелище души, озаренной любовью. В непохожих одна на другую картинах нет сплошного райского блаженства. Здесь можно узреть невиданные доселе горные вершины божественной любви и адские бездны сатанинской чувственности; дыхание смерти и трубный глас вдохновения; безумие и гениальность; чудовищный замысел природы и капризность ее дум среди ярких цветов любви.

Заглянуть в это страшное пространство, в зияющий провал, водоворот без дна, в алчную пропасть, где несчастной жертве великой любви в расплату дается непосильная ноша "безгласно-вечного терзанья и измученных сердец безумная печаль" довелось знаменитому французскому поэту, родоначальнику эстетизма и декадентства в искусстве Шарлю Бодлеру.

Плод безумной страсти 61-летнего старика к своей 26 летней подруге появился на свет в 1821 году весьма болезненным и хилым и оставался таковым всю свою жизнь. Как бы компенсируя физическую немощь своего создания. Природа одарила его своеобразным обаянием "неотразимо прекрасного", по словам современников, лица и редчайшей в этом мире оригинальной чувственностью, характерной лишь для богов и великанов.

С юных лет он стремился к свободе жизни и чувств, к громадной сильной любви и ему чужд и противен был комплекс "маленького человека" с его обыденными, посредственными и шаблонными страстишками, и уж если любить, считал он, то любить надо на грани смерти и небытия, уж если любить, то любить принцессу страны Великанов и не меньше!

...Полюбил бы я жить возле юной
гигантши бессменно,
Как у ног королевы ласкательно-
вкрадчивый кот.
Я любил бы глядеть, как с душой ее плоть
расцветает
И свободно растет в ужасающих играх ее;
Заглянув, угадать, что за мрачное пламя
блистает
В этих влажных глазах, где как дымка, встает забытье...

Самой судьбой ему было даровано познать любовь земную и небесную. Сначала лукавый и капризный Купидон предоставил юному поэту знойную мулатку Жанну Дюваль, эту "черную Венеру", это истинное, живое олицетворение жены-Земли с ее земными чувствами-страстями, с прозой жизни, этот символ чувственного мира с его цветами зла... и порока.

Будничность жизни и "простые" чувства Бодлеру были отвратительны. Любовь его к Венере-мулатке, с ее холодной порочностью, бесстыдством, восточными пряными ароматами, полуживотным и нравственным уродством, вызывала в душе поэта сложные ощущения экстаза и отвращения, которые являлись контрастом с действительностью и вдохновляли его творчество. Воспевая порочные чары мулатки, Бодлер внес в свои стихи неведомое доселе очарование "нездешних

миров", чуждое поэзии цельных чувств эпохи романтизма. Земная любовь Бодлера к своей многолетней подруге была настолько сильной, что несмотря на его эксцентричность, глубокий пессимизм, презрение к людям и дендизм, он терпел ее распутство, измены, неразборчивость в партнерах, пьянство и нежно заботился о ней, даже когда она рано состарилась и была разбита параличом...

Любовь небесная предстала перед Бодлером уже в зрелом возрасте в образе белокурой и голубоглазой светской женщины мадам Сабатье, олицетворявшей для него недостижимую мечту - противопоставляемую им реальной действительности. Он любил ее идеальной любовью, она вдохновляла его своей небесной холодностью, углубляя тем самым пропасть между мечтой и действительностью и помогала при этом преодолеть поэту прозу жизни "искусством, опьянением или добродетелью". Но как только отношения мадам Сабатье к нему стали страстными, животными, он охладил к ней: она стала в его глазах обыкновенной женщиной, рабой природы, а точнее, по-русски говоря, - бабой. Эту вульгарность и ненависть к женщинам за их естественность, по-нашему, - "бабью сущность", он испытывал и к знаменитой своей соотечественнице Жорж Санд, пренебрежительно называя ее "женщина Санд". Увы, капризы земной и небесной, идеальной любви, и присущи они не только женщинам, но и мужчинам, коих до сего времени продолжают считать примитивными в любви и бедными в эмоциональных чувствах.

В отношениях к Жанне Дюваль и к мадам Сабатье сказались все причуды того культа противоположного, который и составляет основу поэзии Бодлера, до воспевания всякого вызова природе - даже уродства. Современники не могли простить ему этого "кошунства": сборник стихов "Цветы зла", вышедший впервые в 1857 году, подвергся судебному процессу за... безнравственность, и денежному штрафу, невзысканному, однако, с автора из-за его финансовой несостоятельности. Напротив, суровые меры французов-пуритан содействовали успеху второго издания в 1861 году... Это было закономерно, ибо увидеть сквозь призму любви красоту в уродстве и воспеть ее, а в кукольной, обыденной красоте увидеть уродство, дано не каждому смертному.

Сборник стихов "Цветы зла" - поворотный пункт как во французской, так и большим запозданием в русской поэзии. До него классики преклонялись перед идеалом гармонии, а романтики признавали закон страстей. Бодлер же противопоставил и тем, и другим переходное настроение, некий "новый божественный трепет" и эдакий "мостик" в поэзию, который уловили французские декаденты и символисты: П.Верлен, Маларме, Рембо, Метерлинк, а позднее и русские - А.Блок, А.Бедный, Д.мережковский, В.Юрюсов, Ф.Сологуб, Вяч. Иванов, которые вслед за французами определили свое отношение к "старой" жизни, к посредственности, пошлости, узости мыслей и чувств. И, конечно, не без влияния Бодлера, возникает русский символизм с его Серебряным веком русской поэзии. Здесь и "Стихи о прекрасной даме" А.Блока, и любовная лирика Анны Ахматовой, и "Дом на горе" Марины Цветаевой"...

Шарль Бодлер умирал в полной одиночестве в период тяжелой нужды и усиливающейся нервной болезни, которая кончилась параличом памяти и помещением поэта парижскую лечебницу в состоянии полной афазии. Там он и умер в 1867 году в окружении "баб-сиделок". Муз поблизости не обнаружилось. Язык отказал ему, но он и не нужен был поэту - все, что нужно было сказать, он уже выразил в своих стихах. На сложенном пепелище, как на унавоженной обыденной жизнью почве, выросли прекрасные, страшные цветы в своей зловещей красоте цветы - цветы зла и любви. И не столь важно, кто из этих двух муз больше или меньше способствовал творчеству неистового поэта, важно одно - Любовь, сжигая и разрушая, созидает нам неведомое прекрасное...

В этом году исполнилось ровно 175 лет со дня рождения этого странного, ни на

кого из поэтов непохожего, безумца. Кажется, а зачем он нам с его странными стихами и странной любовью? Как зачем? Неужели никому сейчас непонятно, что наше больное и утраченное поколение так нуждается в любви, в любви любой - небесной и земной, и большой и "обычной", "простой", ибо сейчас в нашем обществе наступил "черный кризис", дефицит любви. А без любви погибнет наша культура, без любви погибнем и мы. "Любить - это единственный смысл жизни. И смысл смыслов, смысл счастья", - сказал Поль Верлен - французский поэт, ярый последователь и почитатель творчества неистового Бодлера...

Отдадим же должное жертве великой любви, любви губящей и созидающей, плодящей сонмы измученных сердец с безумной печалью...

“Золотые сны”

*“Ты плыви, наша лодка, плыви...
Сердцу хочется ласковой песни
И хорошей большой любви!”*

В поселке Энке Эстонской области великого государства жила-была красивая девушка Настя. Накануне войны был у нее роман то ли с солдатиком, то ли с молодым лейтенантом Иваном из энской части. Так вот, грянула война, и исчез, не успев жениться, ее возлюбленный, исчез навсегда – ни ответа, ни привета. Только фотка на память от него осталась с надписью на обороте: “Люби, меня, как я тебя!” И все! Может, он, бедолага, сгинул в первый же день войны, а может, подлец, жив-здоров и нашел себе фронтовую подружку... Бог его знает! И не подходит здесь жестокая и суровая формула жизни: “все бабы – дуры, а мужики – сволочи”. Да у Насти и не было должного жизненного опыта, чтобы в сердцах произнести такую отчаянную фразу. Всем сельчанам идут с фронта письма, а Насте никто не пишет. Обидно девушке! И решила она от имени своего возлюбленного сама себе с фронта письма писать, а после получения соседкам вслух прочитывать и вместе с ними переживать прочитанное. И чем дальше, тем больше стала увлекаться затеяннм. В своих неумных фантазиях до того дошла, что сделала своего фронтовика майором, потом полковником, а в конце войны произвела его в летчики, да еще в чине генерала! Потом этот “генерал” от авиации совершил массу подвигов в родном нашем небе, стал Героем Советского Союза и кавалером всех орденов и медалей. Был ранен, долго валялся в разных госпиталях, подлечившись, снова вступал в строй, а в конце войны, чтобы было “все как у людей”, написала Настя сама себе похоронку. Отнесла ее в город, на почту, и на другой день почтальон вручил ей печальное известие о смерти “генерала” Ивана. Долго оплакивала Настя своего воина, страшно ей стало становиться вдовой. Все село утешало ее и жалело, хотя все знали о причуде несчастной девушки. Все жалели, но никто не смеялся над ней, ибо это было бы великим грехом.

Потом один ловкач-фотограф из фотки Ивана сварганил Насте большой двойной портрет, на котором она красовалась в своем самом лучшем платье рядом с молодым летчиком в генеральской форме, сплошь увешанной медалями.

Вот такой смешной и грустный рассказ был написан Владимиров Войновичем под названием “Вдова полковника”. Написан он блестяще, на очень высокой ноте, с юмором сквозь слезы. И пусть автор простит нас за неуклюжий и краткий его пересказ. Он заставил нас задуматься о “золотых снах” наших несчастных, замордованных лихолетьем и непосильной работой матерей. Женщины всегда и в любых условиях искали настоящей красивой любви, идеальной, “хорошей” семейной жизни, в которой они могли бы выразить себя как личности, как настоящие женщины.

“Ты плыви, наша лодка, плыви...” Кто из наших мам не помнит этой чудной песни-мечты и у кого из них не замирало сердце от этих сладких и чистых слов?

Когда-то кумирами девушек были шоферы и трактористы, машинисты паровозов и полярники, потом в сороковые годы “модными” стали летчики и моряки, полковники с орденами:

На нем защитна гимнастерка –

Она с ума меня сведет!

Не будем хихикать над этими наивными строчками. Оставим при себе иронию и нигилистический юмор. Неизвестно, как будут восприниматься наши кумиры через пятьдесят лет, все эти рокеры и брокеры, и всяческая шелуха... Да разве плохо, когда идеалом женщины становится скромный мужественный военный человек, труженик, защитник родины и родного очага, надежная опора семьи? У современных девушек свои кумиры – это заемные шварценегеры и сталлоне, а также наши “крутые” бизнесмены, мальчики-банкирчики, супермены-ларечники и вымогатели, “короли” масс-медиа с косичками, в кожаных штанах и серьгами в ушах – женоподобные Нарциссы из телевизионного “Сатана-шабаш-шоу”.

Советская идеология старалась немного остудить чувства наших бабушек и мам, переключая их эмоциональную энергию на практические дела социалистического строительства, и киношные герои той эпохи, чересчур занятые и деловые, сексапильно поправляя кобуру, с лукавинкой пели:

Первым делом, первым делом – самолеты,

Ну а девушки: А девушки – потом!

А девушки искали свой идеал в окружающем их обществе, в своей среде и у классиков. Искали, но, увы, редко находили. У классиков было много сказано о любви и страсти к женщине, но о “настоящем” семейном счастье – ни слова. Так, кое у кого и кое-что, нехотя и вскользь. Все они утверждали одно: создание и сохранение семьи в мире и согласии до конца дней своих есть самый трудный подвиг на земле, более трудный, чем все известные подвиги Одиссея.

В нашей стране свершение этих немислимых подвигов взяли на себя женщины. Инстинктивно сохраняя счастье и любовь в семье, испытывая при этом страх за близких, детей и мужа, заботиться о выживании, ухаживать за стариками-родителями и испытывать при этом смертельную тоску и усталость – это ли не подвиг наших женщин? И у кого научиться всему этому? У классиков? Да они сами, за редким исключением, были несчастными людьми, беспомощными, безалаберными неумехами в создании своего семейного счастья. Не скрывая этого, считали свою жизнь каждого человека очень грустной и всегда ужасной. “И с отвращением читаю жизнь мою...” – сказано у Пушкина. То же самое говорит и Баратынский. Он воспринимал свою жизнь, как сон души, как неспособность поднять “крылья духа”.

Много ли среди классиков счастливых семьянинов? Ломоносов, Державин, Карамзин, Жуковский, Вяземский... Пожалуй, и все. И не один из этих счастливицев не оставил нам поучительного семейного “зевещания”. Это понятно: строить, беречь, не уставая укреплять семью, очень сложно, мучительно трудно и соответственно сложно писать об идеальной семье.

Не поленитесь прочитать дневники последних лет Льва Толстого. Как “умудрился” Учитель жизни, великий писатель, споривший с царями и с самой Церковью, на весь мир объясняющий народам, в чем его вера, так беспомощно и жалко вляпаться в душераздирающую семейную трагедию, в домашний капкан, в эти страшные супружеские сцены, истерики, неоднократные попытки Софьи Андреевны утопиться в яснополянском пруду... “Я вижу, что ее любовь переходит в ненависть ко мне. Трудно, невыносимо трудно жить и жалко Соню, до слез...” И вот они, бессонные ночи, сердечные спазмы, печальные прогулки по липовой аллее и старческие слезы

на ветру... Невидимые миру горькие жалобы и слезы, все то, что заставляет нас “жить и бедствовать”, “мыслить и страдать”, а главное – не стирать “печальные строки”. А графу Льву Толстому так завидовал писатель Достоевский!

Наша ошибка в том, сто мы ищем идеалы семейной любви у гениев рода человеческого, читая их сильные, зачастую ими же сделанные биографии, не учитывая самого главного: что гении в обычной человеческой жизни такие же слабые и несовершенные люди, как и мы с вами – простые смертные.

*Биографии тем и сильны,
Что вмещать позволяют за сутки
Двух любовниц, двух жен, две войны
И Великую мысль в промежутке!*

– написал поэт Александр Кушнер. Вот именно, что биографии очень сальны, а обычная жизнь мыслителей и художников невыносимо трудна и печальна. И нужно ли делать свои биографии? Ведь чем настойчивее делает необычной и роковой свою биографию художник, тем печальнее и горестнее результат. И разве жизнь Маяковского не производит на нас тяжкое впечатление? Можно ли придумать что-нибудь нелепее того, что рассказала Лиля Брик о супружеской жизни втроем – пересказывать эту историю невозможно, настолько она ужасна.

А семейная жизнь Александра Блока, Сергея Есенина, Валерия Брюсова? Об интимной жизни последнего можно рассказывать только с отвращением. Ходасевич, весьма беспристрастный и объективный наблюдатель, оставил нам в своем “Некрополе” ряд свидетельств об исковерканных судьбах и загубленных жизнях, раздутых и лопнувших, нередко еще при жизни их творцов. Какие поэмы и семейные романы могли написать эти неустроенные люди?

И не случайно женщины среднего и пожилого возраста, выжатые вконец нашим изуверским обществом, угробившие свои лучшие годы на страшный убогий быт и на борьбу за выживание, безраздельно погрузились в “золотые сны”, красиво и ласково навеянные мексиканскими, колумбийскими, американскими и итальянскими “семейными” телесериалами.

Да, мы смотрим с удовольствием эти фильмы, с вызовом говорят они, и не стесняемся в этом признаться. Хоть на часок хочется отвлечься и отдохнуть душой от нашей похабной жизни! У каждой из нас есть свой фильм, благо – выбор есть, на любой вкус и уровень развития. Наши эстеты и мастера кино считают эти “семейные” фильмы убогими и примитивными. Ну что ж, им и карты в руки – пусть сделают свой фильм получше, но на эту тему, без “чернухи”, без психологической зауми и занудства, и чтобы нашим дочерям и внукам было чему поучиться. Надоело нам свинохамство повседневности!

А вот восьмидесятидвухлетняя бабушка Антонина из деревни Копцево Владимирской области, разминая после сенокоса усталые ноженьки, любит смотреть “Тайные страсти”. Глубоко переживает увиденное и часто повторяет:

– Хоть денечек, хотя бы недельку вот так пожить, как они живут, чтоб сердечко сладенько запело, а душенька чтоб на крылышках воспарила! Эх-ма! А у меня не жизнь была, а сплошное мучение. Мой мужик воевал, а я детей поднимала. Как папенька отдал меня в шестнадцать лет замуж, так с тех пор и маюсь!

Смотрит бабушка Антонина чужие страсти и заморскую красивую жизнь, ахает, охает, жалуется на свою страшную жизнь и плачет. А ее внучка, от младшенькой дочки, городская свиристелка, школьница бесшабашная и непутевая, ждет не дождется, когда закончится эта бабушкина “муть”, чтобы побыстрее включить свою программу, где на сцене в сизом дыму извиваются под шакалий лай “крутые” мужики, эстрадные рок-кумиры. Она еще не насмотрелась на них, она еще в восторге от их голого вида, ахинеи, хамства, приклатненного лиризма и уголовной лексики. Для нее они идеал “крутой” любви. Но она еще не знает, глупышка, что

суровая и беспощадная тетка по имени Жизнь сгибала в бараний рог и ломала не таких “крутых мужиков...” Она сломала мудрого Соломона, божественного Августа, страстного Антония, непобедимого Александра Македонского, покорителей мира и всей Вселенной, почитателей прекрасных дам верных и бесстрашных крестоносцев, освободителей Гроба Господня... Она оставляла от царей, императоров и героев горстку пыли, жалкую позолоту из роскошных одежд и разочарование...

Лучше всех об этом сказал наш русский поэт-эмигрант Георгий Иванов:

*Упал крестоносец среди копий и дыма,
Упал, не увидев Иерусалима.
У сердца прижата стальная перчатка,
И на ухо шепчет ему лихорадка:
Зароют, зароют в глубокую яму,
Забудешь, забудешь Прекрасную Даму!
Забудешь все Божье и все человеческое...
И львиное сердце стучит, как овечье.*

Капризный замысел любви

Любовь – конечная цель мировой эволюции, правда Вселенной.

Любовь – высшая реальность, предвечная основа всего...

Новалис (Фридрих фон Харбенберг, немецкий поэт и философ)

Любовь и Созидание, Любовь и Смерть... Вонзающийся из черной бездны в земную атмосферу метеор, рождает яркую вспышку света и гибнет.

Люди давно заметили, что в любви есть привкус смерти. История многих любовных драм подтверждает это. Даже сегодня, когда человечество обладает богатейшим опытом человеческих отношений, самоубийства и двойные убийства продолжают будоражить наши сердца. Почти на каждом кладбище можно найти несколько могил жертв смертельного поцелуя Любви. В определенные эпохи любовный мартиролог настолько возрастет, что вызывает тревогу общества и бурные диспуты о “вопросах пола”, но чудовищные войны, как правило, закрывают эту тему до последующих мирных времен.

В 1811 году вся Западная Европа была взбудоражена двойным убийством на почве роковой взаимной любви выдающегося поэта-романтика Генриха Клейста и Адольфины Фогель, с которой поэт подружился в 1810 году и о которой восторженно писал сестре Марии перед смертью: “Я нашел подругу с душой, парящей подобно молодому орлу, согласную умереть со мной”. Клейст застрелился, предварительно застрелив свою подругу. Как и многие их современники эпохи романтизма, эти несчастные влюбленные свято верили в то, что, уйдя из земной жизни, их души обязательно встретятся на небесах, ибо только там будет вечною их любовь. Через полвека эту мысль выразит поэт Алексей Толстой: “Мою любовь, широкую, как море, вместить не могут жизни берега”.

Не представляла свое земное одиночество и покончила самоубийством София Монье – возлюбленная графа Габриэля Мирабо. Поэт Ленау влюбился в Вене в замужнюю женщину Софию Левенталь. Ее власть над ним была настолько сильной, что привела к психической болезни поэта, от которой он и скончался в 1850 году. В одном из писем он писал любимой: “Наше общее страдание должно быть свято. Я не раскаиваюсь в том, что встретил тебя. Когда я умру, то уйду из этой жизни богатым, так как видел прекраснейшее...” Умер от душевной болезни в 1852 году и знаменитый композитор Роберт Шуман на почве “безумной” любви... к своей жене Кларе Вик, дочери его учителя музыки. Это чувство было настолько сильным, что только за один год композитор написал более ста песен, в том числе и знаменитый

цикл “Любовь поэта”.

В 1921 году в припадке психастении бросилась в Неву и погибла жена и друг поэта и писателя Федора Сологуба – прозаик и переводчик Анастасия Чеботаревская. “Любовь победила и здесь” – так можно сказать об этой удивительной литературной чете первой четверти нашего века. Застрелилась на могиле С.Есенина Галина Бениславская – друг и помощник поэта в самые трудные для него времена... А сколько подобных примеров происходит в наши дни, но все они тонут в суетной смуте и сумеречности современных будней! В 1991 году застрелился от любви солдат Армии обороны Израиля. Все жители района Неве Давид, что в южной части города Хайфы, собрались у главных ворот кладбища, чтобы, согласно обычаю, отметить трудцать дней у могилы самоубийцы. По окончании чтения заупокойной молитвы-кадиша и пения траурного псалма военная молодость Израиля отдала из автоматов салют жертве любви, а старость выразила горькое сожаление: “Такой был парень! Орел! Застрелился из-за какой-то шиксы. Несчастные родители, несчастный отец. Имеет два магазина на улице Герцеля, самостоятельный человек. И такое горе...” Два поколения этого, далеко не романтического, но весьма практичного издревле народа и два разных восприятия любовной трагедии...

Иногда любовь приходит и к смертному одру со своим смертельным поцелуем, чтобы облегчить страдания умирающему. В возрасте 50 лет, прикованный к постели тяжким недугом, знаменитый поэт Генрих Гейне влюбился в молодую девушку Камиллу Сельден, ей посвящены многие стихотворения умирающего поэта. Умирая он пишет ей: “Мертвец, жаждущий наслаждений жизнью. Это ужасно! Я был бы так рад снова видеть тебя, последний цветок моей печальной осени”.

Но любовь двояка: они не только сжигает наши сердца, она и созидает. Это она сотворила историю человечества и сотворила самого Человека с его высоким духом и пытливым умом. Любовь “гасит” в человеке эгоизм и самолюбие, ибо тот, кто любит, не только требует, но и отдает, и зачастую готов к подвигу самоотречения. Охваченный пламенем любви он способен совершать немыслимое, то что намного превышает его силы и возможности. Особенно ярко это выражено в творчестве поэтов, живописцев, скульпторов и вообще людей искусства. “Береги для меня душу моей жизни, моего творчества, моих писаний”, – пишет Гете умной и образованной женщине госпоже фон-Штейн.

“Я отдаю тебе свое сердце. Надеюсь этим путем отблагодарить тебя за чудный дар, принесенный мне тобою”, – писал прекрасный миланке Антуанетте Ареше итальянский поэт Уго Фасколо, вдохновленный ею на многие стихотворения. А Бальзак признавался госпоже Ганской, урожденной графине Ржевусской: “Я тебя обкрадываю, чтобы обогатить себя. Ничего в моей жизни не будет, кроме тебя и работы... Дорогой ангел, ты придаешь какую-то безмерную ценность моей жизни...” Генрих Ибсен, проводя лето 1889 г. в Тироле, познакомился с 18-летней Эмилией Бардах, которую он после никогда не встречал. Образ этой юной и восторженной “принцессы” послужил 60-летнему драматургу для создания златокудрой Гильды в “Сольнессе” – “Лето в Госсензасе было счастливейшим, прекраснейшим во всей моей жизни. Пережитое переживаю вновь и вновь – без конца. Все это претворить в произведение для меня пока невозможно. Пока?”

Но самое большое влияние на протяжении всей жизни великого скульптора, живописца и поэта Микеланджело Буонарротти оказала Виттория Колонна. Платоническая, точнее, богочеловеческая любовь которой была взаимной. Великий ваятель пережил свою возлюбленную, духовную подругу на десять лет. Ей он посвятил свои лучшие сонеты, образ ее витает во всех фресках великого художника и скульптурных аллегориях надгробия Медичи...

“Настоящие женщины могут быть только горды и счастливы своим благодельным

воздействием. Я был мертвым, – вы меня воскресили. Через вас, Мария, я сделаюсь великим и сильным. Будьте моим Ангелом-Хранителем, моей Музой и моей Мадонной и ведите меня по пути прекрасного”, – взывал уже в зрелом возрасте к светской женщине Мари Сабатье знаменитый поэт, родоначальник модернизма и эстетизма Шарль Бодлэр. Известный политический деятель прошлого века Леон Гамбетта своей карьерой был обязан молодой женщине Леони Леон: “Какое количество сил, мужества, мощи, черпаю я из тебя, словно из неистощимого кладезя духовных богатств. Ты – источник жизни, любовь моя. Ты – моя путеводная звезда, и, после победы, моя – награда, мое богатство. Я чувствую, духовное пламя, очищающее и просветляющее меня!”

“Двое во Вселенной любят друг друга. Бьет три четверти. Люди вдали поют хорал. Как мы счастливы, Клара, станем на колени! Я чувствую тебя... наше последнее совместное слово Всевышнему”. Это слова умирающего Шумана.

Давно замечено, что Бог и Любовь – неотделимые понятия. Ведь речь здесь идет не только отварной, животной любви, а о Любви созидающей и сохраняющей здание материальной и духовной жизни, о любви-восхождение к горным вершинам.

Русская философия и художественная мысль обозначила в своих творениях три основных принципа любви: андрогонизм (то есть совмещение в одной личности мужского и женского начала), духовно-телесность и богочеловечность любви. Последняя всегда связана с истиной. Такая любовь – вхождение в Бога. Она следует из познания Бога как свет лучится от светильника, но опалает слабые экзальтированные души влюбленных. Она представляет собой двуединство жизни и смерти, свободной личности и абсолютного бытия, представляет собой всевластную, неодолимую живую стихию, в которой человек находит самого себя, свою личность. В ней возрождается единая, истинная индивидуальность, которой не существует в животном мире. Мало того, цель бесконечных капризных замыслов Любви – улучшить духовный мир рода человеческого, или, как говорил русский философ Вл.Соловьев, любовь “имеет задачей возвышение и усовершенствование человеческой природы, чтобы являлись на свет лучшие его образчики, которые ценны не только сами по себе, но и по своему возвышающему и улучшающему действию на прочих людей”.

Любовь – это признак породы. У людей любовь – это орудие совершенствования расы. Когда из поколения в поколение люди любят, ища при этом красоту, чувство, взаимность, то они вырабатывают тип, ищущий любви и способный на Любовь. Когда же люди на протяжении нескольких поколений сходятся как попало, без любви, взаимности, без чувства и красоты, а просто в “интересах “дела”, купли-продажи, для удовольствия и физиологической “профилактики”, то они теряют инстинкт любви, инстинкт отбора. Вместо любви у них вырабатывается “половое чувство”, не служащее отбору, не только не улучшающее породу, а наоборот, теряющее ее. Любовь – творческая сила и орудие отбора. “Половое чувство” – орудие вырождения, вырождения духовного. Об этом весьма категорично высказался Александр Блок: “Только влюбленный имеет право на звание Человека”.

Однако ж, являясь рычагом мировой воли и божественным замыслом, сильная индивидуальная любовь, богочеловеческая любовь, не может быть движителем... деторождения. В реальности все мы видим, что Большая Любовь обыкновенно остается неразделенной; при взаимности она большей частью бывает несчастной, приводит к трагическому концу, к самоубийству в той или иной форме, не доходя до произведения потомства. А та счастливая Любовь. даже самая сильная, также остается бесплодной. Итак, деторождение является функцией “полового влечения”. В этом и заключается главный каприз замысла Любви – не производить “улучшенное” потомство, а породить на свет обреченных на абсолютные муки и страдания несчастных влюбленных, узревших на мик проблески божественного

неизмеримого блаженства, “веяние нездешней радости”. Именно эти несчастные, ценою жизни и помогают высветить для рабов “полового влечения” прекрасные видения телесно-духовной любви. Еще в прошлом века было замечено, что воспроизводство духовно и эмоционально богатых людей ни в коей мере не зависит от силы страсти родителей, а только от той духовной ауры, которая создается во время близости влюбленных. Итак, какова аура и обстановка – таким и будет ребенок... Этот вывод подтвердила и современная наука. Президент Института квантовой генетики Российской академии наук Петр Гаряев в своих исследованиях по молекулярной генетике сделал вывод, что над человеческим эмбрионом “витают” некий фантом-образ, который и показывает, как ему развиваться. Иначе говоря, все те люди, которые проходят через горнила сильной любви и сильной страсти являются результатом какого-то гигантского Вселенского эксперимента...

Снова вспомнился неистовый Бодлер: “Я люблю вас, Мария, – это неоспоримо, но любовь моя к вам – это любовь к Богу; и потому никогда не называйте земным именем этот таинственный и духовный культ”. А этот страстный шепот 62-летнего поэта Шатобриана на ухо молоденькой провансальке в зарослях вереска в Пиринеях: “Люби меня. Потом я буду молиться Богу со слезами, потом представлять себе небытие”.

Мы любим так же, как понимаем мир. Каково состояние любви – это история культуры. В наших людях, увы, мало любви. О ней говорят, но ею не живут. В нашем обществе идет открытая и безумная пропаганда ненависти, насилия и секса, поднялось жестокое гонение на любовь – разложение семьи, отрицание родины. Любовь вытесняется из науки, искусства, этики, политики и воспитания. Нас охватил духовный кризис, невиданный ранее по своему размаху. Но нам нельзя без любви. Без нее мы погибнем со всею нашею культурой. Без любви мы все скоро окажемся в болоте сумеречного сознания, способными размножаться на уровне земноводных и ползучих гадюк и будем “производителями дерьма и наполнителями нужников, вместо творцов истины, красоты и добра” (Леонардо да Винчи).

Двое во Вселенной любят друг друга. Бьет полночь. Кончается второе тысячелетие, наступает третье... Святой Боже, святой Бессмертный, спаси нас и даруй нам..

Посмертно взявшись за руки..!

-Я тебе рассказывал, как умерла моя мама? Как это - нет? Рассказывал! Ты просто забыл. Вы, нынешние все стали беспамятными - слушаете и не слышите, смотрите и не видите - а все потому, что каждый день думаете о деньгах, в "золотых снах" пребываете. Плохо это!.. А мою маму не то, чтобы вдруг схватило и она в одиночестве померла - нет! В ее душе что-то долго-долго назревало, накапливалось, а потом - раз! - и прорвалось, как первый удар молнии шархнул в душный день... Она как бы сама себе приказала уйти отсюда, не дожидаясь, когда ее туда сами возьмут.. Сегодня - ровно год, как это случилось. Был точно такой же гадкий, осенний день, тучи брюхом по земле ползли, а в квартире сумеречно и сыро, как в землянке - целый день во всех комнатах свет горел... Я еще в постели суставчиками хрустел, а мама уже в магазин сходила, принесла две замороженных отечественных утки, чтобы их в духовке с антоновскими яблоками запечь. Это было ее коренное блюдо. А к нам в этот день должна была дочка с мужем приехать. Наши утки дешевые, но мороки с ними - уйма; сам знаешь, обработаны плохо, их нужно заново ощипывать, пушок на газе обжигать, тщательно обмывать соленой водой, а потом начинку делать, брюхо зашивать... А старухе восемьдесят девять годков стукнуло. Раньше этим она вдвоем с женой занималась, а как супруга моя померла, вся кухня

на маму свалилась. Но мама до последнего дня ловкой была... Не успел я умыться, побриться, как первая утка уже была готова, мама за вторую взялась: стала выдергивать пинцетом из тушки черные комли перьев. Видела она плохо, даже в самых сильных очках. Да! Хоть худенькая, как высохшая былинка - душа с телом расставалась - а работала быстро, четко и чисто. Тут и я за дело взялся - готовить холодные венгерские закуски, в этом деле я мастак! И так, каждый из нас своим делом занимался, сколько времени прошло - не помню... Вдруг, мама, резко, так это, как вскочит, как разжавшаяся пружина, да как бросит необработанную тушу в мойку! И туда же пинцет и нож. Очки сорвала, да как хряснет их об пол только брызги стеклянные во все стороны разлетелись! На потолок посмотрела, и то ли соседям наверху, то ли самому господу богу, громко-громко крикнула и ногой притопнула: "Хватит! Надоело!" Пошла в свою комнату, легла в постель не раздеваясь и не сняв обуви, и больше до самой смерти с нее не вставала. Отказалась от пищи, только воду и соки пила. Некого не хотела видеть, не хотела ни с кем общаться, лежала отвернувшись к стене. Иногда мне казалось, что ей надоело жить, что она возненавидела весь мир, а вместе с ним и меня, всех родных и близких, за исключением может быть моей дочери, ее любимой внучки... Только из ее рук она принимала питье, только ее и хотела видеть подле себя. О чем они говорили, что рассказала старуха своей внучке, мне не известно до сих пор, но я догадываюсь... На шестой день мама позвала меня. Я вошел к ней, внутренне готовым к этому страшному последнему расставанию. Сколько в нашей жизни было разлук, но после каждой из них наступала радость встреч. Эта же разлука исключала навечно даже слабую надежду на новое свидание. Мама долго и внимательно, как-то пристально посмотрела на меня, словно узнала обо мне что-то новое и нехорошее, а потом строго, как было в детстве, спросила: "Стас, ты зачем натаскал в наш двор такую громадную кучу мусора?" - "О чем ты говоришь, мама? Какая гора мусора? Да в нашем дворе, чисто, как в больнице! У нас дворники лучшие в районе, нашем дворе утром фантика не найдешь!" - "ты, Стас, знаешь, о какой горе Мусора я говорю. Сожги ее немедленно! Ты меня слышишь, сожги!" Сказала, закрыла глаза, глубоко вздохнула и затихла... Тогда мне казалось, что она бредила перед смертью, а сейчас я так не думаю, и знаю, какой мусор она имела в виду...

Он на минуту смолк, достал дрожащими руками пачку "Беломора", закурил. Раньше, как я помню, он курил только "Герцоговину флор"... От Москва реки потянуло сыростью, запах прелых листьев и прелой коры лип накатила бодрящей волной и на миг перебил ядовитый дым дешевой папиросы.

- Ее жизнь была сплошным выживанием, вечным ожиданием войны и голода. Ее годы прошли в очередях за дешевыми продуктами, солью и спичками. Наша квартира десятилетиями была добротным филиалом музея Министерства пищевой промышленности СССР - антресоли, встроенные стенные шкафы, туалет ванная, кухня и балкон были забиты ее запасами - приоткрываешь дверцу и на голову сыплется манная крупа или сахарный песок. Под ее диван-кровать в мешочках годами спекались в груды и в камень дешевая карамель мармелад и пряники... на каждом пакете, коробке, банке и мешочке она химическим карандашом писала свою девичью фамилию и дату приобретения каждого продукта. Ее запасы отображали историю международных отношений нашей страны: войну в персидском заливе и Афганистане, в Никарагуа и Египте, Карибский кризис, события в Чехословакии и Венгрии. Из магазинов она приходила уже под вечер, измотанная, с еще не остывшей агрессией толпы, с зарядом горячей ненависти к торговцам, к властям и системе вообще. Я пытался бороться с ее болезнью, но бесполезно. "Мама, угомонись, очень прошу тебя, - неужели в доме жрать нечего?! Все холодильники, и улги забиты продуктами - все гниет, плесневеет, пропадает!" - "А я, Стас не могу жить, как скотина, одним днем! И дело даже не во мне и не в тебе. А в моей

кровиночке-внучке, твоей дочке, я не хочу, чтобы она за кусок хлеба и шмат сала шла на панель!" - "Что за чушь ты говоришь, мама? Какая панель, какой голод? Такого уже никогда не будет, такого быть не может." - "Ах, перестань! Ты разве уже забыл голод и трупоедство на Украине в 33-ем? Тогда нас от смерти спас отец, взяв с собой в сытую Москву! Ты должен помнить: тебе тогда было одиннадцать лет!" Я, конечно, многое помнил и помню даже то, о чем мама давно забыла ... Она никогда не любила моего отца и свое замужество связывала только с безысходными обстоятельствами, в которые ввергла ее гражданская война, с одиночеством нищетой, голодом. И никогда напрямую не винила отца, что он в тот страшный год воспользовался беспомощностью бедной девушки-сиротки. Нет, в ссорах с ним, она винила прежде всего саму себя, но это самобичевание еще более кололо сердце отца: "Я, как самая последняя вокзальная шлюха, продалась тебе за две воблы, шмат сала и краюху хлеба! И разве возможно было родить нормального ребенка от таких, как ты, и тебе подобных, наследников Каина и Хама, в тифозном голодном году, среди груд трупов и луж крови?" - язвительно выговаривала она ему, а он сидел молча уткнувшись в тарелку, багровел и играл желваками... Она была из старинного дворянского рода Буруновых из Оренбургской губернии, а он из бедной еврейской семьи и Гомеля, гимназист-неудачник, которого новая власть сделала большим человеком в Поволжье. Там я и родилась в 1922 году, когда был пик голода, когда красные отряды Наума Беспощадного и Феликса Свирепого прогнал белых за Волгу... отец любил мать, многое ей прощал, понимал, что она психически больной человек. Она своим дворянством здорово подпортила ему анкету и во многом мешала его партийной карьере, особенно в 30-е годы, во время партийных чисток. Из за нее он был на краю гибели несколько раз. Она была яркой антисоветчицей подстать Солженицину, но надо отдать ей должное - свою ненависть к власти она выражала только дома, на кухне, когда не было гостей, и тем более детей... но бывало болезнь на время оставляла ее и это были времена семейного счастья и покоя. А когда жена родила мне дочку, то старуха всю свою не до конца растрченную любовь и нежность выплеснула на внучку, полностью взяв на себя ее воспитание. Она панически боялась, что "крошка-кровиночка" может повторить страшную судьбу бабушки, а поэтому ее попытки обустроить внучке прекрасное будущее были, в основном, нелепы, а иногда трагичны. Но при всем этом, она, отдав, точнее, привив дочке свои лучшие качества, сумела подготовить ее к замужеству на вполне высоком уровне... Моей супруге, увы, таких замечательных воспитательных и образовательно-культурных качеств не было дано. Старуха настолько вошла в роль мамки-воспитательницы, что принялась производить строжайший отбор потенциальных женихов для своей "крошки-кровинушки"! Притом, отбор был настолько жесткий, что реально назревала опасность увидеть нашу дочь старой девой. Однажды я не выдержал и вмешался в этот, на любой взгляд, неестественный, дикий домостроевский отсев. И для этого у меня была весьма веская причина: в ту пору за дочкой весьма активно и с серьезными намерениями ухаживал очень приятный из очень приличной семьи потомственных чекистов, сын моего приятеля-полковника КГБ... Тайком от старухи я всячески способствовал сближению влюбленных и шел на все хитрости и тонкости, которыми овладел во время своей службы в органах. Дело уже шло к свадьбе, но прозорливая мама вмешалась провела разведку, изобличив и разоблачив мое вмешательство в это молодое щекотливое дело и ... все расстроила! Это был самый крупный мой скандал с мамой. Психически больная женщина, притом неизлечимо больная, она все перевернула с ног на голову: "Стас, не пытайся путем династического брака, через семейственность, продлить карьеру. Во-первых, это подло, во-вторых, тебе уже надо, наконец понять, что большего тебе твоя Система уже не может - она выпила из тебя всю кровь! Ты ей больше не нужен! И перестань, ради Бога, морочить голову

нашей девочке сказками о благополучных отпрысках "славных" рыцарей щита и меча. Прошу тебя - живи этой ложью сам, но девочке не ломай судьбу! Не угомонишься - пеняй а себя. Я расскажу о подвигах твоих "мужественных" соратников, как они ночами, вооруженные до зубов шли арестовывать наших соседей, сонных стариков-академиков и профессоров, как выбрасывали на улицу их детей и внуков; как они драпали в 41-ом из Москвы, как они гнали невооруженных ополченцев на верную гибель, как они затыкали мясом рядовых дула немецких орудий! Я ей поименно назову , всех и мертвых и живых, исполнителей и руководителей! Слышишь! Назову всех твоих дружков, особенно тех, чьи сыновья сейчас заделались бандитами, мошенниками и банкирами!" как видишь, мама меня видела насквозь - ей, а не мне надо было работать в кадрах Госплана! Особенно она неистовала, когда дочь, по моей тайной наводке, вышла замуж за солидного таможенника. Конечно, между нами говоря, солидное место и звание в Московской таможне моему зятю сделали мои друзья-чекисты, без них ему, бедолаге, пришлось бы зарабатывать звание полковника где-нибудь в Чечне, или Таджикистане... Тут мама права, действительно действительно классический советский блат, но что ни сделаешь, ради единственной кровиночки. Зато сейчас дочь крепко держится на ногах, открыла свою фирму, бывает за рубежом, видит мир, думает издавать вою газету, а главное, как я считаю, избавилась от вредного влияния безумной старухи, которая явно стремилась сделать внучку старой девой, синим чулком, не способной продлить род. Да к тому же, старуха совсем умом повредила - стала отдельно питаться от нас. К продуктам из моих госплановских заказов она давно не прикасалась, еще с середины семидесятых... Иногда ядовито спрашивала, хлебная жидкую кашу, планирует ли Госплан отправку продотрядов в Поволжье, на Дон и Кубань, сетовала, что так рано умер наш отец, так и не увидав "коммунистического рая" для особо избранных и их опричников. А нам тогда к праздникам давали шикарные заказы, такие же как в доме на набережной! Сплошные деликатесы черная икра, осетровый балык, крабы, мороженая севрюга, жареные миноги, угорь горячего копчения, парная телятина и даже свежая знаменитая сурская стерлядь и горная Форель... Из спиртных напитков по внутренней цене - вина фирмы "Абрау-Дюрсо", выдержанные молдавские, армянские и грузинские коньяки, шампанское медальное из крымских подвалов... Ах, что говорить! Помню, на 7 ноября был накрыт богатый стол, были приглашены друзья и коллеги по работе в Венгрии. И вдруг, о ужас, в самый разгар вечеринки, после изысканных холодных закусок, моя безумная мама вносит в комнату своих запеченных с яблоками уток, тех самых, что по рубль тридцать... "Угощайтесь, гости дорогие, уточками из нового Маутхаузена!" Позор, скандал!!! С тех пор я на этихдохлых уток смотреть не могу. А она их жарила и жарила до самой смерти. Моего зятя - таможенника в упор не видела, однако регулярно потчевала утятинкой, а когда он с дочкой уходил, спрашивала меня: "Скоро твой Чичиков начнет скупать наши души? Или еще не скопил на таможне нужную сумму? А я честно говоря, только недавно узнал, что гоголевский Чичиков служил на таможне, где на взятках сколотил нужный для аферы капиталец... Из года в год мама становилась не выносимей. Когда еще был жив отец, он ее удары принимал на себя, а мне часто говорил: "Ты сынок, маме не перечь, не задирайся. Отчасти и мы с тобой виноваты в том, что она такая..." Так то оно так, но очень тяжело жить со стариками и мало кто из них доживает до преклонных лет в здравом уме и рассудке. Многие годы я не мог дома нормально и спокойно завтракать и ужинать - мне кусок в горло не лез, когда, открыв дверь на кухню, она спрашивала: "Стас, а Стас, хороша ли колбаска из крови народной с ленинской горчицей и сталинским перчиком? Кушай на здоровье, сынок - приятного тебе аппетита!" И почему-то мою работу в Госплане она считала синекурой, а меня хроническим бездельником. А между тем, моя должность была сучьей, сидел и там, как дворовый пес, на привязи около

берлоги своего хозяина. А думаешь легко было готовить "объективки" на новеньких назначенцев?! Черта с два! Иногда работа в КГБ такие материальцы на какого-нибудь Чичикова подбросят, что на голове волосы дыбом встают! Вот и мечешься целый день по кабинету, как Буриданов осел между двух копен сена! А вдруг этот тип - протеже самого Брежнева, может он его кум, сват, брат и от тещи десятое колесо!? И в то же время не хотелось и шефа подводить, напускать на его глаза розовый туман, ведь сей документ недаром называется "объективкой". От слова "объективность", т.е. непредвзятость... Пока напишешь этот чертов документ, семь потов с тебя сойдет. Целый день - сплошной стресс... и если б не буфетчица Клава с пятого этажа с ее регулярными ста граммами коньяка и шоколадной конфетой - быть бы нам всем клиентами клиники Кащенко! Зато в те годы я буквально обжирался на частных и сверхобильных приемах посольства соцстран и СЭВ. Ел много, жадно, и что скрывать, неряшливо, сказывалась дурная армейская привычка, пережитая вместе с мамой голодовка на Украине, ну и конечно же, всю расшатанная нервная система... Помню, в торгпредстве ФРГ одна смазливая немочка, безрезультатно соблазнявшая меня своими крутыми бедрами, не выдержала и сказала: "Станислав! Что ты все ешь и ешь, хотя бы поговорил со мной, потанцеваль, мне оччень, оччень скушно!" Ах, ты думаю, стервь немецкая, тебе видишь ли, скучно, а я вижу - тебе моя информация нужна! Но не на того она напала, я все-таки, как ни как, а считай почти четыре года проработал под началом Юрия Владимировича Андропова, а это, ой-ой-ой, какая школа... Всем твоим университетам Университет!

Он снова закурил, уже третью по счету папиросу, решив в этот день плюнуть на свое драгоценное здоровье, самодовольно развалился на скамейке, раскованно, по-западному, положил ногу на ногу. Черты лица разгладились, на гладко выбритых щеках заиграл юношеский румянец, исчезла с глаз поволока печали, в них появился стальной отблеск, а в голосе зазвучали властные нотки:

- Что ежишься? Холодно? Экие вы, молодые, все пошли квелые и изнеженные! А может тебе мой рассказ неинтересен и тебе скучно? Тогда так и скажи честно, и мы расстанемся - я в обиде не буду! Вам, нынешним, подавай что-нибудь новенькое, скандальное, с гнильцой, какую-нибудь чернуху о Лаврентии Павловиче или об Абакумове... Но всему свой черед! Сегодня модно попусту болтать о "злодеях эпохи". Вон сколько развелось сегодня писателей-воспоминателей, такое городят, что и с большого бодуна не выдумаешь, и все как один ссылаются на архивы. Ак кроты, все роют и роют горы бумаг, а истина от них ой как далека! А между тем уходят современники, вымирает старая гвардия, а самые главные архивы давно сожжены в печах крематория донского монастыря. Да и сам по себе документ, если это не строгая объективная статистика, ничего еще не значит. Его истинную суть может расшифровать только участник событий, например, такой как я, а мне, смею тебе заметить, на большие события всегда везло. Я даже в Венгрии, куда меня за маленький промтупок ЦК партии отправил в почетную ссылку, умудрился стать весьма важным и активным свидетелем буржуазного путча. В июне 1953 года я был откомандирован в город Печ, что на юге страны, у отрогов гор Мечек, где в 20 километрах от югославской границы находились урановые и медные рудники, охрану и безопасность которых мне и было поручено осуществлять. По прибытию в Будапешт, как и положено, меня отвезли в советское посольство для представления послу Юрию Владимировичу Андропову, где я впервые познакомился с Яношом кадором. Тогда он был еще председателем венгерского правительства и курировал горно-рудную промышленность... после путча мы с Яношом сдружились еще больше... Я ему понравился с первой встречи, он мне тоже, и я тал часто бывать у него дома, когда по делам службы приезжал в Будапешт и Печа два раза в месяц... Венгрия маленькая страна: от урановых шахт до столицы на машине три часа ходу. Изложу в устной форме все о проделанной работе Юрию Владимировичу,

отдам в шифроотдел посольства секретные документы и... к Яношу домой, отдохнуть маленько, расслабиться за токайским вином "асу" или "самородни". Их Янош только и пил, а когда разлил вино в бокалы, всегда произносил новый тост. Я запомнил один, самый первый: "дорогой Станислав! Международная дружба складывается и всегда начинается с дружбы двух людей разных наций. Пусть залогом нашей дружбы станет кровь венгерской земли - токайское вино - король вин и вино королей! Вот, как красиво умел говорить Янош! А его выступления на партийных формах были скучными и однотипными! Увы, дорогой друг, политика исключает поэзию и романтические порывы души! Четыре года, прожитые в Венгрии, были, в моей жизни пожалуй самыми яркими, интересными, это было время моего расцвета и, как это ни странно звучит, моей внутренней свободы! Я на долгое время был избавлен от морального пресса больной мамы, которая постоянно стесняла мою самостоятельность, мешала политической карьере, убивая мою энергию и целеустремленность устаревшими принципами, постоянным напоминанием о необходимости какого-то дурацкого покаяния. В этом плане весьма подходит изречение из Библии: "Домашние твои - враги твои!" А еще, там в Венгрии, я был доволен относительной независимостью от обитателей нашего посольства, от душевной тотальной взаимной слезки и постоянного подсиживания. И если быть объективным (а я всегда стараюсь им быть) в нашем посольстве, кроме Андропова и его пресс-атташе Крючкова, мало было симпатичных людей... Что лыбишься? Не веришь? Ах, ты спрашиваешь, ни этот ли самый Крючков? Да, он самый! Да, шеф КГБ и один из руководителей ГКЧП, узник Лефортово! Ну, и что? Жизнь не такие фортели с нами выбрасывает. И уж поверь мне, я мамой родной клянусь, Крючков - порядочный человек, коммунист твердых принципов, верный ученик и соратник Юрия Владимировича! Ну, да ладно, опять я свою "объективку" сочиняю! Так вот, о городе Пече... мне нравилось жить в этом тихом старинном городке. Он был основан римлянами две тысячи лет назад, а 1009 году первый король Венгрии иштван для упрочения своей власти принял христианство, основал в Пече епископат и построил на останках римской базилики кафедральный собор, а в 14 веке, когда наши предки еще под татарскими задницами сидели, был основан университет. Хороший такой тихий культурный городок, аккуратненький, чистенький, маленький, со своим местным театром с известной всему миру балетной труппой! А что стоят фарфоровая и табачная фабрики! Жил я в самом центре, между Собором и Мечетью, напротив дворца князей Ракоци, который вызывал и до сих пор вызывает много разных волнительных воспоминаний. Жил я по тем временам роскошно, но как мне объяснили, этот царский быт должен быть немного компенсировать мою страшную тяжелую и ответственную работу. Как я уже тебе говорил, урановые рудники находились рядом с югославской границей, а отношения между Тито и Москвой оставались еще весьма прохладными. Магьяры свою границу охраняли плохо, страна буквально кишела шпионами и диверсантами, в воздухе носились миазмы контрреволюции. Вскоре я был срочно вызван в Будапешт - в городе вспыхнул бунт, а точнее говоря, вооруженный переворот. Потерять Венгрию для нас значило тогда и потерять важный источник обогащенного урана в то самое время, когда началась бешенная гонка за ядерный паритет! Именно в эти решающие дни наше посольство в Будапеште посетил товарищ Микоян. Каждому руководителю наших служб, независимо от их назначения, необходимо было изложить Анастасу Ивановичу в устной форме суть своего вопроса в течение одной минуты и не более. Поднялась паника и все бросились составлять черновики своих выступлений, и только я один избрал свой метод подготовки - вышел во внутренний дворик посольства и стал в уме составлять доклад, сверяя его с бегом секундной стрелки наручных часов... перебирая множество вариантов, ходил кругом, курил, курил и курил... и не знал, что из окна комнаты отдыха меня заметил Анастас Иванович. Об

этом мне позднее рассказал с легкой долей иронии и юмора сам Юрий Владимирович. "Юрий, - спросил его Микоян, - что это за подозрительный тип все ходит вокруг клумбы, непрерывно курит и на свои часы посматривает? Не подложил ли он случайно под нас с тобой мину с часовым механизмом? Сейчас от этих венгров можно все ожидать!" - Ваши опасения напрасны, Анастас Иванович! Это - наш человек! Это - Главный сторож наших урановых рудников! Волнуется, бедняга, готовится предстать перед Вами со своим докладом. Кстати, Вы его может быть и помните. Это он внес странное предложение в комиссию по организации похорон товарища Сталина: два вождя под одним саркофагом, под одним знаменем революции, взявшись за руки, ну и так далее..." - "Да-да!" - сказал Микоян - вспомнил! Этим был взбешон Никита Сергеевич. Как же помню, помню. Но я надеюсь, Юрий, что этот сторож не откроет у себя на рудниках для рабочих рудников курсы по изучению и углублению идей сталинизма?" - "Будьте спокойны, Анастас Иванович, у него столько сейчас работы, забот и волнений, что и минуты нет свободной - все силы брошены им на поимку шпионов"... так вот, слушай дальше. Анастас Иванович принял нас в зале приемов, с каждым поздоровался за руку. Рукопожатие такое... мягкое, кошачье, но в кончиках пальцев чувствовалась сила, эдакая магия власти. Смотри, эта рука знала руки Микояна, Андропова, Кадара, Чаушеску, Маленкова, Берию, князя Ракоци, Хрущева и многих высоких лиц... Ой, как это было давно! Даже не верится... Ну, ладно я отвлекся, извини старика... Итак, товарищ Микоян пригласил нас за большой овальный стол. Сделал краткое сообщение о международном положении, в связи с венгерскими событиями, изложил взгляд ЦК на них, поставил перед нами задачи на ближайшую перспективу. Потом началось выслушивание наших кратких докладов в обстановке глубочайшей секретности, без ведения протоколов и стенограмм. Я уложился за сорок секунд! Я ждал, что Анастас Иванович задаст мне какой-нибудь вопрос, но он остался доволен моей сжатой информацией, поблагодарил меня, и это, между прочим, добродушно заметил: "Я вижу вы работник - хороший, отдаете себя службе без остатка, вот только не бережете себя, очень много курите, губите себя, а партии нужны здоровые крепкие люди! Учтите мое замечание на будущее!" Улыбнулся краешком рта и сделал знак рукой: мол, садитесь! А я, футый-гнутой стою, как вкопанный, с отвисшей от удивления челюстью, ошалел вконец от удивления - настолько меня поразил острый нюх товарища Микояна: мамочка родная, да разве такое может быть на свете - сидит от меня в четырех метрах, а учуял от меня вонь табака! А Микоян улыбается лукаво, мои коллеги от удивления рты раскрыли - ведь никто, и я тоже, тогда не знал, что он меня из своего окна видел, как я вокруг клумбы, как маневровый паровоз, носился! после отчетной части Юрий Владимирович разрешил нам задавать вопросы товарищу Микояну, но желающих было мало, да и какие вопросы могли быть? и так все было ясно, а я свой вопрос от волнения забыл. Однако нашелся среди нас один, который всю обедню испортил! Скотина такая, наглая и бесстыжая! Глупый, пустой, невежественный человек, трус и жуткий подхалим, выходец из потомственных рабов - его мать - овца, а отец баран! Бабник и пьяница, жуткий льстец, а поди ж ты, он был в нашем посольстве главным хрущевским сексетом. И вот эта мразь с порочной опухшей от пьянок и разврата рожей, задает вопрос: "Анастас Иванович? Скажите пожалуйста, каким образом вам удастся все время быть таким молодым и цветущим? У Вас кожа на щеках, как у девушки! В чем секрет Вашей молодости?" Ухтый-гнутой! как только прозвучали эти паскудные слова, все присутствующие замерли от ужаса и стыда вжали головы в плечи. наступила зловещая тишина. Лицо Микояна побелело от гнева. Мы ожидали самого худшего... Анастас Иванович пронзительно посмотрел на похотливую козлиную морду и резко сказал: "Надо вести здоровый образ жизни. Но мой совет Вам не поможет!" Сказал, как выстрелил! Через двадцать четыре часа этот подхалим был отправлен в СССР

ближайшим военно-транспортным самолетом вместе со своим барахлом... Ну, а я после этого пошел в гору и по существу стал держать в своих руках всю горно-добывающую промышленность Венгрии, хотя конечно, главным для меня была добыча урана. выражаясь современным языком, мои акции стали стремительно расти. Но в основном своей стремительной карьере в Венгрии я обязан хорошему знанию венгерского языка, без него я был бы там мелкой исполнительницей сошкой и не мог бы так успешно бороться с экономическими шпионами и диверсантами... Вот так!

Он снова закурил. Его руки больше не дрожали, в движениях и жестах появилась легкая артистичность. С аристократическим изяществом легким ударом мизинца отстал сбивать на землю пепел "Беломорканала". Подул легкий южный ветерок, разгоняя сырую хмарь и обнажая яркую небесную синеву. Пустынная прежде аллея стала заполняться людьми, в основном, мамками и старухами с детскими колясками. У самой реки, под крутым обрывом зазвенели детские голоса, визги и радостный лай собак. Он докурив и небрежным щелчком метко выстрелил гильзу прямо в урну. Важно облокотился на спинке скамейки, переложил ногу на ногу, снисходительно смерил меня, как букашку-таракашку, властным взглядом и снова заговорил:

-Откуда я знаю мадьярский язык? Сам изучил! Партия приказала и я кого освоил! А вообще, легкость к изучению чужих языков мои родители заметили во мне давно. И перед самой войной отец устроил меня на высшие курсы военных переводчиков, где я в срочном порядке овладел немецким и английским. К большой радости отца, мама не возражала ведь она считала профессию переводчика мирной и гуманитарной, хотя конечно, ее мечтой было, чтобы ее единственный сын стал архитектором, или инженером-строителем, ну, или на худой конец военным инженером, инженером-путейцем, одним словом-созидателем! но вот когда в конце войны я был направлен на работу в органы безопасности. Я попал в оперативно-режимный отдел лагеря для военнопленных Московского региона. Пленные возводили дома в районе метро "Сокол", на Ходынке и Хорошевском шоссе, включая Мневники. У меня не было никакого опыта оперативной работы, но в лагере я многому научился у своих старших товарищей. Под моим началом был венгерский "сектор", или точнее "контингент", который составляли кадровые офицеры фашистской Венгрии, бароны и помещики... У моих "подчиненных" было мало надежды вернуться на родину – новой социалистической Венгрии они явились бы опасной помехой. Они это понимали прекрасно, а поэтому их "диаспора" была весьма замкнутой и почти не поддавалась идеологической обработке. Их девизом были три слова: "не верь, не бойся, не проси!" Во главе их "стройотряда" стояла высшие офицерские чины под руководством князя Ракоци, потомка национального героя Ференца Ракоци Второго, князя Трансильвании, который возглавлял венгров в борьбе против Австрии и установил мирные связи с Петром 1. Для венгров имя Ракоци, как для нас Петр великий или Суворов! Я тогда долго не мог понять, почему этого князя-фашиста чекисты не пустили в расход, а нянчились с ним, как с расписанной торбой. Крепким орешком оказался князь-мадьяр и раскусить этот орешек должен был я, зеленый не опытный салага, у которого за душой, кроме голодного детства, школьной зубрежки и беглого знания нескольких языков, не было. но я обладал еще одним даром– необыкновенно открытой доброжелательностью, "распахнутой" внешностью, сверхкоммуникабельностью, особенным тембром голоса с необычайно мягкими задушевыми интонациями. Заговорив со мной, человек сам хотел исповедоваться. Чекисты сразу же заметили мои редкостные данные и решили их использовать для реализации трудной операции под шифром "Князь". Безусловно, что без их тщательной разработки этого дела, мне бы, при самых гениальных задатках, никогда бы не решить самостоятельно эту задачу. Меня снабдил "железной легендой". Для быстрого вхождения в легенду я в срочном

порядке штудировал историю Венгрии, быт и нравы мадьяр, экономическую географию юга страны, а также частные уроки венгерского. Изучая историю городов и населенных пунктов, в которых жил когда-то мой “отец”, я и не помышлял о том, что через восемь буду жить в городе Чепе, в городе моей легенды. Тогда, в 1947 году странно и нелепо звучал для меня пароль, с помощью которого приводится сложный механизм по освобождению князя Ракоци: “Чтобы испечь пирог нужна печь и только Амата может его испечь!” Как часто вспоминал я этот нелепый набор слов, когда жил в Пече, на его старинной площади, где из окна своей квартиры видел окна дворца князей Ракоци. Так вот, мне понадобилось четыре месяца упорной нечеловеческой работы, чтобы мадьярский князь проникся ко мне доверием, почувствовал во мне “своего” человека... тогда и прозвучал этот долгожданный и странный пароль и был назван заветный московский адрес ничем не примечательного дома в районе Таганки, в котором я увидел удивительную куклу и ее божественно прекрасную хозяйку, невесту моего “подопечного” князя. своего возлюбленного она не видела с начала 1944 года, и можно представить с каким жарким интересом она расспрашивала меня о его лагерной жизни, здоровье и состоянии духа. Как она проникла в СССР, каким путем попала в столицу строгого режима, мне до сих пор не понятно! Но любовь. а это действительно была великая любовь не признает никаких границ, даже таких крепких, какой была наша... Хозяйка была исключительно радушной и не по времени чересчур хлебосольна. Чувствовалось, что эта женщина не имеет нужды ни в чем... Ее ответным паролем оказалась... кукла Амата, что в переводе с латинского означает “любимая”. Это старинная, конца прошлого века, паселиновая кукла, голова которой сделана из фарфора, а туловище из папье-маше, парик из натуральных волос. Ее одежда, прическа, туфельки, чепчик отображали народный костюм Австро-Венгрии. Короткая вышитая рубашка со сборками на плечах с широкими рукавами, очень широкая и короткая юбка, собранная у талии в сборку, а под ней еще несколько тончайших нижних юбок, яркая безрукавка “пруслик”, прилегающая в талии и украшенная шнуровкой, металлическими петлями и вышивкой, и фартук! Голова куклы была повязана пестрой лентой, концы которой были соединены бантом! вылитая мадьярская девушка, как живая! “передайте ему Амату, как знак того, что я рядом с ним. Он все поймет, когда поцелует ее и уловит запах моих волос, запах Родины, где его любят, помнят и ждут!” Ох, и намучился я с этой куклой. мне легче пронести в мужской лагерь булку хлеба, окорок и бутылку спирта, чем эту дорогую и нежную вещицу, у всех вызывающую настороженное и нездоровое любопытство... К тому того, уйма времени ушла на лабораторное исследование куклы. Да-да! Я ее отвозил на Лубянку. Искали информацию заложенную в рисунке вышитого орнамента, в чередовании крестиков и расположении строчек в нижних юбках... работа ювелирная, напрасно смеешься! Интересной для меня была реакция на куклу князя Ракоци. Я впервые в жизни увидел волшебное превращение сурового воина и яркого фашиста в сентиментального, немного растерянного пылкого юношу. Правда, его необычное состояние длилось не долго, обстоятельства требовали быть все время начеку. С этого дня князь окончательно доверился мне. Чтобы не навредить делу и обезопасить меня, как главного связного, он велел мне отнести Амату домой: “Я вам дарю ее. Она будет изъята у меня при первом же обыске. Грязных и гнусных подозрений я не боюсь, я боюсь другого: боюсь, что начнется расследование обстоятельств при которых смогла проникнуть сюда, в царство Аида богатая и благородная дама. Возьмите ее в знак нашей дружбы и пусть Амата принесет счастье вашей дочери. А ежели у вас родится сын, что ж, когда он вырастет большим, даст Бог, наш мир изменится к лучшему и тогда в конце нашего века Амата станет ценнейшим раритетом и будет стоить очень больших денег, станет основой его капитала...”. Князь Ракоци был взят на Зубовской площади, во время

пересадки из второй машины в автомобиль одного западного посольства. В группе захвата принимал участие и я. Все прошло мгновенно, молча без шума и пальбы, как в немом фильме... когда его вели к нашей машине, он вдруг увидел меня... Как он... на... меня... посмотрел!!! Ой, какой взгляд у него был! Мамочка родная, какой это...был взгляд!!! я не могу его выразить словами, нет таких слов! Даже у Бога! Кошм... кошм... кошмарный взгляд! До конца своих дней не забуду его глаза, как не забуду предсмертный взгляд мамы!... Никогда-никогда, никогда! Ух, дай закурю, не могу! Невеста князя была арестована без меня... Мудрые чекисты проявили ко мне сочувствие, ведь они давно заметили, что я влюбился в невесту князя без памяти, и боялись, чтобы их молодой сотрудник не натворил глупостей. на их веку и не такое бывало! вот и все... Так был предотвращен венгерский путч, намечаемый разведками Запада на весну 1950 года. Именно князь Ракоци, как национальный герой, и должен был возглавить его, придать фашистскому вооруженному перевороту окраску национально-освободительного движения. кукла до сих пор сидит в кресле у меня в комнате. И сейчас когда я остался совсем один, часто с ней разговариваем и вспоминаем прошлое. Появление Аматы в нашем доме вызвало очередную бурную истерику мамы: “Стас, я не верю, что кто-то тебе, взрослому мужику, подарил эту куклу! Признайся, что ты изъял и прислал ее во время обыска, что ты изъял и присвоил ее во время обыска. что что ты погубил чью-то женскую душу! Я чувствую, я вижу на ней кровь! и если у тебя будет дочка, я, покуда буду жива, не позволю, чтобы моя внучка играла с ней! Слышишь, не позволю! – сквозь слезы кричала мама – Стас, Стас, не жели ты не понял, что ты натворил?1
Вспомнишь меня, вот увидишь, это кукла еще скажет тебе свое последнее слово!”.
Здесь я не выдержал: “Мама, не карай, прошу тебя! Ты все жизнь гонишь на меня жуть, пророчишь всякие беды! Вместо того, чтобы радоваться моим успехам по службе, ты только тем и занимаешься, что угнетаешь меня морально, убиваешь во мне веру в себя и мою преданность великой Идее. В конце-концов, это моя работа – разоблачать шпионов и врагов нашей Родины! Пойми ты это наконец! Ты всю жизнь стремилась сделать из меня мещанского хлюпика и размазню-интеллигента! не выйдет! “ – “Я сама вижу, что выйдет, – отвечала она, – ты всю жизнь данные тебе Богом задатки используешь на оmlет дьяволу! Разве не так?!”

Он достал последнюю папиросу, помял в пальцах, громко продул гильзу, а пустую пачку, резко смяв, бросил в урну. Жадно затянулся и выпустив струю ядовитого дыма мне в глаза, зашептал зло, с надрывом: – Мне всю жизнь не везло! Я всегда опаздывал или опережал события, ставил на тех фигур и работал, как вол, не на тех людей. Они или рано умирали, или преждевременно теряли власть... Знаешь, почему меня шугали в ссылку на урановые рудники? Уж, конечно не за пьянку и за моральное разложение, и не за провалы и ошибки в работе! Здесь у меня всегда было железно. в ту пору, когда был жив Вождь, я считался самой светлой головой в его новой гвардии, которую он готовил для второй волны Мировой революции, для последнего удара по Западу! Меня пнули под зад коленом за верность идее! Да-да я оказался в опале... из-за похорон Сталина! Когда его набальзамированное тело укладывали в Мавзолей, я, молодой и горячий дурак, нарушив священные правила номенклатуры, через голову своего начальства, лично вышел на членов комиссии по захоронению товарища Сталина с предложением положить тело Хозяина рядом с Лениным под одним саркофагом, под одним красным знаменем, чтобы они лежали, как родные братья, взявшись за руки... Посмертно взявшись за руки! Да-да! Именно так! Левая рука основателя лежит в правой руке Хозяина! В этом бы и заключалась главная мысль моего рацпредложения: великая коммунистическая идея будет жива и несокрушима до тех пор пока идут над миром взявшись за руки два наших великих Учителя, два Вождя! какой великий символ заключался бы в этом! Но, увы, меня не поняли. Громче всех на меня орал Хрущев: что, мол-де за нелепая идея, что, мол

он, не позволит ломать традицию, что, мол, у покойников руки должны лежать на груди, у самого сердца... и вообще, кто я такой и откуда вылез, кто позволил мне такую наглость. Но я не промолчал, а сказал, что эту идею мне подсказало сердце партийца и моя комсомольская романтика... Эти мои последние слова и шутка Лаврентия Бериин спасли мне жизнь... Я должен был все начинать сызнова... Помню, когда собирал свои вещички, чтобы вылететь самолетом в Будапешт, мама не удержалась и назидательно сказала мне: “Теперь ты убедился, что эта система – гадина, часто меняющая шкуру? Будешь теперь знать, во что иногда может вылиться реанимация лияющей Идеи!”

– Вот как провожала меня мама на венгерские рудники! Вместо положительных в таком случае, материнского напутствия и благословения, она, как всегда, стала пророчить разные грядущие беды и напасти! В такой семейке, какой была моя, сложно не стать суеверным, и постепенно страх перед неумолимым роком и Судьбой стал овладевать мною. Мама при ее болезненной впечатлительности обладала необъяснимым даром предвидения и почти все ее предсказания сбывались. Хорошо помню жесткий мамин ответ на предложение отца эвакуироваться из Москвы в октябре 41-го года: “Никуда, ни в одно отхожее место, я отсюда за твоей вонючей системой не поеду! Москву и Россию спасут от немцев своей кровью миллионы беспартийных! Я уверена в этом! Скоро наши солдаты погонят немцев в их Вальхллу! Сказала – как отрубила! Так оно и вышло. Я был тогда под большим впечатлением... вот почему мой отъезд в Венгрию был для меня спасением... Работа за рубежом не позволила мне стать безвольным фаталистом!

Он вдруг смолк, гнев и злоба оставили его. теплый ветер вконец разогнал последние лохмотья туч, и серый тусклый мир преобразился в золотом сиянии дня в великолепный величественный солнечный храм. Не хотелось говорить и не хотелось слушать...

– Ты пойми меня правильно, я не хочу винить во всем маму. Неудачником я себя сделал сам. Мама здесь ни при чем! Ведь споря с отцом и со мной, она спорила с советской системой. Это я понял, когда недавно разговаривал с Амадой... Система сломала ее, как элитную, парниковую розу, но оставила жить, как бурьян, плодоносить как репейник! С этим мама не могла смириться до конца своих дней! А дар предчувствия у нее был всегда, и он часто спасал ее. Когда отец с красным отрядом умчался на юг бить Деникина, она сделала мудрый для своих лет – в 22-м году со мною на руках перебралась из Поволжья на благодатную украинскую землю, по Черкасск, где в совхозе имени Коминтерна работал ее давний родственник. Вообще украинское детство вспоминается мною каким-то сумеречным сном. Самым ярким событием которого была, пожалуй, моя первая в жизни встреча с отцом. Он нашел маму через десять лет! Удивительно, непонятно и фантастично! Правда, мама говорила мне, что он не думал искать нас, что якобы их встреча была случайной в конторе совхоза. Может быть, может быть... Но как я был счастлив, когда узнал, что приехавший в наш край из Москвы грозный оперуполномоченный по хлебозаготовкам Михаил Яковлевич Голот, и есть мой родной отец. Мама дала согласие на оформление гражданского брака, но с одним условием: она оставляет за собой свою девичью фамилию! “Согласна ради сына, – сказала она, – но слово “голод” вызывает у меня патологический ужас, и я ни за что не буду носить твою страшную фамилию”. Дело в том, что секретарь московской парторганизации в партийном билете отца заменил по простоте душевной букву “т” на “д” и получилось “голод”. И смех и грех! Родители зарегистрировали брак в 33-м году, отец своим благородным поступком спас нас от голодной смерти. Запоздай он на месяц, нас не было бы уже в живых. Почему? А потому... что к этому времени стали умирать от истощения даже работники совхоза. Местные власти в целях экономии пиломатериалов запретили вообще делать гробы, и плотник из Белоруссии, дедушка

Красивый, остался без своей основной работы, а соответственно, не мог больше кормить меня, как своего подмастерья. Мертвых стали закапывать в траншеи голыми, как дохлый от сибирской язвы скот в скотомогильники. Дедушка Красный сделался печальным и перестал рассказывать мне свои забавные байки. А когда, зимой, я увидел его, несущим домой на варево, словно полено, мерзлую девочку моих лет, я перестал считать его Красным и стал избегать встреч с ним.. Вот так, дорогой друг, мы жили! но вот из самого-самого раннего детства почти ничего не помню, кроме одного... помню какую-то темную комнату и в ней я один-одинешеник а с потолка невидимого мной падают страшные капли: “Капу-ляпу! Капу-ляпу!” Как мне потом объяснила мама, это были в моей жизни самые первые слова! Оказывается я родился хилым болезненным мальчиком, все время кричал, не переставая, кричал и кричал. И чтобы как-то отдохнуть, мама закрывала в хате окна, подвешивала в темноте к потолку мокрую тряпку а под нее ставила ведро с водой... Звенящие жуткие звуки насмерть пугали меня, в ужасе я замолкал и молчал до тех пор, пока звенели в темноте невидимые капли. Так встретил меня этот безумный и жестокий мир. Капу-ляпу! Капу-ляпу!

Из неподалеку стоящей от нашей садовой скамейки, церкви, после заутрени, стали выходить прихожане. Резкая смена погоды от хмурого утра к солнечному полдню вызвала у них радостное оживление. Станислав Михайлович посмотрел холодно на расходящуюся по домам благостную толпу и его лицо исказила презрительная улыбка.

– Посмотри, посмотри на них, какие они одухотворенные, – ехидно сказал он, – сбагрили богу свои грехи и мерзопакости. а вот этот, смотри, в длинном белом плаще в черный “Мерседес” садится... Сейчас покатит в свой офис, но скорее, к любовнице. Нет, это не поп, это бизнесмен. У попа “Волга” последней модели. Я рядом живу и все про всех знаю! После дня поминовения я в церковь не ходил. Сам знаешь, я ведь ярый атеист, но в годовщину маминой смерти, что-то кольнуло меня в сердце, и решил зайти сюда чтобы три свечи поставить перед иконами в память мамы и папы, а третью, на всякий случай за свое здоровье перед иконой “Утоли моя печали”. есть здесь такая древняя – перед ней еще сам царь Борис Годунов молился. Ну, ладно, захожу, значит, как положено шляпу снимаю, покупаю свечи, а вот нужные мне иконы найти не могу. Вот беда! высмотрел одну солидную в черном старуху и шепотом ей на ушко прошу ее проконсультировать меня по этому вопросу. А она. крыса церковная, прислужница поповская, шипит мне в ответ, как змея заземленная:” Почаще в церковь ходить надо, тогда все иконы будешь знать! Ах, ты, гадина, думаю, святая Магдалина-распутница, ах, футый-гнутый!” – и ей в ответ, но уже громко, чтобы все овцы христовы слышали: “Дура ты и больше никто,-говоря, –хоть ты и сутками молишься. Из-за тебя сегодня твой поп самого ценного прихожанина потерял навечно!” И ушел домой. накрыл в большой комнате поминальный стол, зажег свечи, усадил напротив, в кресле, Амату, и высказал богу все, что думал о двуногих тварях, созданных им из глупой обезьяны по образу и подобию своему! А потом стал говорить с мамой, с ее душой, но нужных слов, к глубокому своему сожалению, не нашел... Заплакал тихо и все время твердил, как а своем раннем детстве, когда набедокуришь и не знаешь как исправить свой непоправимый поступок: “Мама, прости! Мама, прости! Мама, прости!” А потом открыл бутылку старого доброго коньяка, под который и прошел в беседах с Аматай весь вечер. Она хоть и молчунья, но добрая благородная слушательница, ведь в ней две женские души заключены, она, как намеленная церковь, пропитана нежной любовью двух мажарок – дочери и матери! И кому как не Амате можно излить душу?” “Амата! Амата! – говорил я ей в тот поминальный вечер, – хоть и говорят мудрые люди, что любовь сильнее смерти, но поверь мне, старому болвану, –Власть крепче любви! Это факт, амата, и с этим ничего не поделаешь! А поэтому пойми

меня и прости!” О многом я тогда поведал Амате. о том что никому никогда не скажу! Ну, ладно, заговорил я тебя сегодня, брат! Ты даже лицом как-то осунулся. Ты уж извини, если что не так! Слушай, ты бы зашел ко мне домой, а? Когда-нибудь. Мы бы неплохо провели вечерок. ты же знаешь, где я живу. Я познакомлю тебя с Аматой. Она хорошая девочка, воспитанная, из благородной княжеской фамилии Ракоци! А какая красавица! Как ее мои коллеги называли? Пароль-фетиш! Вот так! Кстати, амата – единственная фигура в моей жизни, которая не подтвердила мрачных предсказаний моей больной мамы. Не врагом стала мне Амата, а единственным верным другом и собеседником, цветочком аленьким в пещере моего одиночества!

Тут он посмотрел на часы, цокнул языком и озабочено заметил: – Однако, заболтался я с тобой. Пора мне идти варить овсянку из маминых стратегических запасов! Жаль, дружище, жаль, мы славно провели время, но пора, что поделаешь! Весело вскочил, стал делать приседания, размахивать руками, делать глубокие вдохи и выдохи, разгоняя застоявшуюся кровь и вентилируя легкие. Вскоре его щеки покраснелись, в глазах появились веселые лукавые огоньки:

– Смотри, как сегодня погода на славу разгулялась! А теплынь какая, и небо по-весеннему голубеет, солнышко какое ласковое. Красотища! “Слушай, – он озорно рассмеялся, – слушай, а может не будет зимы? может чудесным образом нарушится строгий черед времени года и будет вечная весна, а мы будем молодыми и бессмертными, как боги? Вот было бы здорово!

Он по-мальчишески задорно хлопнул меня по плечу:

– Не кисни! Прошу тебя! Экий у тебя умный вид, как у мокрого цыпленка. Не вешай нос. Мы с тобой и не такое пережили! Ты, вот, что – позвони мне денька через три и приходи ко мне... Я тебе расскажу такое, что закачаешься, настроение быстро поднимется. Я тебе царский подарок сделаю, отдам свои дневниковые записи за последние 30 лет. Там такое, что и Конан-Дойлу не снилось. А на кой они мне, скажи на милость? А тебе пригодятся, может что-нибудь заработаешь на них, на булку хлеба и батон колбасы. Ты лишь только коньячка с собой принеси, ладно? Из старых запасов. Надеюсь, ты не все выпил? Звони, приходи, я буду ждать! Договорились? Вот и хорошо! Ну пока, до встречи! Бывай здоров!

Он крепко пожал руку, козырнул двумя пальцами, лихо развернулся на месте и зашагал бодрым шагом по солнечной золотой аллее, игриво напевая слова, рожденные первым страхом перед эти непонятным и враждебным всему живому миром:

– Капу-ляпу! Капу-ляпу, Капу-ляп, Капу-ляп, Капу-ляп! А я стоял, измотанный, подавленный, выжатый, как лимон, и смотре ему вслед до тех пор, пока он не свернул на боковую дорожку ведущую к улице Живописной, к его дому, где его ждала кукла Амата...

Во Вторник, как мы и условились, я позвонил ему, напомнил об исторических дневниковых записях, обещанных сногшибательных байках и былях. Но мой звонок не вызвал у него особой радости, и я сразу же же это почувствовал. В глухом, тусклом безразличном голосе не было прежней активной напористой жажды общения, присущей, одиноким и забытым всем миром, стариком. поинтересовался его самочувствием, не захворал ли? и вообще, как настроение? “А никак, – вяло ответил он, – ни эмоций, ни поллюций.” Но весьма странно прозвучала последняя фраза:” Давай подъезжай, да пошустрее, а то опоздаешь”, после которой он положил трубку, не сказав традиционного: “пока. До встречи.” Что бы это значило? ясно одно– старик не в духе. может он задумал перебраться из душно-мглистой Москвы на природу, на виллу своего зятя-таможенника? Это отпадает. Будучи человеком прямым и конкретным, он бы обязательно сказал мне об этом. Может ему стало жаль расставаться со своими мемуарами? Но тогда он бы честно признался в

этом, сказал бы, что передумал, перенес бы встречу на другой день или отменил ее. Оставалось одно объяснение – старик в глубоком стрессе, необходимо срочное “лечение” для поднятия жизненного тонуса... С таким благим настроением и я вышел из дому.

В тенистом и прохладном дворе, окруженном тяжелыми зданиями сталинской эпохи, было непривычно много народа. Хлопали двери пустынных прежде подъездов, из них выходили встревоженные люди и устремлялись к толпе, быстро сбивающейся в черный гудящий рой у северного крыла элитного когда-то дома... Охи и вздохи, такие вопросы и чуть слышные невразумительные ответы, недоуменные жесты, обрывки приглушенных фраз, скованные страхом робкое любопытство взрослых и непосредственно громкие, беспощадно-наивные вопросы детей, еще глупых маленьких дурачков...

“Опять разборки?... стреляли?... нет... да, мужчина... это ужасно... да... нет, одинокий... да, солидный... нет, скрытный... тайный алкаш? нет... чепуху говорите... позвольте... не повезло... ах, что вы... на кого квартира?... да, приватизирована... да... нет, на дочь.. а может убили? фирма недвижимости... ой, вот ужас!... да... сам?... вот кошмар!... из окна... да... сейчас в моде испытанный путь... с какого этажа?... ой, да что вы!... грех то какой... Мамочка! Мама! Смотри – этот дедушка не слушался бабушку, бегал-бегал по двору, а под ноги не смотрел – вот и ушибся! Теперь лежит! Мама, а почему дедушка не плачет? Ему не больно? Да?”

С неистовым воем, заглушая бестолковый людской гомон, в арку громадного дома белым вихрем влетела машина скорой помощи. Решительные и бесстрастные санитары стали прокладывать себе дорогу, оттесняя носилками вязкую массу толпы. Как диафрагма фотокамеры разомкнулся на мгновение черный круг любопытных, давая мне возможность навсегда запечатлеть в сознании страшную картину... Капу-ляпу! Капу-ляпу! Капу-ляп! Старик лежал на асфальте вниз животом, по-пластунски выбросив вперед руки и широко раскинув ноги. Пальцы правой руки сжаты в кулак, пальцы левой слегка расжаты, около полусогнутого мизинца лежала нарядная кукла, левая ручонка которой была слегка вывернута над чепчиком, указывая пухленькими пальчиками в небо, другая же, правая, едва касалась руки мертвеца. Амату я узнал по неизменному народному костюму далеких времен Австро-Венгрии – по вышитой рубашке со сборками на плечах, очень широкой и короткой юбке, по яркой безрукавке – пруслику, прилегающей в талии и украшенной шнуровкой. В моей памяти они навсегда будут неподвижно лежать на сером асфальте... посмертно взявшись за руки.

ЗАВТРАК – УЖИН С АГАСФЕРОМ

Как только я о нем подумал, он сразу же и явился! Но не через дверь, закрытую на два замка, а через стену, рядом с дверной коробкой. Пошел сквозь железобетон, как через широкую струю водопада, и не здороваясь, озабочено спросил:

– Скажи, идет ли уже Человек с креслом?

В душном номере передо мной возникло дрожащее приведение в образе ветхого старца в рубище, бог знает какого века и какой страны – вначале нечто расплывчатое и туманообразное, потом на глазах приобретающее непрозрачный объем и графическую резкость, как на проявляемой фотобумаге...

Несколько ударов удивленного сердца – и вот он стоит желтый и древний, как египетский папирус, старец, вышедший из бездны истории и сожженный светом веков: казалось, что лицо и руки его были отлиты из древней бронзы, подернутой благородной коричневой патиной времени.

Его голос прозвучал глухо и как бы издалека. Воздух сгустился и утратил запахи, в

ушах заложило от страшного перепада атмосферного давления, исчезли посторонние звуки – тиканье настенных часов, ворчание холодильника, шум машин, лай собак и крики детей за окном.

Не ожидая приглашения, он по-хозяйски уселся за накрытый стол и вопрошающе уставился на меня. Я же продолжил оставаться в кресле, мое сердце сделало еще несколько ударов, и я наконец понял, кто именно сидит передо мной.

С трудом выдавливая из себя слова, ватным голосом я ответил:

– А почему человек с крестом должен пройти именно сегодня и только через наш двор?

– Человек с крестом может проходить в любое время и в любом месте! – смутился моим вопросом Агосфер, – чем чаще люди задумываются о смерти и вечной жизни, тем больше у меня вероятности увидеть его! Но ученые-попы запутали вконец земную хронологию, и никто, даже я сам, не может сказать точно, в какой год, месяц, день и час, на какую Пасху, еврейскую или православную, он будет проходить со своим крестом! И это еще не все – бывали времена, когда тысячи, десятки тысяч отчаявшихся и утопленных жизнью людей просили Бога доверить им смерть, послать своего сына вершить страшный суд, но, увы, человек с крестом не приходил! Что еще более чудовищное нужно сделать человечеству, чтобы наконец он явился? Я безумно устал наблюдать бурное брожение человеческих дрожей, безумнее размножение двуногих бактерий, загадивших прекрасную землю:

– Ты веришь, что он освободит тебя от заклития? – перебил я гневную речь Вечного Жида.

– Я в этом не сомневаюсь! – воскликнул Агасфер-картафил, – Он ведь обрек меня на это проклятие бессмертие из-за пустяка! Подумаешь не дал Ему испить водицы на пути к Голгофе! Ха-Ха! Грубо приказал Ему продолжить свой скорбный путь! Ха-ха! но я же, черт возьми, не бросил в Него, как многие, камни и не плевал Ему в лицо! Кем Он для меня тогда был? Очередным еврейским пророком, бунтовщиком и смутьяном доверчивых темных душ! Сколько их таких тогда было казнено! Не счесть! И кого из тогдашних палачей получил по заслугам? Никто! Все палачи в холе и неге дожили до глубокой старости? Никто! Все своих домочадцев... А все потому, что так устроен этот мерзкий мир, где все живое сжирает живое, существует за счет живой крови, размножается и размножается! Что вытворяли именем Христа сильные мира сего на протяжении двух тысячелетий!? Страшно было все это видеть и противно об этом вспоминать. А сколько небылиц о Христе и обо мне было рассказано! Из меня, живого свидетеля Голгофы и мучений пророка-чудотворца, подлые люди сделали врага Христа, чуть-ли ни Его убийцу, осквернителя “завета с Богом”. Иные же, ученые-теологи, в своих книгах стали уверять, что я, бывший страж претории, глубоко покаялся после содеянного поступка, крестился принял имя Иосиф и веду жизнь аскета и молчальника, отвечая только на благочестивые вопросы... Ха-ха! Эту выдумку обо мне рассказал в 1250 году в “Большой хронике” безумный английский монах Роджер Уэндоверский, вернувшийся в Англию из Великой Армении. Другой сошедший с ума монах-фантазер рассказывал в 1602 году, что видел меня в глухом подземелье, ходящим, нагим и заросшим, ждущим второго пришествия Христа на землю. Ха-ха! И эти байки имели успех несмотря на то, что в эти годы, вплоть до 1642 года я частенько встречался в образе бывшего Иеиерусалимского сапожника, высокого человека с длинными волосами и в оборванной одежде горожанам Любека, Лейпцига, Шампани, Вове, на вершине Рюбецаль, являлся усталым от жизни людям. И только тот, с кем я беседовал один на один, может свидетельствовать правду обо мне: я Являюсь людям в разных образах, было это жутким и опасным, то готовым на помощь и добрым... Да-да! Добрым! Ведь я утешаю человека, сделавшего свой окончательный выбор... Мечтая о бессмертии, глупые, несчастные люди, не понимают, не осознают до конца, как

мучительно больно существовать вечно на этой беспощадной злой земле! Даже библейские пророки, допотопные мужи, прожив какую-то жалкую тысячу лет “уставали годами” и радостно принимали смерть! А сколько сейчас двуногой твари, с ее ненасытной жаждой потребления, хочется жить на этом свете? 500 тысяч лет? Миллион, миллион лет, или триллион триллионов лет? Может хочется ей пережить само Солнце обретая заслуженно и незаслуженно, так называемую “жизнь вечную”?! Ха-ха! – Не кощунствуй, – перебил я Агасфера, – мысли твои не новы для современного человека, а наказан ты поделом; наказание слишком сурово но оно намного глубже по своей сути если вдуматься в твою проблему. Не все стороны твоего заклатья носят трагический характер. Тебе дана власть над Временем, дано то, уста не имеют смертные, даже самые великие из них! Тебе дана возможность удовлетворять природу любознательность и любопытство человека: что будет завтра, через двести лет, тысячу, две тысячи! Являясь таким образом современником всех эпох, ты должен владеть мудростью веков, предсказывать будущее, у тебя должен быть великий дар предвидения... Но даже если ты не сумел использовать, дарованное тебе через наказание, долгожительство, всеравно, ты являешься сейчас для меня живым свидетелем о Христе, живой историей и самым честным Историком во всем мире... И раз ты пришел ко мне, расскажи мне все, как было... – все от меня хотят исторических откровений и открытий, – проворчал страж претории Картафил, – можно подумать, что открыв с моей помощью все загадки истории, они могут переписать Историю заново. Да кто же им поверит?! Пора бы знать, что наша история, это история человеческих убожеств, история разрушителей и душегубов. И пишут ее придворные хроникеры в угоду сильным мира сего. Вот отчего история человечества-псевдоученая ложь, в которой лгут даже надгробные камни. Историю пишут власть, богатство, тщеславие, подлость и зависть! Зачем? Кому это нужно? Можно думать, что новый учебник истории поможет найти двуногим тварям выход из тупика, в который они загнали самих себя! Да и к тому же ответы на вопросы даются мною за определенную плату, и притом весьма высокую...

– Вот как!? – удивился я, – ты что же, за такого рода лекции требуешь от меня мою грешную душу и мой кровавый автограф?

– Боже упаси, на кой мне душонка!? Уверен, она тебе самому надоела до чертиков, – ты лучше объясни мне, старому дураку, в чем заключается основной принцип, или, как ты выразился, глубокий смысл моего наказания-проклятья? Откроешь всю его суть, – я отвечу тебе на один – два вопроса, но не больше! Итак, спрашивай!

– Нельзя считать всех людей двуногими тварями, ибо если бы они все таковыми были разве задумывались бы они о своей душе, о смерти и бессмертии, о своем предназначении в этом мире, разве вспоминали бы они о несчастном Великом Жиде? Не все, но многие люди являют собой исключение из общего закона человеческой смертности, они обрекаются на вечные скитания, и никто, кроме Бога, не может лишить их жизни. такая судьба должна постигнуть некоторых очевидцев первого пришествия Христа, и тех, кто совершил грех, подобный твоему! Принцип Великого Жиды – двойной парадокс, когда темное и светлое меняются, меняются дважды: бессмертие, желанная цель человеческих усилий в твоём случае оборачивается проклятием, проклятие – милостью, надеждой рано или поздно, но обязательно, иметь шанс искупления...

– Что ж, звучит красиво, научно и даже жалостливо, однако, за мою чересчур долгую жизнь я еще ни разу не видел человека, который бы пожалел меня, не оказалось таких даже среди жалостливых, до милого идиотизма, русских, – съязвил бывший страж претории, – но остался еще один, не высказанный тобой, весомый довесок к заклатию, наложенному на меня Человеком с крестом...

– Да, я это чувствую, но никак не могу выразить это словами... что-то, вроде, вынужденного... твоего, заданного... вампиризма? – проработал я, один вопрос о будущем... не знаю, встречу ли я с тобой еще раз...

– Вампиризм? Ха! Почти угадал, бестия! но не советую тебе заглядывать в другое время! Это опасно для жизни! но поскольку я обещал, то обещания нужно выполнять, – бодро ответил Агасфер и добавил, – а почему бы нам не продолжить беседу за чаркой крепкого напитка? Давай, садись, благо что стол накрыт!

– Да, я еще не завтракал, – прошепелявил я и превозмогая дикую боль в пояснице, заковылял к столу.

– Какой к черту завтрак! – чертыхнулся Картыфил, – очнись, уже наступил ужин! Наступил вечер, но какой-то странный – ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет, и даже ни белая ночь, а так себе, какая-то нежить... Усталыми, слезящимися глазами я посмотрел на странного собеседника и обомлел: передо мной вместо дряхлого библейского старика сидел... молодой человек лет тридцати, здоровый молодец с явными, искрящимися глазами и выразительной мимикой. Ветхая предже одежда вдруг стала выглядеть вполне прилично и даже в некотором отношении благородной. Ошеломленный увиденным, я бросил взгляд на стол, уставленный пасхальными закусками и обмер: вся снедь превратилась в серую, высохшую массу – это был прах, абсолютно несъедобный, бесформенный, высушенный, без цвета, запаха и вкуса! Дрожащими, руками, я стал открывать бутылку водки и разлил по рюмкам... Но от водки не было ее специфического запаха... Пригубив глоток, я понял, что это всего-навсего... вода! В отчаянии открыл банку пива, но там оказалась мерзкая, лишенная благородного газа, желтая, горькая и мерзкая муть...

– Это пить нельзя! И есть опасно! – хохотнул вызывающе молодой Агасфер и добывал лукаво: – настало время пить царскую водку, а она у тебя, старая бестия, есть! Ты же – гравер! Я это вижу по твоим сожженным кислотой пальцам! Тащи две бутылки с азотной и соляной кислотой! Сейчас мы с тобой заделаем такой шикарный коктейль, что самим чертям будет тошно! Азотной – 1 объем, соляной – 3 объема! И дело в шляпе!

– Тащи сам. Ты знаешь где искать, прошептал я, – у меня нет сил делать такие дьявольские коктейли.

Через минуту царская водка зловеще желтела в бокалах. Агасфер снял с пальца массивный золотой перстень и бросил в свой фужер,.

– Это вместо лимона. Растворенное золото – чудесный напиток богов и таких бессмертных, как я!

– Скажи мне, прежде чем выпить, что будет с Россией и россиянами в XXI веке! – прошептал я своим беззубым ртом. Страшная усталость навалилась на меня. Ныло все внутри, ломота в суставах и страшная усталость навалились на меня. ныло все внутри, ломота в суставах и страшная головная боль, отяжелевшие веки, подсердечная тоска с ощущением, что душа расстается с телом... Ты кто? Татарин, чуваш, мордвин, еврей или русский? Если русский, то спрашивай о русских! Русские будут хуже рабов! Только в Азии, в России, правители так равнодушно беспощадны к своему народу! Будет еще хуже, чем в этом веке... вижу страшные войны за чистую воду и землю, за недра и энергию... вижу гибель целых народов. Вслед за падением империи зля настал черед империи-вампира, заживевшей Америки... Будут ограбленные голодные, хилые убивать, холодать, голодать. В горькой напасти будут продолжать русские калечить друг друга. Вижу горы мусора, смрад и смерть... вижу костоломные фабрики по переработке сотен тысяч на удобрение... Их всех завели в тупик, ограбили и бросили на вымирание ... Вижу ясно, вижу, как все святое, духовное, прекрасное, творческое в науке, философии, в любви – все это загнило куда-то вовнутрь, лишено всякого внешнего осуществления, превращено в абстрактную сущность, которой противостоит наглая и хамская тьма ростовщиков и

менял, зверски злобных, идиотская масса мертвых душ, объединенная в пошлую, скучную, бессмысленную, бессильную, трусливую, аморальную “передовую общественность”... Русские продолжают быть беспамятными, молчаливо переносят гнет, льют кровь, продолжают жертвовать миллионами жизней... за счет русских паразитируют другие народы, а “новые” философы продолжают внушать фальшивую идею о мудрой правильности его безграничного терпения... иноземные идеологи и внутренние инородцы – “россияне” воспевают то, что достойно взрыва и возмущения. Вижу страшные войны в Азии и на востоке, вижу войну в Россиянии-резервации... Вижу, как все силы и помыслы людей направлены только на животное выживание... Вижу многое, но надеюсь не увидеть новые мерзости “нового человека”... Надеюсь, что Чудодей с крестом даст мне навечно забыть этот мир великим забвением, чтобы больше я никогда Его не благодарил!

Агосфер умолк, и не чокаясь, залпом осушил бокал водки... Он крикнул и изо рта пошел сизый дым...

– Душевный фокус, – разочарованно прошептал я, – примитивный трюк для уличного балагана...

– Ты меня обидишь! – гневно вскрикнул вечный жид, – подойди тогда, старая развалина, к окну и посмотри! за окно! Такое увидеть может не каждый! Посмотри в другой мир и в другое время!

В комнате стало быстро темнеть, стены стали изгибаться, уходить вверх и вниз, объемы стали неопределенными и размытыми. Казалось, что мы очутились в темных глубинах океана, скрученный в баранку, кое-как я доковылял до окна: из прямоугольного оно превратилось в эллипсоидное и уходящее в даль. От увиденного за окном закружилась голова, волосы стали дыбом, глаза стали выворачиваться наизнанку. вместо привычного сферического неба была гигантская... четырехгранная воронка на вершине которой была видна ослепительно яркая точка, подобная свету новой звезды! Земля же тоже представляла воронку, уходящую вниз, дна которой не было видно, ибо там была крошечная тьма... дома, улицы, деревья – все, что находилось на земле, лепилось по краям этой двойной воронки... В этом странном мире для моих глаз не оказалось ни одной прямой линии... Только кривые, сходящиеся и расходящиеся в бесконечности. Дым из изогнутой трубы Северной ТЭЦ застыл неподвижно в гигантской запятой, конец которой уходил вверх в слепящую точку небесной воронки...

– Отойди от окна! Не смотри долго! Ты можешь ослепнуть, старый любопытный дурак! – закричал Агосфер. Железными руками он вцепился за мой ворот сорочки и отбросил меня в темный угол комнаты, где стояло большое зеркало. Я грузно, как мешок в темный угол комнаты, где стояло большое зеркало. Я грузно, как мешок с цементом, рухнул на пол, проехал по паркету на животе и врезался головой с массивную резную ножку тумбочки. последнее, что мне удалось услышать, это звук открываемых замков и тяжелый удар металлической двери... Агасфер-картафил уходил через дверь как обычный человек... он спешил на встречу с Человеком с крестом...

Очнулся я от яркого электрического света, ворчания работающего холодильника и тиканья настенных часов. Встал на колени, опираясь на тумбочку, выпрямился в полный рост и посмотрел в зеркало. На меня смотрел дряхлый, сломленный старец, со слезящимися глазами, дрожащими руками, седой как лунь, беззубый, со слюной, жабым ртом. В этой развалине, в мерзком человеческом прахе, с большим трудом узнавались собственные знакомые черты. Я сразу понял, в чем заключается основная загадка Агасфера. Воочию убедился, почему он не может ни у кого вызвать соучастия, жалости и сострадания! Он вампир поневоле! И в этом суть его проклятия! Вечный Жид в конце каждого века обречен искать себе жертву среди утомленных зижнью и красть у них не нужные им годы! он стал молодым, а я старым.

И так будет из века в век до второго пришествия Иисуса Христа!

Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, прости и помилуй меня, прости мою безмерную гордыню и тяжелый грех уныния, верни мне, милосердный Боже, украденные годы, твой бесценный дар, от которого так неразумно отказался я, неблагородный! Боже милостивый и любящий, прости жестокосердного раба Твоего Агасфева-Картафила, прозвищу Вечный Жид, освободи его от проклятия и даруй ему, несчастному, смертный час, великое забвение, покой могилы, желанное успокоение!

В соседней комнате раздалось церковное пение – по телевизору транслировалась пасхальная служба из восстановленного храма Христа Спасителя: Ликующий голос священника восклицал: “Христос воскрес!” – “Воистину воскрес!” – грянуло в ответ. За окном в небо взмывали разноцветные ракеты, грохали петарды и хлопушки, звенели голоса неугомонных мальчишек. Трехмерный, прекрасный, жестокий мир радовался Воскресению Сына Человеческого...

РУССКАЯ РУКОПИСНАЯ УЧЕБНАЯ КНИГА XVII

*Светлой памяти Дрейера Олега Константиновича
посвящается...*

Если до семнадцатого столетия рукописная книга являлась в основном достоянием монастырей и библиотек царской фамилии, а также приближенных у царю бояр, то к середине XVII века, и особенно во второй его половине, владельцами книг стали не только дворяне, но и купцы, ремесленники и зажиточные крестьяне.

Рукописная книга того времени подразделялась на духовную, “душеспасительную книгу для чтения доброго” и на книгу практическую для житейских нужд, т.е. Учебно-познавательную. Духовная книга помогала человеку самостоятельно пройти путь нравственного самоусовершенствования, а книга учебная позволяла грамотному родителю обучить ребенка основам грамоты, без которой стало невозможно овладеть по наследству высотами ремесла, стать мастером, торговым или служивым человеком.

вообще рукописная книга пользовалась у русского человека большим уважением нежели книга типографская, сам факт размножения которой в громадном для тех времен количестве вызывал в душе читателя “удивление и смятение великое”. Книга, вышедшая из-под печатного станка, казалась ему лишенной души; а рукописная книга рождалась на свет в единственном экземпляре и несла в себе неповторимые черты своего создателя (или создателей – нескольких переписчиков из определенного монастыря, святого места, из которого не может выйти ничего дурного, а только одно, нравственно-наставительное и поучительное для ума и сердца). И это не должно вызывать у нас снисходительной улыбки. ведь мы сами не очень уж жалуем виртуальную книгу, ее электронные публикации в системе Интернет... Известно, что большинство читателей электронных публикаций поступает так: скачав файл из Сети, распечатывают его, предпочитая чтения с листа бумаги чтение с экрана. Даже сегодня, когда книга стала для нас инструментом познания и развлечения в часы досуга, она по-прежнему ассоциируется в нашем сознании с ценностью духовного порядка, если угодно, связует “цепь времен”. Ничто не может заменить читателю глубоко интимной встречи один на один с овековеченной книгой, с ее автором, или составителем или художником...

Кроме того, обладатель книги, или нескольких рукописных книг, пользовался в те времена среди своего корпоративного окружения большим уважением, авторитетом и влиянием. Наличие домашней библиотеки говорило о высоком материальном

достатке ее владельца, повышало его социальную и профессиональную значимость. Ведь рукописная учебная книга, как и печатная, стоила в средние века весьма дорого! И еще одна интересная деталь: в сознании людей того времени плохой человека не мог иметь хороших “добрых и полезных” книг, а имел книги, то только “еретические, чародейные, латинские...”

Вообще, изучая историю культуры и образования допетровской Руси, нельзя забывать о самом главном, что обычно сопровождает образовательную систему эпохи и составляет ее основу – об учебной книге и ее распространению среди народа; об учителе и ученике; о частном обучении и самообразовании.

При этом важно знать и ответы на столь немаловажные вопросы: сколько насчитывалось жителей в Московской Руси в первой половине XVII века и сколько тысяч экземпляров учебной книги выпускал в свет Печатный двор той поры? Сколько учебников приобретали для реализации крупнейшие города Московского государства? И, наконец, достаточны ли были тиражи учебных книг, включая буквари, для удовлетворения на них спроса?

Согласно данным известного историка русской культуры П. Малюкова в Московском государстве времен царя Михаила Федоровича, в 30-х годах XVII века, насчитывалось свыше 13 миллионов, т.е. почти такое же число жителей, какое ныне населяет Москву и Московскую область! Однако, известно, что первый печатный букварь Василия Бурцева появился только в 1634 году и составил перепечатку виленского издания 1621 года. Всего же к середине века этот букварь выдержал три издания в количестве 9.600 экземпляров. Учебный часослов издавался 8 раз, учебная Псалтырь – 9 раз... Всего же букварей к последней четверти века было издано более 25 тысяч, часослов – 36 тысяч, псалтырей более 18 тысяч; т.е. ежегодно учебных книг печаталось на всю страну от 7 до 8 тысяч. На 13-16 миллионов тогдашнего населения это не так уж и много: всего по одной учебной книге на каждые 2.400 человек населения...

Соответственно возникает вопрос: каким путем и за счет чего восполнялась потребность населения в учебной книге?

Ясно, что букварям и печатным часословам и псалтырям люди, прежде всего, учились грамоте, но по каким книгам наши предки овладевали глубокими практическими знаниями, если в Московской Руси не издавались учебные книги профессионального характера. И, наконец, откуда брались образованные для того времени чиновники по всем городам и весям вплоть до конца века, когда Петр Великий стал отнюдь не на пустом месте развивать свои реформы? Ведь до него Московское правительство вообще не занималось образованием и просвещением! Изданием религиозной литературы занималась церковь на базе Печатного двора, а изданием учебной книги редкие интузиасты...

Значит, в допетровской Руси была своя уникальная, кроме монастырско-церковной, неподвластная государственному контролю, разветвленная система частого образования, система частных школ, удовлетворяющая потребности в образовательных услугах той поры. И так же ясно, что тому необходимому уровню образования книга вполне соответствовала.

В то время, когда печатная учебная книга, робко на цыпочках, входила в российскую образовательную аудиторию, пестрым разнотравьем цвел луг рукописной учебной книги по разным отраслям знаний. И недаром в популярном тогда Букваре В. Бурцева (1634) за предисловием и вводными виршами следовал “благонамеренный” заголовок: “ начальное учение человеком, хотящим разумети божественного писания”. А поэтому тем грамотеям, которые захотели бы ограничить круг чтения только печатными книгами, просто нечего было читать о “гражданских обычаях” и о “разных ремеслах и хитростях художеств”.

Рукописная же книга, никем не контролируемая, способна была удовлетворить

самые разнообразные запросы читателей. Здесь были представлены легенды и рассказы, басни и сказки, описания путешествий, сочинения по математике, астрономии (“звездочетству”), медицине (лечебники и травники), геометрии (“землемерию”), географии, истории, по вопросам сельского хозяйства, ремесел (зодчеству, резьбе по камню, изразцовому делу, оружейному и литейному, гончарному, кожевенному, текстильному и т.д.), пол военному делу, философии и права.

За азбукой или букварем, для овладевших грамотой, навыками чтения, не обязательно следовали тексты часослова и “Читьей-Миней”, а больше всего шло множество рукописных текстов, удовлетворявших растущую любознательность читателей, расширявших их кругозор.

В отличие от печатных, во многие рукописные азбуки XVII века были включены образцы деловых бумаг, формы частных писем, приведены притчи светского содержания (об Аристотеле, Александре Македонском и других “славных мужах”), а также изречения, советы поговорки, челобитные, заемная кабала, “память” приставу ит.д.2/

В таком содержательном плане эти азбуки примыкали к азбуковникам – древнейшим русским энциклопедическим рукописным сборникам. В XVII-XVIII вв. они представляли соединение азбуки (со слогами и прописями) с подбором разнообразных сведений энциклопедического характера, преимущественно по всеобщей и русской истории, а также о животных, растениях, минералах, явлениях природы и о разных “диговинках” Исторической науке известно более 200 рукописей азбуковников XIII–XVIII вв. Такое широкое распространение азбуковников объясняется естественным желанием человека, овладевшего чтением, тут же применить свое умение для приобретения интересных и полезных сведений. И он искал в том же азбуковнике, в той же “сводной” азбуке, которой во многих случаях суждено было оставаться первой и единственной книгой домашней библиотеки.

Мастера грамоты при обучении детей вплоть до конца XVII века пользовались преимущественно рукописными азбуками и букварями, которые обычно ими же и составлялись. Веком раньше в монастырях изготовлением рукописных азбук занимались монахи-переписчики, которые пускали этот ходовой товар в продажу. но бывали и бескорыстные подвижники на ниве народного просвещения. В житии епископа Гурия (1557) говорится, что он посаженный в заточение, в подвал, князем Иваном Пеньковым “писал для учащихся детей азбуки”.

Копирование книг практиковалось еще в древней Руси и являлось до начала книгопечатания единственным способом размножения литературы. Из-за большой стоимости книг, их переписка в XVII веке была прибыльным делом. В каждом крупном городе были писцы-профессионалы, которые брались за деньги переписывать книги. Эти писцы выходили из духовенства, но были представители других слоев населения: стрельцы, площадные дьяки, “гулящие люди” и прочие жители посада.

При крупных монастырях существовали специальные книгописные мастерские палаты. Так, например, книжная палата Соловецкого монастыря занималась перепиской книг специально для продажи. даже последней трети XVII века в Москве, кроме Печатного двора, существовал второй издательский центр, книгописная мастерская Посольского приказа, число изданий которой было не меньше, чем у типографии, а тематика рукописных книг была значительно шире и более актуальной.

Но были и частные ремесленные мастерские, объединявшие книгописцев и художников-иллюстраторов. Такой мастерской, работающей на рынок, была мастерская московского посадского человека П.П. Деревянника, которая изготовляла рукописи космографии, лечебников, учебных псалтырей.3/

Широкой известностью по изготовлению рукописных азбук пользовались книжные мастера Давид Шарголь и Алексей Ижорин и Олонца.^{4/} Оба мастера наряду с церковными переписывали для “прокормления” и учебные книги. В Москве в 1977 г. этим “промыслом” занимался посадский человек Мещанской слободы Василий Алексеев Король.^{5/}

Рукописная учебная книга, как и печатная, была дорогой – букварь стоил 1 рубль, грамматика или арифметика, “цифирная мудрость” – 1 руб.50 коп. золотом. Поскольку за рубль тогда можно было купить двух двухгодовалых быков, или шесть овец-маток, то в современном исчислении учебная книга стоила от 700 до 1500 долларов США.^{6/}

Изготовление рукописной книги требовало много усилий и времени от переписчика и вплоть до конца века оставалась дорогой со всеми своими достоинствами и недостатками, но во второй половине XVII века она становится другой: она становится массовой и на нее уже смотрят как на деловой носитель информации, она становится меньше форматом, сменяет позолоту на киноварь и тушь, из боярского двора и церкви уходят в народ.

Книги старались заключать в добротный переплет. они передавались по наследству, продавались, закладывались как большая материальная ценность, обменивались на какую-нибудь ценную вещь или съестные припасы. А такой известный начечник и книголюб как старообрядческий протопоп Аввакум променял книгу... на лошадь: “Аз же, окоянный, презрев отеческое благословение и приказ ту книгу (Ефрем Сирич – А.А.) брату двоюродному, по докуке ево, на лошадь променял!”^{7/}

книга была распространена не только среди купечества (гости, гостиная сотня), но и среди других представителей различных групп населения посада: мелких торговых людей и ремесленников.

Тематика книг, принадлежавших посадским людям, куда более разнообразна, чем у вертушки. Так, например, суздальскому посадскому человеку Митке Козьмину сыну Худякову – рукописный хронограф; Конюшенной овчиной слободы тяглецу Любиму Дементянову сыну – рукописная книга “Диоптра и хождение трифона коробейникова.”^{8/} Космография Козьмы Индикоплова принадлежала посадскому человеку Стефану Тарабаеву, а также москвичу “овощного ряду торговцу человеку” Фоме.^{9/}

Книги были у ремесленников, стрельцов и казаков. казенный сапожный мастер Афанасий Сергиев сын имел Евангелие учительное. “Повесть о Тихвинской школе” была у тихвинского ремесленника, а потом перешла к его родственнику-олончанину. У городского читателя стал проявляться интерес к книгам светского содержания: руководства по медицине, хронографии, космографии, к сочинениям Пересветова и Авраама Палицина. две рукописные книги “Измалай с обиходом” были куплены у двинского стрельца Ивашки Щербакова, занимавшегося перепиской книг.^{10/}

Много было рукописных сборников у крестьян русского Севера. В сборниках середины XVII века начинают встречаться выписки из азбуковников, статейные списки, отрывки из истории покорения Новгорода Иваном Грозным, отрывки из печатного Синописа и переводы из иностранных газет, т.н. “Куратов”. По деревням ходили в большом количестве жития святых и книги далекие по содержанию от религии: “Школьное благочиннее”, “Риторика” (дер. Юшино), “Буквица” (дер. Истомино Повенецкого уезда). В этой же деревне и в соседней деревне Шарапово было 4 лечебника и сборника заговоров, гадальные книжки и рукописи о тайных науках, апокрифическая литература и сборники духовной поэзии, “Повесть о снах царя Мамера”, сборники пословиц и загадок...

Вопросы мироведения, истории и географии интересовали и дворовых людей. Рукописные книги “Луцидарис” (о мировидении) и “Хронограф” имел дворовый

человек боярина Б.А.Голицина Иван Ершов, а человек боярина А.Я. Языкова Иван Яковлев продал свой Хронограф и подписал книгу своей рукой.

Кроме владельческих записей, на случайно оставленных чистых страницах книг, можно встретить записи и других читателей, которым данная книга выдавалась владельцем на время для прочтения. Например, "Цветник духовный" читал сумского посада мещанин Максим Rogozin, а затем крестьянин Василий Алтуфьев. Лечебник, принадлежавший "жильцу" Григорию Ефремову, читали... его мкать, подчашие Карпушка Тараканов и Степашка Федоров.^{11/} Любопытны записи на рукописных сборниках овладевших грамотой старших детей: "Учился Степка Карпов и подписал своею рукой лета 7201" или: "Выучился Алешка Васильев сын," – сообщает неумелая надпись на часовнике 1635 года...^{12/}

Итак, если включить в рукописную учебную литературу допетровский Руси пособия не только для начального обучения, но для самообразования, то репертуар ее будет более разнообразным: "потешные листы" и иллюстрированные книги, азбуки, "цифровые алфавиты", азбуки-прописи с выписками из Александрии и Хронографа; склады учительные, буквари, грамматики, алфавиты-словотолкователи" для "оказания недобопознаваемым речам", математические сборники (арифметика применительно к астрономии и торговле), геометрические учебные курсы (землемерие и определение объема сыпучих и твердых тел), азбуковники ("энциклопедические" сборники, состоящие из словарей, пособий по арифметике, геометрии и правил стихосложения), переводная литература по географии, истории, медицине (), военному делу, русско-латино-немецко-шведские словари (лексиконы), научная, техническая (литейное и кузнечное дело, ремесла), и, наконец, литература историко-художественная, религиозно-нравоучительная, житейская...

Русская школа XVIII века и последующих столетий многим обязана авторам учебных руководств допетровской Руси. Эти люди (авторы-составители, компиляторы и переписчики) явились пионерами распространения в России науки эпохи Возрождения, они подготовили почву, на которой выросли основательная в методическом плане учебная литература и государственная школа XVIII столетия.

Изучение нами истории рукописной и печатной книги, в особенности, эволюции учебной книги XVII-XVIII вв., показало, что начальное обучение XVII столетия не ограничилось только лишь "букварно-грамматическим" разделом, а было несколько шире и зависело от будущей профессии ученика. В сочинении Кариона Истомина "полис сиесть Град царства небесного имущий учение" дается характеристика наук, или "школьных обучений" (с современной точки зрения это классические "обучения" для высшей школы – А.А.), числом двенадцать, расположенных в таком порядке: "грамматика, синтаксис, пиотика, риторика, диалектика, арифметика, география, философия, астрономия, фенология, мусика, врачевство". За этими науками идет изложение космографических сведений.^{13/}

Рукописные азбуки и буквари появились на Руси с середины XVI в. В более ранние времена, начиная еще со времени кн. Владимира и Срослава до конца XV века детей обучали чтению, письму и пению преимущественно по псалтыри. Обучение состояло в том, что учитель прочитывал, а ученики повторяли за ним прочитанное до тех пор, пока не заучивали текст наизусть ("елика написоваше ему учитель его, малым прочтением изучеваше"). Такой метод обучения грамоте не способствовал быстрому усвоению учащимися учебного материала и чтобы научиться сносно читать требовался год, а то и два.

Вот почему появление рукописных азбук и букварей вызвало в середине XVI в огромное удовлетворение просвещенных людей того времени.

Об одной такой азбуке упоминается в послании старца Артемия к Ивану Грозному (1551): "Тем неотметна, но и зело нужна божественная сия азбука к научению

детям”.14/

В ней, как и в азбуках XVII века, была воплощена древняя буквослагательная система обучения грамоте, унаследованная нашими предками от греков и римлян и целиком основанная на заучивании наизусть. Сначала учитель заставлял детей запоминать внешний вид и названия букв, затем складывать из них и также заучивать отдельные слоги по схеме: буки +аз=ба; буки +рцы+аз=бра (аз, буки, рцы – названия букв а, б, р). затем шло зазубривание грамматических терминов и чтение по слогам. Называя каждую букву, учащийся должен был составлять новый слог и присоединить его к предыдущим слогам, которые держал в памяти. Например слово “БЛАГОСЛОВИ” происходило так: буки+люди+аз =БЛА, глаголь +он= ГО=БЛАГО, слово+люди+он =СЛОВО=БЛА-ГО-СЛО, веди+иже+=ВИ=БЛАГОСЛОВИ.

По сути дела, система обучения грамоте, предлагавшая двести лет назад после букварей Ивана Федорова и их рукописных вариантов для народных училищ Российской империи, недалеко ушла от федоровского прототипа... Этому прототипу следовали многие рукописные азбуки и буквари, созданные в XVII столетии.

В начале обучение кроме грамоты и умения писать, входила также и “счетная мудрость” – арифметика, а точнее, практическая арифметика и геометрия. Основное арифметическое и геометрическое содержание в них почти одинаково, зачастую правила и задачи во всех рукописях изложены в одних и тех же выражениях, что говорит о том, что все эти учебники восходят к неким прототипам, но с учетом российской практической жизни. Кроме того, в течение всего столетия наблюдается некоторое усовершенствование этих учебников – в них вытесняется алфавитная нумерация (“цифирь буквенная”) арабской современно).

Математические рукописи XVII в. можно разделить на три категории: специальные математические рукописи, посвященные одной отрасли математики; рукописи, включающие в себя несколько отраслей математики с применением астрономических и торговых задач (т.н. математические сборники); и наконец, математические главы общего популярного характера, входящие а Азбуковники – общенаучные “Энциклопедии” XVII века.

К первой категории относится “Книга сошного письма” 1629 года; “Книга сошному письму и роспись полевой мере”, использования П.М.Милюковым в работе “Спорные вопросы финансовой истории Московского государства” (СПб, 1892), а также первой русский систематический курс геометрии, точнее планиметрии, который хранится в Государственном историческом музее (“Синодальная №42), составителем которого был высокообразованный любитель точных наук князь Иван Елизаров.15/. В своей работе, написанной в 1625 г. он использовал многие иностранные источники: “Резюме геометрии” (Geometrical extraction, London, 1616) англичанина Дж. Спейделя и весьма известные в ту пору Двадцать семь книг геометрии” (Geometrical Ribri XXVII, Basileae, 1569) французского философа и математика Пьера ла Рамэ (Ветра Рамуса), выдающегося педагога, добившегося упрощения изложения геометрии Ивана Елизарова и других русских авторов математических сочинений, очень богатого в теоретической части, так и в отделе построений. Их русская терминология в значительной мере создавалась впервые, по возможности, подбираются русские слова, или копируются в латинские и английские термины с последующим их “разъяснения”.

Ко второй категории относятся “математические сборники”, в частности рукопись под название “счетная мудрость”. Она заслуживает особого внимания, так как написана учеником! Об этом говорят отличия от стандартный текстов других рукописей: язык очень близкий к разговорной речи, подробность объяснений и характерное для второй половины XVII в., стремление к ясности изложения учебного материала. Иногда автор “Счетной мудрости” как бы пересказывает ио, что он слышал от учителя, благодаря чему экономит нас с процессом обучения.

Кроме этого сборника, нам известны и другие рукописи этого типа: “Математические сочинения, книга первая”; “Арифметика для торговых учеников” из личной библиотеки известного советского библиографа, академика АПН СССР академика А.И. Маркушевича.17/

К рукописям третьей категории относятся общенаучные “Энциклопедии”, типа Азбуковников, где излагались в азбучном порядке элементы разных наук, в том числе и математических. Это были весьма элементарные и суммарные популяризации и они, конечно, по всей общности изредка входили в курс начального обучения.

В математических собраниях задачи берутся из землемерной практики, из сельскохозяйственных проблем, из практики ремесленников. С некоторым налетом “теории”, а в сущности из той практики даются задачи на астрономические темы, связанные с церковно-календарными проблемами. Но в то же время практическое значение арифметики и служило побуждением ввести ее в курс школьного обучения.

В арифметических сборниках XVII века встречаются темы, мало или вовсе не характерные для двух предыдущих веков, в них часто встречаются задачи на вычисление последовательных степеней данного числа и на их суммирование... То же самое наблюдается и в учебных пособиях по геометрии, где мы находим задачи на определение площадей разных фигур, определение площади 5,7,8-мм угольников с выходящими углами.

Арифметика в значительной мере обслуживала торговый люд, высоко ценивший точность в расчетах, а геометрией занимались приказные люди, несколько не заинтересованные в точности землемерной приемов – обилие свободной земли на великих просторах России позволяло делать “ошибки” в измерениях!

Вероятно, что русские учебные курсы математики переводились или подбирались, обрабатывались из сборников и руководств на латинском, немецком, английском, датском и других языках. Главное то, что между “западными” и русскими арифметиками различия были менее существенны, чем их общность. Русские авторы тщательно и вдумчиво переделывали доступные и учебные материалы, развивали свою терминологию и осуществляли переделку задач применительно к русской системе мер, учитывая при этом запросы своего читателя и уже сложившиеся в стране традиции. Можно представить себе какой интуицией и знаниями вопроса должен обладать переводчик, чтобы сделать свое учебное пособие приемлемым для соотечественников, хотя бы по словам Л. Ольшки, “для землемерных работ”.18.

На фоне всей европейской арифметической литературы русские арифметики выделяются обилием подробно решаемых задач. Эта особенность, обусловленная потребностями самоучек и недостаточным в то время числом школ “Арифметике” Л.Магницкого (М.1703) – первым учебником нового типа, широко использующим источники, доступном, местами занимательном, соединяющим теоретические сведения с практическим применением, удовлетворяющим научным педагогическим и высоким полиграфическим и эстетическим требованиям...19/

На русских математических рукописях, в отличие от западных, содержатся оригинальные вещи, вроде таблицы решений задач на остатки, и широко распространенный в России самобытный “домашний счет”.

Цифровые алфавиты на бересте свидетельствуют об определенном единстве древнерусской “методике” обучения письму и счету.

Кроме бересты счету в допетровской Руси обучали и на восковых дощечках – церах. Но главной формой сохранения учебной информации являлась фольклорная, которая сохранялась вплоть до конца XVIII века и охватывала не только учебную, но и литературно-художественную сферу.

В процессе обучения счету применялась распространенная тогда система

зубрежки, когда целые тексты букваря или евангелия заучивались учениками наизусть. Для этого брался специальный текст, который включал в себя сведения из церковной истории и одновременно название цифр от единицы до двенадцать.: “Един Бог, два тавля Мосеевых, три патриарха на земле, четыре листа Евангельских, пять ран Господь претерпел, шесть крыл херувимских... десять Божих заповедей...двенадцать апостолов” и т.д. Но чаще всего при этом детей учили считать до 10-ти на наглядных предметах: на пальцах, на палочках и на сливовых косточках. Следует отметить, что в начале XVII века русские купцы вели счет с помощью сливовых косточек, и по свидетельству Адама Олеария делали это очень ловко...

Когда ученик овладел счетом до десяти, он в начале решает несложные задачи. Здесь свою образовательную “работу” русский фольклор. Фольклор приучал ребенка не только уметь совершать действия над этими цифрами, но и развивать свою наблюдательность: “Шли столбцом сын с отцом, да дел с внуком – сколько их? (Трое); “Семь без четырех, да три улетело – сколько будет (Нуль) и т.д.

Иногда устные задачи вообще не имели решения, но они развивали “арифметическую” речь ребенка, способствовали пониманию житейского юмора:” Две тысячи веников, пятьсот голяков, по три денежки сотня – много ли рублей? Пять денег да грош, пять копеек, да денежка стара– много ли стало?

Прочных математических знаний требовала от ребенка такая задача: “Летело сто гусей, навстречу им один гусь: здравствуйте, говорит, сто гусей! Нет, нас не сто гусей: кабы было еще столько, да постольку, да четверть столько, да ты гусь, так нас было сто гусей. Сколько их летело? (36 гусей). 20

И таких задач фольклор сохранил множество. Некоторые из них целиком и отдельными фрагментами вошли в знаменитую “Арифметику” Леонтия Магницкого (М.1703 г.) а также во многом арифметические руководства XVII и даже начала XIX века

Подводя итог всему вышесказанному, мы должны признать, что в XVII веке почти вся учебная литература была преимущественно рукописная. Исключением могут быть только лишь азбуки и в меньшей степени буквари и грамматики. Первая же печатная математическая таблица умножения появилась в 1682 году. Математика как наука долго оставалась в России непризнанной наукой, а математические рукописи входили вплоть до начала XVII века в списки “отрешенных книг” и недаром в похвальном слове Петр I произнесенном 29 июня 1725 г. Феофан Прокопович не очень сгущал краски, когда говорил... а есть ли бы где некое явилось арифметическое или геометрическое действие, то тогда (раньше, век назад –А.А.) волшебством нарицано” 21

Но практическая жизнь оказалась сильнее сухих догмов церкви и ее “стерильной” цензуры. именно сборники “точных наук” того времени оказались более востребованными обществом нежели то же самое “любомудрие” (философия), “пиитика”, “реторика”, и...грамматика.

Почти все грамматики этого периода представляют из себя плохую компиляцию из других грамматик, о чем говорят сами составители: “грамматика сложена от различных грамматик, студейми (студентами – А.А.) же во Львовской школе”²² Грамматики были двуязычными, и в этом была их положительная роль. приводя примеры на греческом и на русском языках, авторы стремились быстрому запоминанию учащимися сложных греческих “речений”. И поэтому нельзя согласиться с С.Н. Брайловским, что рукописные грамматики “львовского пошиба” не имеют ни “научного

, ни тем более практического значения”.²³ Рукописные грамматики, основанные на переработке львовского печатного источника, достойны упоминания как первые опыты грамматики, раскрывающие сложные грамматические формы греческого и

русского языков, повлиявшие на состояние последующих грамматик. Здесь впервые вводятся правила прописных букв, которые называются “вещами письма”. Прописные пишутся в начале стиха, в собственных, в названиях: “достоинств” (Царь, Епископ), “художеств” (Грамматика, Логика), “частей художеств” (Глагол, Имя, Местоимение). Впервые, с середины века, правописание стало приводиться в порядок и стало предметом особого изучения “граммотеев” эпохи.

Рукописные учебные книги имели крупные недостатки, которые были во много исправлены печатными учебниками, значительно более унифицированными. Печатный учебник XVII века как бы обобщал методику преподавания грамматики и арифметики в школах Московского государства. Но роль рукописной учебной книги, как основной базы для многочисленных ее переписчиков-компиляторов стали выявляться первые русские авторы учебника, среди которых были и одаренные ученики и студенты. Рукописная учебная книга являлась не только проводником знаний в народ через сеть малых частных школ, организованных самими авторами-учителями, но и звеном, соединяющим начальное образование с самообразованием.²⁴ последнее во многом обязано рукописным “энциклопедиям” того времени – Азбуковникам, многие из которых, имея основную содержательную часть – “монолит”, дополнялся, точнее подшивался в виде отдельной тетради к сборнику с новой информацией или с неизвестной самоучке темой, представляющей собой легко заменяемый модуль. Здесь, как это ни парадоксально, мы видим рождение в седой древности нового многомодульного учебника XXI века, когда в целях мобильности и постоянно обновляющейся информации, независимо от видов ее носителей, происходит естественный отсев морально устаревших идей и положений, когда часть материала переходит в монолит учебника, а часть безнадежно умирает и заменяется новым...

Вот она “связь времен” и вечно зеленеющее древо Знания, на котором старые ветви отмирают, а вместо них возникают новые. И так ныне и присно и во веки веков!

Источники и литература:

1. Милюков П. Очерки по истории культуры. Ч.II. Церковь и школа. Изд. редакции журнала “Мир Божий”, 4-у издание, СПб, 1905, с.290.
2. РГАДА, Ф. 181, №252/457. Рукописная азбука с обширным отрывком из Александрии.
3. Костюхина Л.И. Из истории рукописного дела в России XVII в.– в кн. “Археографический ежегодник на 1958 год”, М.1960, с.63.
4. Григорьев В.В. Исторический очерк русской школы. М.1900, с.35.
5. РГАДА, Ф. 137, кн.6, л. 143 об.
6. Апостолов А.Г. “Первый русский доктор медицины – Иван Алманзенев” – еженедельник “Подмосковье”, 1996, №14, с.12
7. Аввакум, протопоп. Житие протопopa Аввакум, им самим написанное и другие его сочинения. ред. Н.К. Гудзия. “Academia”, б.г. М. с.140, 141-144.
8. Лебедев А.Н. надписи на старинных книгах, с.6 и “Дело о пограблении Соловецкого монастыря...”, с. 38.
9. Райков Б.Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М-Л, 1947, с.14.
10. Дело о пограблении Соловецкого монастыря... с.38.
11. Богдавленский С.О. пушкарском приказе. — кн. “Сб. статей в честь М.К.Любавского”, с.375.
12. Лукьяненко С.Н. Судьбы старопечатных книг. – “Альманах библиофила”, М.1973, с.192.

13. Брайловский С.Н. один из пестрых XVII столетия. М. 1918, 313.
14. Немировский Е.Л. Возникновение книгопечатания в Москве. М.1964.
15. Белый Ю.А., Швецов К.Н. Об одной русской геометрической рукописи первой четверти XVII века. – “Историко-математические исследования”, вып. XII, 1959, с.186-188.
16. “Счетная мудрость”. изд. “Общества любителей древней письменности. СПб., 1879.
17. РГБ, фонд академика АПН СССР А.И. Маркушевича, №47 – “Арифметика для торговых учеников”.
18. Ольшин Л. История научной литературы на новых языках. Т.1, М-Л., 1933, с.109.
19. Маркушевич А.И. размышления о судьбах учебника. – сб. “Проблемы школьного учебника” М. “Просвещение”, 1974, с.10.
20. См. материалы отечественные. – “Чтение ОИДР”, М.1861, окт.-дек., кн. IV, с. 466-457.
21. Прокопович Феофан. сочинение, М-Л. 1961, с.135-136.
22. Медынский Е.Н. Братские школы Украины и Белоруссии в XVI-XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией. М.1954, с.60-61.
23. Брайловский С.Н.Указ. соч.,с.306-307.
24. Апостолов А.Г. Школа, образование и учебная книга в России в XVII в. ж. “Советская педагогика”, 1974, №4, с.III.

Гений пред взором неба

Талант редок, но еще реже гениальность. Гений – это человек, на которого однажды, случайно, упал взгляд Бога. Такое бывает два-три раза в столетие, когда взор Господа замечает одного-двух из сотни миллионов рядовых людей. При этом избраннику нужно соответствовать взору Неба на протяжении всего жизненного пути и до конца платить за этот божественный дар постоянной духовной работой, сводящими с ума мучительными сомнениями, озарениями, внутренними страданиями.

Как происходит встреча с Богом? Во вспышках грозы, грохоте грома, огня и дыма? В урагане, сметающем горы и в одночасье сдувающим на сушу морские воды? В землетрясении, раскалывающем, как стекло, целые материки? И да и нет. Книга книг оставила нам несколько свидетельств о том, что бывает, когда предстает пред ликом Всевышнего Его разумная двуногая тварь... Могут бышевать стихии, но не в них Бог. Может возникнуть в гневе Божьем всемирный потоп, а после потопа – землестясение, “но не в землетрясении Господь. После землетрясения огонь, но не в огне Господь. После огня веяние тихого ветра” (3-я Царств Гл. 19, 12).

Это веяние тихого духовного ветра, когда плоть человеческая почти мертва, а просветленная душа расстается с телом, пытаясь слиться с божественным светом, вот это может и есть взор Господа и встреча с ним...

Два наших гения – Пушкин и Лермонтов – были щедро озарены лучами божественного света. Говоря об одном, мы невольно вспоминаем творчество другого. Сама судьба духовно связала их, таких разных по складу характера, и равных по дарованной свыше остроте видения мира. В их лучших творениях, божественно пророческих, провидческих, слышится усталая мудрость, некий вопль о господствующей в мире неправде, которая заключена в самой природе нашего бытия.

Обоим было суждено одиночество Гения, неизбежный удел истинного величия. Оба были фаталистами, верили в судьбу, не знали и не боялись смерти, как будто

знали, что смерти нет, что сами они бессмертны... “Кто близ небес, тот не сражен земным...”

Обоих ужасала чудовищная пропасть разделяющая плоть и дух, земное и небесное; оба своим особенным нечеловеческим зрением сумели с ранних лет заметить обман “чарующий” земной жизни, с ее “мятежной тоской” и бессилием сострадательной Любви в мире, где живое, чтобы выжить, вынуждено сжирать живое. О каком единении правды земной и правды небесной может идти речь при таком “грубом” земном реализме? Оба поэта бунтуют против такого миропорядка, определенным Высшим Замыслом. В этом мире, считают они, Любовь должна представляться нами, “как ангел нежный, где тоски ее мятежной душа узнать не может вновь”. И если уж Создатель осудил нас жить в этом жестоком мире, то надобно было бы даровать людям “покорность незнания”. У Пушкина этот бунт был внутренним и поздним, он его как бы замалчивал, а Лермонтов бунтовал открыто. Он первый из отечественных писателей поднял религиозный вопрос о зле, явился священным богоборцем, русским Иаковым, получившим по библейской традиции Божье благословение. Для обоих поэтов характерны неуклонный духовный подъем, растущая напряженность духа, развитие поэтического дара с его божественными звуками, чудесными прозрениями до полного духовного изнеможения.

Оба понимали, что высокая поэзия божественна в своем источнике, что она есть созерцание славы Божества в творении. А посему поэтическое служение является священным: поэт в этом страшном служении является свидетелем высшего мира, он “сам свой высший суд”. Поэты рождены “для вдохновенья, для звуков сладких и молитв”, их вдохновенное служение является признаком Бога. Поэт, таким образом, является связующей духовной нитью, своеобразным медиумом, с помощью которого мы общаемся с Небом. Но поэт знает над собой и высший суд, пред которым благоговейно склоняется: “Веленью Божьему, о Муза, будь послушна”. Поэзия, по Пушкину, есть служение истине и красоте, в которой и через которую ему становится доступной высшая мудрость, истина. Не будучи по своему складу философами, Пушкин и Лермонтов, являются подлинными мудрецами и философами-эстетамми относительно поэзии, как служения красоте. Оба поэта были уверены, что поэзия приходит с горных миров, а само вдохновение, как духовный творческий процесс – это взгляд Божий, “веяние тихого ветра”. Поэт перелагает небесные звуки в земные, а звуки в письмена.

Для нас, рядовых смертных, поэт даже в человеческом, “бытовом”, облике не совсем человек, а существо иного порядка, заброшенное к нам из мира другого измерения, где нет трезмерности, а только одни кривые Лобачевского.

И не потому ли, читая стихотворные молитвы этих поэтов, мы восторженно восклицаем: “Ни один человек в мире, даже самый талантливый “делатель” стихов не может сочинить подобное!” И тогда становится ясно, что кроме земной жизни, существует другая, а Пушкин и Лермонтов самые яркие тому свидетели! Ушел Пушкин от нас, и сразу же лопнула духовная струна связующая нас с Вселенной, но долго-долго звенеть ей в наших сердцах. До тех пор пока не иссякнет в нас наша духовность.

Пушкин – животворное солнце нашей духовной жизни, Лермонтов – сумеречное светило на границе света и ночи наших душ.

Они разные, но на небосклоне высокой русской поэзии дополняют друг друга, излучая общий смешанный свет на нашу суетную жизнь. У Пушкина “тварная” жизнь стремится к божественной поэзии и к созерцанию божества. У Лермонтова “звуки небес” вливаются, точнее, врываются в грубую жизнь, взывая к действию, вплоть до бунта против миропорядка, устроенного лукавыми людьми.

Уже с юных лет четко различали разницу между мнимым христианским рабым смирением и истинным Христовым смирением “овец” Бижиих. Внешне Пушкин в 30-е

годы смирился с официальным догматическим богословием, представителем которого в то время был митрополит Филарет, старец лукавый, по меткому выражению поэта. Личная церковность поэта-прихожанина не была достаточно серьезна и ответственна, как этого хотелось бы современникам. Но Пушкин, как историк, поэт, и писатель, и наконец, как семьянин, являет собой образ верующего христианина.

Ему был свойствен свой личный путь к Господу, свой удел – предстояние пред Его взором в страшно ответственном служении поэта. Видно не на путях бытового, догматического православия пролегла главная магистраль судьбы поэта, а на совершенно других, нам неведомых... А Лермонтов, наоборот, оказался единственным “гордым” человеком в русской литературе, до конца не смирившимся, с незнакомым с седых времен возмездия, злой российской действительности. Он до конца жизни не смешивает свободу сынов Божьих с человеческим рабством и открыто бунтует. В его бунте есть какая-то религиозная святость, ради которой он согласен не все, даже на вечную гибель своей грешной двойственной души. В отчаянных, исполненных страданием словах: “Хочу я с небом примириться!” – есть исполинская проекция в вечности жизненной трагедии Лермонтова, признание самого поэта, его намек на богосыновство в богоборчестве. И разве не символично, что встреча душ обоих поэтов с Богом происходила в совершенно разной обстановке: Пушкин уходил из земной жизни мучительно медленно в окружении родных и близких в домашней постели, прощаясь с родными людьми и верными друзьями – книгами, А Лермонтов – у подножия Машука под грозowymi раскатами, среди блеска молний и шума страшного ливня?

Для обоих характерной была ранняя детская влюбленность в девочек-сверстниц, которые воспринимались ими, как “странные, ангельские создания”, которым чужда грубая материя жизни. Оба поэта обожествляли женскую красоту. Пушкин, кроме “души доброй”, не придавал особого значения глубокому уму “прекрасного творения Божьего”, а Лермонтов ценил в женщине и форму, и содержание, и заложенную в ней изначально трагедийность ее предназначения.

Оба, будучи идеальными служителями поэзии, не были созданы для семейной жизни в истинном ее обывательском понимании. Пушкин убедился в этом незадолго до смерти, а Лермонтов осознавал это всегда, и устами своего героя Печорина выразил свое отношение к браку вообще, и к браку церковному в частности. По Лермонтову, лучше бы его любимой Вареньке Лопухиной пойти на панель, нежели с благословения церкви выходить замуж за нелюбимого, ничтожного, но богатого Бахматева!

Оба испытывали в любви “синдром Шарля Бодлера”, т.е. одновременную любовь к женщинам двух типов – к земной, со всей ее “природной бабьей сутью”; и к идеальной – к “Небесной Софии, к “Гению чистой красоты”, к Вечной Женственности, Прекрасной Даме, Lunen Coeli, Sancta Roza...

Как и Бодлер, они считали, что ответное чувство “мимолетного видения” нежелательно, ибо оно приводит к разочарованию к женщине своей мечты и к снижению творческой потенции. Ведь известна истина: “Не прикасайтесь к идолам, ибо на пальцах ваших останется их позолота!”

Им бы в жены и в музы какую-нибудь из сестер Бронте, самых одаренных – Шарлотту или Эмиль – просвященных англичанок, их современниц, не отягченных французскими вольностями госпожи Жорж Санд...

Знал ли Пушкин, читая журнал “Вестник Европы”, об их существовании, об их творчестве, и читал ли знаменитые строки Эмили Бронте:

И смерти нет и не умрет
Ни малый атом, ни комета!
Где ты – все дышит и живет

В лучах Божественного света...

Может и знал, но судьбе было угодно, чтобы поэт в Москве встретил 16-летнюю Наталью Гончарову, один из удивительных прекрасных цветков русской нации. Он пережил эту встречу после других “видений чистой красоты” еще раз, но уже, увы, как святыню красоты”, явно смешивая и отождествляя внешнюю красоту и духовную святость.

Стремление совместить высокое служение поэзии с обывательским семейным счастьем в уютном, теплом гнездышке, где есть “хозяйка..., да щей горшок, да сам большой” обернулась для Пушкина безвыходным, муторным до отвращения положением, когда смерть является желанной, единственным освобождением от суеты сует, “томления духа”, от долгов, тягостных обязательств, связанных с изданием журнала “Современник”...

Она, его “мадонна” не оказалась хозяйкой (этому мешала ее роль царицы балов и великосветских раунтов); она не стала его мухой (известно ее равнодушие к творчеству Пушкина). Оболочка “святыни красоты” облекала довольно прозаическую посредственность. Об этом правдиво и живо поведал нам книгоиздатель и книготорговец А.Ф.Смирдин, посетивший квартиру поэта и общавшийся с его женой...

И кому как ни Пушкину было знать, что земная красота обманчива, в скоротечной женской прелести, трагична и таит в себе смерть? Она, эта земная красота, сделалась для него узами всяческого рабства. А он этого терпеть долго не мог. Равновесие, необходимое для творчества, было утрачено, произошло смещение духовного центра, которое определилось в его жизни после женитьбы. Этот путь не был путем певца и тайновидца мира. Так пусто и бездарно он больше жить не мог. Он задыхался, искал смерти. Ее призрак, как некий рок, как идея-фикс преследовала его воображение.

Но и в то же время, думая о смерти, он стал задумываться о Вечном. Уйти от мещанского мира сильных мира сего, от обывателей, изменить свою духовную судьбу. Ведь сколько раз ему это удавалось!

В рукописи после стихотворения “Пора, мой друг, пора...” имеется приписка автора, явно обращенная к жене: “О скоро ли я перенесу свои пенаты в деревню! Поля, сад, крестьяне, труды поэтические, семья, любовь. Религия, смерть.” Его друзья заметили, что в последнее время он был исполнен особого религиозного вдохновения, говорил им о Промысле Божиим, о безмерном благоволении Господа.

Он чувствовал, что его духовный источник иссякает и стал искать встречи с Богом для нового рождения на путях жизни. И взор Божий пал на несчастного, загнанного в угол поэта. Новым рождением для него стала смерть. Путь к нему шел через ворота смерти и жизни вечной. Это явилось для Пушкина спасительным катарсисом в его трагической жизни, полным величественного смысла, который дано было поэту явить на смертном ложе. Физическими мучениями платил он за утраченную свободу, но душой освобождался от тоскливой земной суеты. Вне этого высшего Замысла смерть Пушкина была бы недостойной его жизни и творчества, явилась бы пустой случайностью, бессмыслицей, даром “напрасным и случайным”...

В уходящем от людей Пушкине отсутствовало то, что было в нем накануне дуэли: исчез обезображенный ревностью оскал ревнивого льва. На глазах очевидцев происходило чудо преображения его духовного лика. Как на проявляемой фотобумаге вновь возникал светоносный образ поэта: животворный, незлобивый, всепрощающий, любящий...

Он снова поднимался до прежнего просветленного пророка, восходя через смерть к бессмертию.

...”Никогда на этом лице я не видел ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти, – писал в письме отцу поэта С.Л.Пушкину поэт Жуковский, –

это было не сон и не покой... Это не было также выражение поэтическое. Нет, какая-то глубокая удивительная мысль на нем разливалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое удовлетворенное знание...”

Второе рождение Пушкина было озарено потусторонним светом. Так вот... Оно что! И неужто так надо долго мучиться и страдать, чтобы узреть сие чудо?... Как покойно и вольно, как все божественно прекрасно и величественно понятно! И нет времени! Немой восторг переполняет душу: я пред взором Твоим, Господи! Да будет воля Твоя!

“Кончаясь в холодной постели,
Я чувствую рук Твоих жар!
Меня ты берешь как изделие
И прячешь как перстень в футляр...”

Двести лет тому назад, накануне прошлого века, родился этот самый драгоценный перстень нашей высокой русской духовной культуры, которая на протяжении всей его творческой жизни, и его титаническими стараниями, все время развивалась в русском обществе вглубь. А после него – и вширь, охватывая все новые и новые слои общества, десятки миллионов людей. А потом развитие культуры шло стихийно и попеременно и в ширь и в глубину, пока в наши дни не завершилось искусно управляемой “сверху” массовой культурой, с которой мы нахально входим в третье тысячелетие, обмельчав духом и почти духовно выродившись.

А сколько было со времен Пушкина и Лермонтова произведено экспериментов и алихимических опытов в искусстве и культуре! Футуристы, символисты, акмеисты, имажинисты, кубисты, авангардисты, абстракционисты, и просто, авантюристы и хулиганы от искусства... Это, они вместо широко распахнутого в мир прекрасного окна, посунули нам сделанно заумным видом “черный квадрат” и “композицию № 13”, а вместо божественных стихов, заумные, косноязычные, “камерные” стишата мастеров “делать стихи”.

Но на черном квадрате мы, увы, кроме черной краски, не увидели Бога, других миров и иной жизни, а в натужных философских строчках не услышали звуки Неба. И наши сердца при этом не забились в упоении, а мысль замерла с вопросом без ответа.

Освободившись от тотальной культуры, мы сейчас оказались в цепких лапах умело управляемой сильными мира сего, массовой культуры, с ее циничной торгашеской философией и новыми технологиями психотропного воздействия на психику человека на подсознательном уровне.

Мы методично зомбируемся ею и клонируемся духовно на уровне овец Долли и Молли...

Никому, кроме Бога, не дано знать с каким духовным багажом взойдут пассажиры на переполненный запекшейся рудою-кровью супер-космический лайнер “Титаник-XXI”... Но если, кроме модной в ту пору рок-поп-группы и всего прочего, они случайно захватят с собой в долгий и страшный путь два тома стихов Пушкина и Лермонтова, то останется надежда у живущих на Земле, что наша высокая духовная культура, как богатая почва для человеческого взаимопонимания, любви и милосердия, не пойдет в ад вместе с очередным “великим” техническим монстром и другими дешевыми безделушками нового прогресса.

1 марта 1998 года, в Прощенный День...

Примечания

1. В океане изданий о Пушкине, появляющихся в преддверии 200-летнего юбилея великого поэта, особого внимания заслуживают научные труды отечественных пушкинистов, вышедшие в свет за последние четыре года: И.Ю.Юрьева “Пушкин и

христианство. Сборник произведений А.С.Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания и комментарием.” М.1998; В.С.Непомнящий “Слово о благих намерениях. Московский пушкинист, Вып. 11, М.1996, с.328-338; Он же “Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина” М.1987; К.И.Зайцев “Религиозная проблема Пушкина” 1799-1837; Пушкин и его время” М.1997 и др.

Такие книги давно ждала российская общественность. Дело в том, творчество Пушкина плотно насыщено характерными для русского мировосприятия начала XIX века цитатами, намеками на религиозные тексты от Ветхого и Нового Заветов до молитв и богослужений годового церковного календаря. Этот момент был насильственно искажен и постепенно утрачен в атеистический период пушкинистики начала XX века. На протяжении 70 лет советские пушкинисты, выполняя социально-политический заказ, стремились сделать из Пушкина прирожденного атеиста и чуть ли ни богохульника... Нынче российское общество по сути своей продолжает оставаться атеистическим, мера религиозной необразованности и духовного невежества в обществе не поддается описанию, знаменуя собой чудовищный дух самоотрицания, в который впала духовно истощенная Россия накануне тысячелетия своей христианской истории.

Труды пушкинистов последних лет являются стремлением преодолеть бездну разрыва, искупить грех духовного отступничества нации. При этом отрадно отметить, что наши современные пушкинисты понимают, что обращение Пушкина к Священному Писанию – еще не есть доказательство истинного христианства Пушкина, ибо можно использовать в творчестве библейские образы и не быть верующим христианином. По их мнению, личный и духовный путь Пушкина был не прост и драматичен на протяжении всей его жизни; – известно, что подлинно христианский путь редко бывает прост и легок. Проследить этот мучительный путь поэта через творческий подвиг поэта и взялись наши пушкинисты...

В послесловии к книге И.Ю.Юрьевой “Пушкин и христианство” В.С.Непомнящий пишет: “Личный путь Пушкина был не прост как раз потому, что он чувствовал и сознавал свой гений, свой творческий дар как не свою ношу, а на это не каждый художник способен”. Пушкину было дано чувствовать и мыслить по-христиански, было дано благое иго (МФ 11:30) по-христиански “мыслить и страдать” – и этим определяется строй, характер и высокая цель его художественного мышления, сущность и предназначение его творческого гения, данного Богом России как раз в эпоху духовных соблазнов” (С 248).

Об этом же, но в другой плоскости, еще в 30-е годы нашего века писал С.Л.Франк в статье “Религиозность Пушкина”: ... “нам представляется очевидным парадоксальный факт: Пушкин преодолел свое безверие (которое было в эти ранние годы скорее настроением, чем убеждением) первоначально на чисто интеллектуальном пути: он усмотрел глупость, умственную поверхность обычного ”просветительского” отрицания. В рукописях Пушкина находится следующая запись: “не допускать существование Бога – значит быть еще более глупым, чем те народы, которые думают, что мир покоится на носороге”. В одном из ранних стихотворений мысль о небытии после смерти “ничтожестве”, о котором говорится: “ты чуждо мысли человека, тебя страшиться гордый ум ...”. С конца 20-х годов до конца жизни в Пушкине непрерывно идет созревание и углубление духовной умудренности и вместе с этим процессом – нарастание глубокого религиозного сознания ... Языческий, мятежный ... Пушкин вместе с тем обнаруживается нам, как один из величайших гениев русского христианского духа” (С.Л.Франк Религиозность Пушкина // Путь. Париж, 1933 №40).

Сам же Пушкин в статье “О ничтожестве литературы русской” писал: ... “Она (философия XVIII века – А.А.) была направлена против господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, а любимым ее орудием была ирония

холодная и осторожная насмешка бешенная и площадная ... все высокие чувства, драгоценные человечеству были принесены в жертву Демону смеха и иронии, греческая древность осмеяна, святыня обоих заветов обругана ..." (Пушкин А.С. ПСС, М-Л.изд-во АН СССР. 1937-1949. Т.ХI, с. 271-272).

2. В стихотворении "Странник", наполненном автобиографическим содержанием, Пушкин довольно подробно описывает состояние своей души, когда он внезапно был объят "скорбью великой и тяжким бременем подавлен и согбен ...":

... "О горе, горе нам! Вы, дети, ты, жена!–

Сказал я, – ведайте: моя душа полна

Тоской и ужасом, мучительное бремя

Тягчит меня ...

Мои домашние в смущение пришли

И здравый ум во мне расстроенном почли.

Но думали, что ночь и сна покой целебный

Охолодят во мне болезни, жар враждебный.

Я лег, но во всю ночь все плакал и вздыхал

И не на миг очей тяжелых не смыкал.

Поутру я один сидел, оставя ложе.

Они пришли ко мне; на их вопрос, я тоже

Что прежде говорил ...

.....
Как узник из тюрьмы замысливший побег,

Иль путник, до дождя спешащий на ночлег,

Духовный труженник – влача свою веригу,

Я встретил юношу, читающего Книгу.

Он тихо поднял взор – и спросил меня,

О чем, бродя один, так горько плачу я?

И я в ответ ему: "Познай мой жребий злобный:

Я осужден на смерть и позван в суд загробный –

И вот о чем крушусь: к суду я не готов,

И смерть меня страшит".

– "Коль жребий твой таков, –

Он возразил, – и так жалок в самом деле,

Чего ж ты ждешь? Зачем не убежишь от селе?"

И я: "Куда ж бежать? Какой мне выбрать путь?"–

Тогда: "Не видишь ли, скажи, чего-нибудь?" –

Сказал мне юноша, даль указуя перстом.

Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,

Как от бельма врачом избавленный слепец.

"Я вижу некий Свет" – сказал я наконец.

"Иди ж, – он продолжал: – держись сего ты Света,

Пусть будет он тебе (единственная) мета,

Пока ты тесных врат (спасенья) не достиг,

Ступай!" – и я бежать пустился в тот же миг.

(III, с. 391-393)

26 ию/ / 1835

Евангелие от Матфея, гл. 7:13-14, "входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими, потому что тесны врата" и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их."

К этому периоду относится два неосуществленных замысла Пушкина: "Иисус" и "Вечный жид". О первом замысле написал статью Лотман: "Бросается в глаза

структурный параллелизм между последней "ночью" Петрония и "Пиром во время чумы": пир на краю гибели - жажда наслаждений, гедонизм, ... героический стоицизм человека, утратившего веру во все ценности, и - в итоге - суровый голос христианского проповедника". (Лотман Ю.М. Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе/ Временник. "Наука, 1982, с.15-27)

О втором замысле на тему "Вечного Жида" сообщает дневник Ф.Малевского: "В хижине еврея умирает дитя. Среди плача является некий человек и говорит матери: "Не плачь. Не смерть, а жизнь ужасна. Я странствующий жид. Я видел Иисуса, несущего крест, и издевался /над Ним/" (И.Ю.Юрьева "Пушкин и христианство", с.243).

3. Подчеркнутые Пушкиным слова "религия, смерть" в ПСС намеренно никак не отмечены, хотя другие слова, подчеркнутые поэтом выделены курсивом... - так несли "службу" пушкинисты-атеисты! - А.А.

4. Насколько актуальны стихи Пушкина сегодня, сам за себя говорит черновой набросок Пушкина:

И горд и наг пришел Разврат
И перед ним сердца застыли
За власть Отечество забыли,
За злато продал брата брат.
/11, с.314/

Нам бы лет 100 спокойной жизни

Психологическая усталость и финансовые пирамиды размывают устои общества. Всем нужен отдых...

Ушел из дому...

Получив долгожданную четырехмесячную зарплату, ведущий конструктор одного из филиалов НПО "Энергия", несказанно обрадовался, позвонил жене и вместе с ней составил список продуктов, которые необходимо купить на оптовом рынке. Но, закупив все намеченное, конструктор, нагруженный неподъемными сумками, ни с того ни с сего отправился на Курский вокзал, взял билет до Адлера и в этот же вечер укатил на юг. На четвертые сутки родственники объявили розыск, и МТК обратился к телезрителям: "Нужна ваша помощь... Ушел из дому и не вернулся..."

Он вернулся, но только через две недели, когда вдруг очнулся в чужом городе, на морском пляже, в гамаке, взятом напрокат...

Он понял, что выпал из времени.

Психиатрическое обследование местных врачей показало: горе-отдыхающий болен одним из сотен видов шизофрении – автоматизмом, болезнью, зафиксированной психиатрами еще в конце прошлого века.

Редкое по тем временам психическое заболевание стало в наши дни прогрессировать. Но главным бедствием наших граждан, охваченных длительными психотравмирующими факторами, стали неврозы – истерия, неврастения, невроз навязчивых состояний.

Из психопатических проявлений чаще всего сейчас наблюдается истерическое сумеречное состояние (сужение сознания), которое характеризуется исключением больного из реальной обстановки.

Утрата чувства реального и трудность приспособления ко всему новому характерны для больных психастенией. В некоторых случаях психастеник, чтобы избавиться от мучительных сомнений, тревог и проблем, кончает жизнь самоубийством.

По мнению психиатра Киселева, профессора и академика Международной

академии информатизации, огромный скачок вниз уровня жизни привел к резкому скачку вверх заболеваемости пограничными психическими расстройствами и психосоматическими болезнями, туберкулезом, сифилисом, алкоголизмом, наркоманией. При этом уважаемый академик утверждает, что современный кризис ударил не только по самым беспомощным – старикам и детям, – но и по людям трудоспособного возраста, особенно по родившимся в годы войны и послевоенное голодное лихолетье.

Мало того, он считает, что качество населения в условиях постоянных стрессов ухудшилось, число неординарных личностей резко сократилось, нанесен тяжкий ущерб будущим поколениям и, чтобы восстановить генофонд нации, России нужно хотя бы столетие спокойной жизни...

Сколько же у нас сейчас в России психически больных граждан или тех, кто находится на грани ярко выраженной психопатии?

Увы, официальная статистика об этом стыдливо молчит, а средства массовой информации, видимо, считают, что анализировать сей больной вопрос является признаком дурного тона.

Однако ж тот самый академик Киселев сказал четко: “По количеству не пришедших на выборы можно косвенно судить о числе пассивных людей, по-своему переживших стресс”... А раз так, то под угрозой грядущих психиатрических аномалий в данный момент находится около 35 миллионов наших граждан.

Психиатрия, “МММ” и другие

Стремительный рост острых психических заболеваний пришелся в России на весну 1995 года, когда началось банкротство многочисленных мошеннических форм типа “МММ”, “РДС”, “Нефтьалмазинвест” и др. Именно в это время, по свидетельству главного психиатра Москвы, психиатрические больницы столицы и области были переполнены сошедшими с ума экспансивными вкладчицами.

В С.-Петербурге сожгла себя заживо одна из вкладчиц коммерческого банка, о чем говорилось на одном из заседаний Госдумы, много смертельных исходов сопровождало “закрытие” волгоградских банков, но самую большую жатву смертей собрал всем известный российский мошенник и бывший депутат Мавроди.

Жертвами глубочайшего психологического стресса стали в первую очередь жители промышленных городов. Уход из жизни через окно или с балкона многоэтажки характерен для жителей подмосковных городов – Калининграда, Красногорска, Красноармейска, Дубны, Мытищ, Черноголовки, Пушкина и Пущина, в деревнях и поселках городского типа традиционными остаются петля, самосожжение, а чаще всего умышленное алкогольное отравление.

Особую тревогу вызывают факты группового самоубийства, например родителей с малолетними детьми...

Идея уйти в мир иной через алкогольное отравление приобретает все больший размах. Спасенные же врачами жертвы белой горячки категорически отказываются от кодирования, объясняя это нежеланием жить жизнью, лишенной цели и смысла.

Психологическая усталость нескольких поколений почти полностью размыла моральные устои всех слоев общества. Некоторые политики с каким-то садистским наслаждением ждут того времени, когда окончательно вымрет электорат их соперников, и не стесняются это ожидание выражать вслух.

В электронных СМИ все чаще звучит их недовольство “качеством нынешнего человеческого материала” – трудоспособного населения в возрасте 35-60 лет, которое, по их мнению, “весьма подпорчено большевистским режимом”.

По мнению власть имущих и к ней ползущих, для обустройства России как великой державы “светлого буржуазного завтра” необходима полная смена двух поколений. Являясь нашими ровестниками, эти горе-реформаторы собираются строить “Великую Россию” на наших гробах с сегодняшними школьниками, забывая о

том, что поколение “юных гуннов XXI века” – такое же больное поколение, как и наше.

По данным Министерства образования, в этом году в России официально зарегистрированы 1 миллион беспризорников, 2 миллиона нигде не учащихся детей, 500 тысяч оставшихся без родителей, 260 тысяч подростков, в прошлом году совершивших преступления (а это половина всех совершенных в РФ преступлений!); 300 тысяч подростков, сделавших аборт, и 3 тысячи школьниц в возрасте до 17 лет, ставших мамами (можно представить качество новорожденного “человеческого материала”!).

Из каждых ста подростков двадцать употребляют наркотики и шестеро являются токсикоманами. Каждый третий ребенок в РФ имеет отклонения в психике и эмоциональной сфере. Но для детей с эмоциональными нарушениями, дефектами моторики, ослабленным здоровьем в стране вообще не предусмотрена система образования...

Такова официальная статистика, но последуем мудрому совету, данному федеральным солдатиком Чечне корреспонденту Российского телевидения 8 августа прошлого года: “Официальные данные о жертвах всегда умножай на десять – и не ошибешься!” Но если данные Министерства образования, и Минздрава, и МВД умножить хотя бы на два, то такая черная цифирь повергает в шок нормального человека. И только одно ничем не прошибаемое государство остается равнодушным к психопатическому состоянию своих подданных.

У людей стали меняться лица

В годы торжества советской психиатрии, когда она была верной служанкой карательных органов, профилактика психических заболеваний носила чисто показушный характер, но зато направо и налево щедро награждались диагнозом “вялотекущая шизофрения” вольнодумцы и инакомыслящие. Ужас перед психиатром вошел в кровь и плоть нескольких поколений советский людей.

Ныне о профилактике психических болезней из-за нехватки средств вообще забыто, и далеко не худшие представители нации продолжают уходить в никуда – в бродяжничество, белую горячку, амнезию и духовную смерть. Сколько их приходится видеть в общественном транспорте и на улицах, говорящих с собой в слух, провалившихся внутрь себя, нелепо жестикулирующих, тупо пассивных или агрессивно активных.

Вырождающиеся личности все чаще стали мелькать и на экранах телевизоров. И не требуется глубоких знаний физиогномики, чтобы заметить грубую асимметричность лиц, искривленные носы и рты, бедность мимики и излишнюю резкость жестов, странность взгляда – одним словом, все то внешнее, что, как зеркало, отображает деградацию души. Среди этого паноптикума масс-медиа редко встретишь мужскую особь с красивыми и благородными чертами лица.

Да и от чего же им быть красивыми внешне и внутренне, этим детям эпохи “великих потрясений”? Если только одно из них – голод на Украине и Дону в 1932 – 1933 гг. – унесло в могилу 8 миллионов человек, и свыше 25 миллионов оставшихся в живых подростков оказались свидетелями, а иногда и участниками каннибализма.

Очень трудно вызвать на откровения оставшихся в живых свидетелей и участников той чудовищной драмы, но еще невыносимее выслушивать среди слез и рыданий их страшные свидетельства. Пережитое навечно запечатлелось в их сознании и передается из поколения в поколение на генном уровне, исключая в потомстве, свободомыслие, свободолюбие, чувство человеческого достоинства.

И как же ханжески и юродски двучат речи бывших палачей, испугавшихся неожиданного крушения советской империи и возможных актов возмездия со стороны их жертв: “Каков молодчина Сидоров! всю жизнь провел в сталинских лагерях, не озлобился, остался человеком!” Будто не знают, что после из великих

потрясений и геноцидных экспериментов в виде искусственного голода и Соловков никак нельзя остаться нормальным человеком, ибо пережитое навсегда и безвозвратно корежит психику людей, и потомство от них, как правило, бывает ущербным.

В течение 80 лет у нас пытались вывести особую породу двуногих – “советских людей”, их наследники, разочаровавшись в этой породе аморфной “рабсилы”, делают все, чтобы сей ненужный и никчемный, с их точки зрения, “человеческий материал” как можно быстрее вымер...

И старшее, и совсем юное поколение наших граждан давно уже нуждается и в семейном психоаналитике, и в опытном психиатре.

Необходимо расширение действенных и оперативных психдиспансеров, строительство психлечебниц, создание опорных пунктов по социальной и моральной поддержке населения и, наконец, строительство хосписов и богаделен при монастырях и крупных церковных приходах.

После такой страшной жизни нашим старикам необходимо обеспечить покойную старость и достойную смерть... Но, увы, у многих семей нет денег на анонимные услуги специалиста, один вызов которого на дом стоит 1 миллион рублей. Нет денег на профилактику психических заболеваний и у государства. Истратив миллиарды долларов на первый этап войны в Чечне и отпустив “гулять” такую же сумму в западные банки, оно беспомощно разводит руками, изредка утешая себя организацией грандиозных шоу.

Нет денег на устройство богаделен и сиротских церковных школ и у Русской православной церкви. Отряды нищенствующих монахов и монашек предпочитают собирать пожертвования в подземных переходах, метро и электричках только на восстановление храмов, но отнюдь не на строительство богаделен.

А между тем, экономя эфирное время для рекламы, дикторы и ведущие программ спешат нам сообщить последние новости: “В стране намечается всероссийская забастовка шахтеров и учителей... Жители Дальневосточного региона остались без электричества... Деньги на зарплату ушли в местные коммерческие банки и их посредникам... Федеральные войска покидают Грозный, и солдаты в противогазах грузят в машины полуразложившиеся трупы своих погибших товарищей... Москва готовится к Дню города, и на Тверской предстоит грандиозное шоу... Шахтеры говорят, что входить в голодовку намного легче, чем выходить из нее...” И так далее и тому подобное...

Где взять деньги на оплату труда врачей-психиатров и педагогов-дефектологов и по каким адресам направлять специалистов для тщательного и детального психиатрического обследования лиц, от которых зависят судьбы многомиллионных обитателей громадного Дома Скорби?

Разными дорогами идут в никуда наши сограждане, но все их пути скоро сойдутся в одном скорбном месте, где появятся над холмиками печальные надписи: “умер от подсердечной тоски...”; “умер от одиночества...”; “умер от реформ...”; “умерла от омерзения...”. Кстати, последняя должна была украшать могилу Фаины Раневской. В этих страшных словах великая актриса нашего века как никто емко выразила свое отношение к эпохе “великих потрясений” и обществу, в котором мучилась она сама, мучились и погибали преждевременно лучшие ее современники... Умерла от омерзения... Лучше не скажешь!